ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СССР

ББК 60.7
О-75

Авторский коллектив:
Введение — *Р. С. Ротова;* гл. I, § 1, 2 и 3 — *И. В. Калинюк, Р. С. Ротова, Е. С. Самойлова;* § 4 — *Н. И. Кунгурова, Р. С. Ротова;* гл. II, § 1 — *Р. С. Ротова;* § 2 — *И. Н. Веселкова, И. В. Калинюк;* § 3 — *В. В. Елизаров;* § 4 — *Н. И. Кунгурова, Е. С. Самойлова;* § 5 — *И. Н. Веселкова, Н. И. Кунгурова, Р. С. Ротова;* § 6 — *И. В. Калинюк, Р. С. Ротова;* гл. III, § 1 — *В. В. Елизаров;* § 2 — *И. Н. Веселкова;* § 3 — *И. В. Калинюк, А. Я. Кваша;* § 4 — *А. Я. Кваша.*

Особенности демографического развития в О-75 СССР/Р. С. Ротова, И. В. Калинюк, Е. С. Самойлова и др.; Под ред. Р. С. Ротовой. — М.: Финансы и статистика, 1982. — 232 с., ил.

Авт. указ. на обороте тит. л.

В пер.: 2 р. 20 к.

Книга издается к 60-летию образования СССР. В ней анализируется взаимосвязь экономического и демографического развития нашей страны, структура населения. Особое внимание уделяется современному периоду демографического развития СССР. Авторы исследуют социально-демографические процессы населения страны в целом и населения каждой союзной республики. Рассматривают воздействие общественного производства на отдельные демографические процессы, в том числе на рождаемость, на воспроизводство населения.

Для демографов, экономистов, соцнологов, медиков, работников плановых органов.

О $\frac{0703000000-140}{010(01)-82}$ 47—82

ББК 60.7
312

© Издательство «Финансы и статистика», 1982

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена исследованию экономико-демографических связей, темпам и пропорциям социально-экономического и демографического развития нашей страны. Названную проблематику вряд ли можно полностью осветить в одной работе, поэтому цель предлагаемой монографии состоит в том, чтобы проанализировать различия в воспроизводстве населения по республикам и регионам в неразрывном единстве с их социально-экономическим развитием.

Данное исследование является продолжением работы, проводимой в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, о развитии народонаселения, о содержании и закономерностях изменений качества народонаселения [1].

Изучение взаимосвязи социально-экономических процессов с демографическими процессами и качественным составом (возрастно-половым, образовательной и профессиональной структурой, занятостью, уровнем здоровья и т. д.) населения многонационального социалистического государства, на наш взгляд, позволяет выявить ведущую роль социально-экономического фактора по сравнению с другими факторами развития народонаселения, в частности фактора рождаемости [2].

Представляется, что выбранное направление исследования будет способствовать дальнейшей разработке проблем демографии в системе общественных наук. Актуальность этой разработки была отмечена на XXVI съезде КПСС, поставившем задачу практической реализации демографической политики. Ее решение требует тщательного рассмотрения долгосрочных тенденций

[1] См.: Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 71—77.
[2] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье. М., 1975, с. 132; *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР. М., 1977, с. 43—45.

демографических явлений в их тесной связи с экономическим развитием.

Такой анализ важен потому, что в силу ряда исторических причин темпы и пропорции экономического развития республик СССР до определенного времени различались, что сказывалось на характере демографических процессов и структур и перспективах их изменений. Поэтому при разработке как общесоюзной, так и региональных программ демографической политики необходимо учитывать специфику конкретного этапа экономико-демографического развития страны в целом и ее регионов.

Развитие народонаселения проявляется в «связях, существующих между социально-экономическим развитием и воспроизводством населения»[1]. Оно выражается в изменениях численности (через изменения рождаемости, смертности, миграции), различных социально-демографических структурах (в частности, возрастно-половой, образовательной, профессиональной и др.) населения. При этом указанные изменения выступают «наиболее важным, предельным проявлением развития населения»[2]. В силу сложности вопросов о развитии народонаселения монография ограничивается рассмотрением влияния социально-экономического уровня прежде всего на наиболее важную сторону развития народонаселения — на воспроизводство населения и его отдельные структуры. Среди структур населения авторы монографии особое внимание обращают на образовательную, поскольку она в наиболее обобщенном виде отражает рост культурного уровня населения и является важной основой профессиональной подготовки и формирования способности населения к труду в условиях высокомеханизированного производства и интеллектуализации труда.

Исторический путь, который прошло многонациональное советское общество более чем за 60 лет, т. е. почти за время двух демографических поколений, позволяет делать обобщения об особенностях развития народонаселения в условиях единой социальной системы нашей страны и о решающей для этого развития роли социально-экономического уровня.

[1] Система знаний о народонаселении, с. 38.
[2] Там же, с. 40.

В условиях социалистического способа производства на протяжении рассматриваемого исторического периода имела место дифференциация экономических уровней регионов, республик, которая определялась уровнем развития их производительных сил. Главную роль в устранении унаследованной от царской России дифференциации играли социалистические производственные отношения.

Производственные отношения, социальное устройство нашего общества, политика партии и Советского государства в осуществлении фактического равноправия наций обеспечили подтягивание ранее отсталых республик (прежде всего путем ускоренного роста их производительных сил) к уровню экономически развитых районов страны и на этой основе — неуклонное сближение благосостояния и культуры всех советских республик.

Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, «с первых лет Советской власти наша экономическая и социальная политика строилась так, чтобы как можно быстрее поднять бывшие национальные окраины России до уровня развития ее центра»[1]. В результате такой политики создавалась материальная основа для постепенного сближения республик и в их демографическом развитии[2]. «История не знает государства, которое в кратчайшие сроки сделало бы так много для всестороннего развития наций и народностей, как СССР — социалистическое Отечество всех наших народов»[3].

В свете положений XXV и XXVI съездов партии анализ демографических процессов по республикам страны на основе синтеза знаний ряда естественных и общественных наук, а среди общественных наук — прежде всего экономических представляется в настоящее время особенно актуальным. Анализ демографических процессов и качественных структур населения на

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 55.
[2] Демографическое развитие мы рассматриваем как очень близкое, но не совпадающее с понятием «развитие народонаселения» и отражающее изменения за длительный период воспроизводства населения в широком смысле, т. е. включая качественные структуры населения.
[3] О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1982, с. 6.

основе синтеза знаний о народонаселении нашел отражение в ряде исследований, направленных на раскрытие закономерностей изменений в народонаселении[1]. Такой подход нам представляется наиболее плодотворным.

Мы полностью разделяем позицию о том, что изменения в воспроизводстве населения выступают как адаптация «этой специфической системы к окружающей ее социальной среде» и что, например, путем «сокращения рождаемости происходит регуляция скрытых напряжений, противоречий, которые характерны для взаимодействия воспроизводства населения и материального воспроизводства»[2]. Эта позиция требует всестороннего выявления передаточных механизмов, объясняющих экономическую и социальную детерминацию воспроизводства населения.

Основоположники марксизма показали, что суть возникновения и развития человека в отличие от всей остальной органической природы, возвышение человека над природой связано с трудовой деятельностью, с общественным производством. Именно поэтому логический анализ и выявление вышеназванных механизмов приводят нас к сфере производства, к трудовой деятельности людей и к связям между двумя основными видами жизнедеятельности населения — трудовой и генеративной.

Население в своей экономически активной части (с его научными, техническими и другими знаниями, производственным опытом) выступает главным компонентом производительных сил, как бы личным, субъективным их элементом. Другая часть производительных сил — их вещественные (объективные) элементы (прежде всего орудия труда, транспортные средства и другое материальное оснащение производства), которые предъявляют определенные требования к личному элементу, т. е. способности работников эффективно использовать вещественные элементы производительных сил. Между личными и вещественными элементами возникает несоответствие, неантагонистическое противоречие, требующее на каждом историческом этапе своего разреше-

[1] См.: Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. М., 1969; Марксистско-ленинская теория народонаселения. Изд. 1-е и 2-е. М., 1971 и 1974 гг.; Система знаний о народонаселении и др.

[2] Система знаний о народонаселении, с. 9.

ния. Устранение возникшего несоответствия составляет источник движения и развития народонаселения[1].

Устранение указанного противоречия происходит прежде всего в процессе воспроизводства рабочей силы. Опираясь на теоретические положения экономической науки о воспроизводстве рабочей силы, авторы видят необходимость осмыслить в свете этих положений закономерности развития народонаселения в нашей стране. Это особенно важно для объяснения демографических тенденций по регионам и республикам страны на современном этапе и на ближайшую перспективу.

Применение положений о воспроизводстве рабочей силы к изучению, например, наиболее сложного из демографических процессов — процесса рождаемости позволяет обратить внимание на социально-экономический характер потребности в детях, специально выделив объем той части жизненных средств и условий, которая идет на содержание и воспитание детей, т. е. на удовлетворение объективно присущей человеку потребности в детях. При этом рождение, уход за детьми, их воспитание мы рассматриваем как одну из важных социально-экономических потребностей, потому что потребность в детях, их содержание и воспитание являются неотъемлемой частью процесса воспроизводства рабочей силы на уровне семьи.

С еще большей очевидностью социально-экономический характер этой потребности выступает на уровне общества в целом: для общества (точнее для его экономической подсистемы) содержание и воспитание подрастающего поколения — это удовлетворение потребности общества в будущем молодом пополнении взамен выбывающих из производства работников. Признание социально-экономического характера потребности в детях способствует пониманию взаимосвязи процесса воспроизводства рабочей силы и процесса рождаемости в условиях роста интенсивных факторов.

При интенсивном характере воспроизводства рабочей силы и особенно при быстром повышении роли интенсивных факторов использования рабочей силы, когда производство требует не столько увеличения численности работников, сколько совершенствования их качества (работоспособности, здоровья, общей культуры,

[1] См.: Система знаний о народонаселении, с. 40—41.

образования, профессиональной подготовки, способности к быстрой адаптации и т. д.), жизненные условия и материальные средства должны обеспечивать этот качественный рост работников и подрастающего поколения.

Более конкретное рассмотрение взаимосвязи воспроизводства рабочей силы не только с рождаемостью, но и с другими демографическими процессами помогает открыть новые аспекты механизма развития народонаселения в современных условиях.

Жизненные условия и средства для воспроизводства рабочей силы по своему объему и составу определяются, во-первых, степенью сложности и напряженности труда (объемом затрат физической, нервной, умственной энергии в процессе труда), во-вторых, развитием потребностей, их соответствием по качеству и разнообразию современным достижениям производства, культуры, моде и т. д. При этом мы имеем в виду рациональные с точки зрения социалистического общества потребности, которые способствуют всестороннему физическому, интеллектуальному, нравственному, эстетическому развитию личности, в отличие от псевдопотребностей, связанных с накопительством.

Чем интенсивнее процесс производства, чем быстрее происходят в нем перестройки, сложнее и производительнее машины и механизмы, тем больше работник тратит нервных, нередко и физических сил в процессе труда[1]. Для восстановления и тем более совершенствования этих сил требуется, например, более качественное питание, больше времени для снятия нервного напряжения и для физического отдыха, для дальнейшего расширения своих знаний и навыков к труду.

Диалектика развития производства такова, что более сложные и производительные машины и механизмы, требуя больших затрат энергии работника, одновременно вызывают более быстрое «обновление» производимых благ и услуг. Это создает основу для роста уровня потребностей[1], появления более сложной, современной и быстро меняющейся системы потребностей у работников и всего населения в материальных и духовных благах, услугах и фонде времени для пользования ими. Однако возможности производства и особенно объективно ограниченный фонд времени не позволяют в полной мере удовлетворять быстро растущие потребности работника и его семьи[2]. Такое положение создалось при переходе от производства, основанного на ручном труде, к машинному; это происходит и при переходе к высокомеханизированному производству, когда созданные самими людьми средства производства требуют качественно иного, чем прежде, работника, с более высокой работоспособностью, с лучшим нервно-психическим и физическим состоянием здоровья и способностью адаптироваться к меняющимся условиям труда, с более высоким образованием, профессиональной подготовкой, квалификацией, общим культурным уровнем и т. д., т. е. с системой более развитых материальных и духовных потребностей. В результате возникает несоответствие между объективными и субъективными элементами производительных сил. Осмысление механизма возникновения и разрешения этого несоответствия увеличивает требования к системе мероприятий, проводимых в нашем социалистическом обществе для повышения благосостояния народа и совершенствования всех условий социального развития.

В СССР это противоречие разрешается, с одной стороны, благодаря тому, что само производство (не только материальное, но и связанные с ним остальные нематериальные сферы) расширяет в каждый последующий период возможности для удовлетворения повышенных к работникам, населению требований — растут доходы населения и прежде всего оплата труда, увеличиваются

[1] См.: *Киколов А. Н.* Умственно-эмоциональное напряжение за пультом управления. М., 1967; Физиология труда. М., 1967; *Ретнев В. М.* Проблемы гигиены труда при комплексной автоматизации. Л., 1971; *Он же.* Гигиена труда при автоматизированном производстве. Л., 1974.

Ряд исследователей выявили, что чем напряженнее и длительнее труд на сложных машинах в условиях большого нервного напряжения, тем больше времени требуется для полного восстановления прежней работоспособности. См. статьи *Ю. С. Боровер* и *Г. В. Долецкой, Л. С. Исаакяна* в книге «Физиология труда».

[1] Уровень потребностей — система сложившихся потребностей, ставших постоянными, необходимыми для осуществления нормальной жизнедеятельности в данных конкретно-исторических условиях.

[2] Степень удовлетворения потребностей выражает соотношение между фактически имеющимися жизненными условиями и теми, которые необходимы человеку (работнику, его семье, социальной группе, населению) исходя не только из восстановления, но и качественного расширения способности к труду и всей жизнедеятельности.

объем и разнообразие материальных и духовных благ, услуг, улучшаются жилищные условия, совершенствуется сеть дошкольных учреждений, медицинского, бытового обслуживания, расширяется фонд времени для отдыха и удовлетворения духовных потребностей, в том числе для повышения культурного, образовательного и профессионального уровня.

Благодаря постепенному и периодически проводимому сокращению рабочего времени увеличивается свободное время. Растет сеть учреждений общего и профессионального образования.

Современное социалистическое производство не только создает необходимые материальные предметы потребления для удовлетворения физических и духовных потребностей, но и высвобождает все большую часть трудовых ресурсов из материальной сферы для сферы обслуживания. Оно расширяет материальную базу для удовлетворения и развития потребностей населения, для социального развития. Как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, «...именно в области экономики закладывается фундамент решения социальных задач...» [1]

Таким образом, одна сторона разрешения противоречия между личными и вещественными элементами производительных сил заключается в том, что производство, предъявляя повышенные требования к качеству работников, одновременно само предоставляет бóльшие, чем в предыдущий период, возможности для развития качества народонаселения. При этом существенное значение имеют научная обоснованность и своевременность тех мер, которые предпринимаются для снятия противоречий. Ведущую роль здесь играет политика партии и Советского государства, учитывающая объективные закономерности и направленная на достижение более полного удовлетворения потребностей всех членов социалистического общества.

С другой стороны, снятие противоречия обязательно предполагает активную адаптацию работников, населения к изменившимся условиям труда и жизни, к условиям воспроизводства рабочей силы. Производство, расширяя возможности для удовлетворения сложившихся потребностей и одновременно порождая новые потребности у работников, поднимает систему их потребностей

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

на более высокую ступень развития. Это находит свое выражение в законе возвышения потребностей, который проявлялся на протяжении всей истории человечества и получил особенно большой простор для своего действия при социализме.

Однако быстрый рост и усложнение системы потребностей работника и его семьи и относительно ограниченные возможности удовлетворения потребностей приводят к понижению степени удовлетворения потребностей. И это побуждает работников проявлять активность, направленную на поддержание более высокой степени удовлетворения потребностей. Одним из проявлений этой активности является повышение работником своего образования, общей культуры, профессиональной подготовки, укрепление своего здоровья как основы работоспособности и всей жизнедеятельности.

Благодаря росту и совершенствованию производства, социально-экономической политике социалистического государства и активной адаптации людей в каждый данный период устанавливается определенное соответствие между способностью населения к труду и требованиями к этой способности со стороны вещественных элементов производительных сил. Противоречие временно (полностью или частично) разрешается. В ходе установления этого соответствия появляется новое измененное состояние народонаселения: количественно выраженные процессы естественного воспроизводства и миграции и его качественные структуры (возрастно-половая, образовательная, профессиональная). Затем противоречие повторяется на следующей более высокой ступени. Повторяемость возникновения, развития и разрешения указанного противоречия обеспечивает в целом непрерывность движения народонаселения по восходящей линии. Разумеется, строгих границ появления и устранения противоречия на каждой ступени выделить невозможно.

Являясь необходимой для разрешения противоречия, активная адаптация работников к меняющимся условиям труда и жизни оказывается тесно связанной не только с экономическим процессом воспроизводства рабочей силы, но через него и с воспроизводством населения.

В самых разных сферах жизнедеятельности различные группы населения начинают использовать доступ-

ные им пути поддержания более высокой степени удовлетворения потребностей. Это приводит, в частности, и к изменению демографического поведения и демографических процессов. Так, стремление поддержать удовлетворение своих потребностей на более высоком уровне приводит, например, к ограничению числа детей в семье. Сознательное же ограничение числа детей ведет к сокращению размера и изменению состава семей. В условиях внутрисемейного регулирования деторождения все больше проявляется лимитирующее значение фонда времени, и меньшее число детей в семье дает дополнительное свободное время родителям.

Чтобы повысить степень удовлетворения потребностей, люди нередко переезжают в другое место проживания, где имеются лучшие возможности для их удовлетворения. Именно этим объясняется, по нашему мнению, то, что с достижением определенного экономического уровня повышается миграционная подвижность населения. При этом мигранты хотят получить определенное образование, более интересную работу, более высокую оплату труда, улучшенные жилищные условия, культурное и бытовое обслуживание и т. д. Для современного периода этим можно объяснить миграцию из села в город, из малых городов в более крупные, из одного экономического района в другой.

В новом месте проживания мигранты на какой-то период времени могут повысить степень удовлетворения потребностей, если в месте их вселения уровень потребления у них оказывается выше, чем в прежнем месте. Но через некоторое время у них возникает такая же степень удовлетворения потребностей, как у местного населения, а для более высокой степени удовлетворения своих потребностей работник может ограничивать число детей в семье, повышать профессиональную, квалификационную подготовку, образовательный уровень и т. д.

Развитие производства требует определенного соответствия между орудиями труда и способностью работника к труду (образовательной, профессиональной подготовкой, здоровьем) с помощью этих орудий. Это служит основой для различий в уровне образования и квалификации работников разных отраслей на современном этапе развития.

Распространение активной адаптации и постоянная необходимость в ней становятся неизбежными при до-

стижении определенного уровня развития производительных сил, когда систематически совершенствуются орудия труда и способность работников использовать орудия, когда ускоряется развитие системы потребностей населения.

В результате более или менее одновременного использования разными социально-демографическими группами способов адаптации к меняющимся условиям воспроизводства рабочей силы начинают как бы параллельно меняться рождаемость, миграция, образовательный состав населения.

В условиях растущей механизации труда воспроизводство рабочей силы и связанную с ним активную адаптацию к меняющимся условиям труда и жизни работника и его семьи можно рассматривать как общий для рождаемости, миграции, образовательной, профессиональной и других структур механизм, передающий одновременное воздействие изменений в общественном производстве на процессы воспроизводства населения в широком смысле. Этот же механизм можно рассматривать применительно и к демографическим процессам, не основанным на свободном волеизъявлении людей, таким, как заболеваемость и смертность. (Более подробно см. гл. II, § 5.)

Влияние уровня производительных сил на процессы воспроизводства населения и его качественные структуры является решающим, но отнюдь не единственным фактором развития народонаселения. Помимо этого главного социально-экономического фактора элементы воспроизводства населения — рождаемость, смертность, миграция, возрастно-половая, образовательная и другие структуры — воздействуют друг на друга, однако изучение их взаимодействия не входит в задачу данного исследования.

С достижением определенного уровня развития производительных сил начинает меняться традиционный[1], существовавший на протяжении многих веков тип воспроизводства населения, для которого характерны высокая рождаемость, высокая смертность, особенно детская, небольшая продолжительность жизни, практически неизменные возрастно-половая, а также профессиональ-

[1] В литературе применяется также термин «примитивный» тип воспроизводства населения, но мы считаем наиболее подходящим термин «традиционный».

ная, образовательная и некоторые другие структуры, низкая индивидуальная миграционная подвижность населения. Вместо него появляется современный тип воспроизводства с низким уровнем рождаемости, смертности, новой структурой причин смертности, высокой продолжительностью жизни, непрерывно меняющимися качественными структурами населения — образовательной, профессиональной, повышающейся индивидуальной миграционной подвижностью и т. д. [1]

Переход от традиционного к современному типу воспроизводства, получивший в литературе название «демографического перехода»[2], занимает исторический период, в течение которого демографические процессы, продолжительность жизни и возрастная структура населения неуклонно меняются в одном направлении — рождаемость, смертность понижаются, средняя продолжительность жизни увеличивается, доля молодых возрастов во всем населении уменьшается, а пожилых возрастов — растет, а затем относительно стабилизируется на одном уровне.

В традиционном типе воспроизводства, а также в период перехода к современному типу и при стабилизации современного типа воспроизводства населения обнаруживается определенная взаимосогласованность между демографическими процессами и структурами населения. Так, более низким показателям рождаемости и смертности (и соответствующим им продолжительности жизни и возрастной структуре) соответствует более высокий уровень образования, более сложная профессиональная структура населения, большая миграционная подвижность; и наоборот, более высокой рождаемости и смертности — более низкий уровень образования, профессиональной подготовки, меньшая миграционная подвижность населения.

Взаимосвязь между естественным воспроизводством и качественными структурами населения объясняется, по нашему мнению, общим механизмом одновременного влияния экономических условий на жизнедеятельность всех социально-демографических групп. При

[1] Более подробно см.: *Кваша А. Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981, с. 30—35.

[2] Следует отметить, что не все исследователи согласны с концепцией демографического перехода (см., например: Население и методы его изучения. М., 1975, с. 66—67).

этом, конечно, одни процессы воспроизводства населения реагируют на влияние роста производительных сил быстрее, другие — медленнее. Современный тип воспроизводства населения является качественно новым этапом в развитии народонаселения, и его становление так же необратимо, как необратим социально-экономический прогресс.

После относительной стабилизации на определенном уровне важных компонентов развития народонаселения — процессов естественного воспроизводства и возрастной структуры — дальнейшее развитие народонаселения, особенно в условиях социалистического способа производства, все больше проявляется в неуклонном совершенствовании качественной структуры населения (такой, как образовательная, профессиональная, здоровье).

В течение рассматриваемого в монографии исторического периода в нашей стране в целом начался переход от прежнего традиционного к современному типу воспроизводства населения. Этот переход, особенно в последние два десятилетия, имел активный по темпам изменения демографических процессов характер. Показатели демографических процессов и структур населения (возрастной, образовательной) страны с начала XX в. подтверждают относительную одновременность и взаимосогласованность их изменений.

Особенностью демографического развития СССР является то, что показатели развития народонаселения по стране в целом складывались из показателей порой очень отличающихся друг от друга уровней демографических процессов, например в современный период — это, с одной стороны, Прибалтийские республики, а с другой — Среднеазиатские.

Анализ демографического развития в разрезе всех республик выявляет, что в течение рассматриваемого периода постепенно одна республика за другой переходила от традиционного к современному типу воспроизводства и структурам населения. И во всех республиках, и тех, которые первыми вступили в этот переход (республики Прибалтики, РСФСР, Украина, Белоруссия), и тех, в которых этот переход начался позднее (Грузия, Молдавия, Казахстан, Армения, Азербайджан), и тех, где в последнюю очередь появились признаки перехода (Среднеазиатские республики), обнаруживается взаимосогласован-

ность как между процессами естественного воспроизводства, так и между естественным воспроизводством и качественными структурами населения.

Этот переход начинался прежде в тех республиках, которые достигали определенного, более высокого экономического уровня развития. При этом в каждой республике демографические процессы и качественные параметры населения перестраиваются не у всего населения сразу, а постепенно от одной социальной группы к другой. На наш взгляд, описанный механизм развития народонаселения позволяет объяснить, как изменяются во времени каждый демографический процесс и качественные параметры по социальным группам внутри республики, а затем — и очередность изменения воспроизводства населения между республиками.

При достижении республикой определенного социально-экономического уровня, в том числе условий воспроизводства рабочей силы, меняются показатели здоровья, смертности, образовательного и профессионального уровня, числа детей в семье, миграционной подвижности. Причем эти показатели начинают все больше отличаться от параметров старого типа воспроизводства населения у тех социальных групп, которые заняты наиболее квалифицированным умственным или физическим трудом. Причем раньше это происходит у тех работников, которые теснее всего связаны с научно-техническим прогрессом и «первыми» испытывают на себе его влияние. Как правило, у этих групп быстрее, чем у остальных, растет уровень и совершенствуется структура потребления и потребностей, т. е. раньше по сравнению с другими группами населения происходит возвышение потребностей.

Такие группы первыми включаются в современный механизм развития населения. К ним прежде всего относятся интеллигенция, т. е. население с более высоким уровнем образования, и высококвалифицированные рабочие. Очевидно, влияние интенсивности затрат нервной и умственной энергии имеет наибольшее значение для развития способности к труду и качества населения[1].

[1] Такой вывод вытекает из результатов исследований медиков о влиянии интенсивного характера нервно-напряженного и умственного труда по сравнению с физическим трудом, о котором говорилось выше. Данный вывод согласуется и с различиями числа детей в семьях, принадлежащих к названным социальным группам.

Затем начинают менять свои параметры менее квалифицированные служащие и рабочие, и последними — работники сельского хозяйства.

Действие данной тенденции связано с изменением условий воспроизводства рабочей силы в зависимости от отрасли, в которой заняты работники. Чем выше техническая оснащенность отрасли, сложнее и интенсивнее характер труда в ней, чем больше используется здесь современных научных и технических знаний, т. е. чем теснее отрасль связана с научно-техническим прогрессом, тем раньше для этих работников начинает проявляться противоречие между личными и вещественными элементами производительных сил на более высокой ступени.

У работников одного уровня образования, но занятых в разных, значительно отличающихся друг от друга отраслях производства складывается дифференцированная структура потребностей и степень их удовлетворения. Однако интеллектуальный характер труда и высокий уровень образования, на наш взгляд, имеют большее влияние по сравнению с отраслевыми различиями условий воспроизводства рабочей силы.

В пределах одной отрасли у разных по характеру труда, образованию, квалификации работников складываются дифференцированные по уровню и степени удовлетворения потребности. По нашему мнению, сочетание этих двух тенденций определяет развитие потребностей населения данной республики, региона.

Уровень экономического развития каждой республики является результатом концентрации на ее территории разного набора отраслей, сфер научной, административной, культурной и тому подобной деятельности, где заняты работники с соответствующим этим видам деятельности образованием. Сочетание двух названных (по сложности труда и квалификации и по отрасли деятельности) тенденций порождает третью тенденцию — развитие и дифференциацию потребностей населения и степень их удовлетворения по республикам, регионам, т. е. территориальную. Она связана с тем, что не только сфера трудовой деятельности, но и сфера обслуживания (жилищно-коммунального, бытового, торгового, медицинского, социально-культурного и т. д.) влияет на развитие и степень удовлетворения потребностей у проживающих на данной территории республики. Таким обра-

зом, территориальная тенденция наиболее емкая, включающая в себя и две первые тенденции.

Уровень и темпы изменения воспроизводства и качественных структур населения республик, определяемые в конечном счете уровнем и темпами развития производительных сил, непосредственно влияют на демографическое развитие страны в целом.

Надо отметить, что на разных исторических этапах развитие народонаселения страны происходило неодинаковыми темпами. Чем медленнее менялись орудия труда, развивались потребности работников (что характерно для ранней ступени механизированного труда) и чем с более низкого уровня (феодальных отношений) начинались необходимые социальные преобразования, тем длительнее путь развития народонаселения к современному типу воспроизводства и качественных структур населения. В этих условиях переход от старого типа воспроизводства к новому, современному типу занимал период в несколько демографических поколений.

В современный период, когда во всех республиках достигнут такой социально-экономический уровень, который может вызвать активное действие «механизма» современного развития народонаселения, переход от старого типа воспроизводства населения к современному происходит намного быстрее.

Особенность демографического развития страны в целом и каждой республики состоит в том, что на основе быстрого роста производительных сил ускоряется сближение показателей воспроизводства населения большинства республик, особенно в последние два десятилетия. Огромную роль в этом играла и играет политика партии и Советского государства, главная цель которой состоит в том, чтобы «на основе роста экономики и эффективности общественного производства предусмотреть дальнейшее повышение народного благосостояния во всех союзных республиках» [1].

В условиях социалистического строительства такая политика обеспечивала национальным территориям страны с первых лет Советской власти и на протяжении всего периода существования Союза Советских Социалистических Республик невиданные прежде темпы роста

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 185.

экономики, культуры, что обусловило особенности демографического развития нашей страны.

Анализ этих особенностей в представленном исследовании проводился исходя из изложенных выше теоретических позиций. Это определило структуру монографии, в которой тенденции развития связи экономических и демографических явлений по республикам даются в историческом аспекте за длительный период с учетом ведущей роли социально-экономических факторов. Поэтому в каждом из рассматриваемых периодов демографическому анализу предшествует анализ дифференциации и сближения экономических уровней республик и культурного роста их населения.

Завершает исследование анализ длительных тенденций демографического развития страны на перспективу, опирающийся на выявленные закономерности развития народонаселения по республикам.

В монографии используются данные всех переписей населения, проведенных в нашей стране, текущей статистики, социально-демографических и социологических обследований, а также другие статистические материалы.

Представленные в монографии результаты являются исследованием в рамках формирующегося научного направления экономики народонаселения как части системы научных знаний о народонаселении. Это направление, на наш взгляд, способствует дальнейшему углублению знаний о существующих и прогнозируемых тенденциях развития народонаселения, основанных на выявленных закономерностях взаимосвязи экономических и демографических процессов.

Исследование по экономике народонаселения на материалах о социально-демографических процессах в нашей стране особенно актуально в свете положений XXVI съезда КПСС о том, что «в условиях зрелого социализма все теснее становится взаимосвязь прогресса экономики с социально-политическим и духовным прогрессом общества»[1].

Представляется, что анализ особенностей демографического развития будет способствовать решению таких проблем общей теории народонаселения, как дальнейшая разработка методологии комплексного изучения

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52.

народонаселения, развитие народонаселения в системе социалистических производственных отношений, взаимосвязь развития народонаселения и социально-экономического развития (в частности, влияние социально-экономического уровня на изменение воспроизводства населения), и на этой основе — реализация программы проведения эффективной демографической политики в СССР.

Настоящая монография является отражением одного из этапов ведущихся в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ работ по созданию основ комплексной долгосрочной программы развития населения СССР, по дальнейшей разработке теоретических проблем демографии. Поэтому ряд вопросов, не нашедших развернутого освещения в данной монографии, будет углублен, уточнен в дальнейших разработках авторского коллектива.

Глава 1

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР

Более чем 60-летний путь развития Советской страны дает большой конкретно-исторический материал для обобщения закономерностей социальных, в том числе и демографических, процессов. Анализ этого материала выявляет те особенности, которые присущи демографическому развитию нашей страны как многонациональному государству, объединившему народы национальных территорий, еще в 20-е годы находившихся на разных ступенях социально-экономического, культурного и демографического развития.

Несмотря на ограниченность, а порой и отсутствие небходимых статистических данных за те или иные годы, большая длительность рассматриваемого исторического периода позволяет показать устойчивость связей между социально-экономическими и демографическими процессами в региональном аспекте. Эта закономерность подтверждается и материалами о развитии населения дореволюционной России.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТИПА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Экономическое развитие и культурный уровень населения. В России переход к современному типу воспроизводства начался гораздо позже, чем в развитых странах Запада, и это было одной из особенностей, связанной со спецификой социально-экономического развития России.

Для дореволюционной России характерна была крайняя неравномерность экономических уровней ее районов, среди которых отчетливо выделялись районы преиму-

щественно промышленные (Северо-Западный, Прибалтийский, Центрально-Промышленный) и районы преимущественно аграрные (Белоруссия, Черноземный центр, Северный Кавказ, Закавказье, Южный и Юго-Западный районы Украины, Поволжье, вся азиатская часть страны).

В азиатской части России промышленное производство в целом в 10 и более раз уступало Центрально-Промышленному, Северо-Западному и Прибалтийскому районам, которые раньше вступили на путь капиталистического развития и в начале XX в. представляли собой крупнейшие фабрично-заводские центры с развитыми отраслями обрабатывающей промышленности. В то же время «Средняя Азия и Казахстан по своему хозяйственному развитию стояли на уровне, обычном для колониальных стран... Экономической отсталостью отличались и многие районы Закавказья и даже близкая к центру Белоруссия. Все эти районы, исключая лишь немногие крупные города, как бы оставались в прошлых веках и по своей экономике, и по социальному облику, и по культуре, и по условиям жизни трудящегося населения»[1].

О существенных различиях свидетельствуют данные об объеме производства обрабатывающей фабрично-заводской промышленности на душу населения в 1908 г. по районам России[2].

Районы	Сумма производства на душу населения, руб.
Северо-Западный и Прибалтийский (Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская губернии)	87
Центрально-Промышленный (Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская губернии)	78
Привислинский	48
Южно-Горнопромышленный	37
Юго-Западный	21
Прочие части Европейской России	19
Европейская Россия	35
Азиатская Россия	8

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1975, т. 4, с. 50—51.
[2] См.: *Вольф М. Б.* Географическое размещение русской промышленности. М., 1927, с. 22.

Отсталость экономического развития России в конце XIX начале XX в. была обусловлена низкими технико-экономическими темпами роста промышленного производства во многих районах страны. Экономическая и национальная политика царизма тормозила повышение культурного уровня населения[1], особенно окраин России. Народное образование, а также профессиональное обучение средней и высшей ступени в стране было поставлено значительно хуже, чем в других капиталистических странах.

В общей численности населения России в 1910 г. доля учащихся во всех видах учебных заведений составляла менее 4 % — это в 5 раз меньше, чем в США, в 4,2 раза меньше, чем в Норвегии, и в 3,7 раза меньше, чем в Швеции и во Франции.

В 1897 г. из 125,7 млн. человек населения России умели читать только 21 %, в том числе грамотных мужчин было 29 %, а женщин — 13 %. Многие народы Средней Азии, Севера были почти сплошь неграмотными. Более 50 народов не имели своей письменности.

В 1914/15 учебном году в стране насчитывалось 295 средних учебных заведений, однако на территории современной Киргизии, Таджикистана, Туркмении не было ни одного техникума, а Узбекистана, Армении — всего по одному. Из 105 высших учебных заведений большинство было сосредоточено в 16 городах России, причем преимущественно в Петрограде и Москве. Такие в прошлом национальные окраины, как Белоруссия, Азербайджан, Армения, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, не имели ни одного вуза (табл. 1.1.1).

Россия отставала от европейских стран и в подготовке кадров высшей квалификации. В 1913 г. на 159 млн. населения страны насчитывалось только 290 тыс. человек с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием (или менее 0,2% всего населения).

Средняя и высшая школа при царизме, доступная только привилегированным классам, «была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии,

[1] В наиболее обобщенном виде культурный уровень отражается в образовательной структуре населения — одной из важнейших характеристик качества населения. Она складывается под влиянием развития народного образования и профессионального обучения в стране.

Таблица 1.1.1

Число высших и средних учебных заведений и студентов в 1914 г. (территории республик в границах 1939 г.) *

	Высшие учебные заведения		Средние специальные учебные заведения	
	число вузов	число студентов, тыс. человек	число техникумов и других средних специальных учебных заведений	число учащихся, тыс. человек
Страна в целом	91	112,0	295	35,8
РСФСР	71	85,0	213	26,4
Украина	19	26,7	54	7,1
Белоруссия	—	—	11	0,8
Азербайджан	—	—	3	0,5
Грузия	1	0,3	5	0,5
Армения	—	—	1	0,1
Туркмения	—	—	—	—
Узбекистан	—	—	1	0,1
Таджикистан	—	—	—	—
Казахстан	—	—	7	0,3
Киргизия	—	—	—	—

Примечание. В данной и следующих таблицах республики расположены в порядке убывания по одному из показателей.

* Культурное строительство в СССР. Стат. сборник. М. — Л., 1940, с. 106, 108.

она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих»[1].

Среднее и высшее образование в дореволюционной России имели, как правило, представители правящих классов и имущих слоев. Так, в 1914 г. в 8 российских университетах из 31 тыс. студентов более 38 % были дети из семей потомственных, личных дворян и чиновников, более 24 % — выходцы из мещан и цеховых, в подавляющем большинстве представлявших мелкую и среднюю буржуазию, более 11 % — почетных граждан и купцов и 14 % — дети офицеров, атаманов, кулацкой верхушки и кулаков.

Все это обусловливало формирование соответствующего состава населения по уровню грамотности и образования. При общем низком уровне грамотности в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 76—77.

стране среди населения Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Армении не умеющих читать было значительно больше, чем в Центральном, Северо-Западном, Прибалтийском районах. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. доля грамотных в возрасте 9—49 лет на территории ныне Среднеазиатских республик в 10 и более раз уступала, например, районам Прибалтики. В 1897 г. доля грамотных среди населения в возрасте 9—49 лет по республикам была следующей (в современных границах, %)[1]:

Эстония	— 96,2	Азербайджан	— 9,2
Латвия	— 79,7	Армения	— 9,2
Литва	— 54,2	Казахстан	— 8,1
Белоруссия	— 32,0	Туркмения	— 7,8
РСФСР	— 29,6	Узбекистан	— 3,6
Украина	— 27,9	Киргизия	— 3,1
Грузия	— 23,6	Таджикистан	— 2,3
Молдавия	— 22,2		

Не только в пределах страны, но и на территории каждого крупного района отдельные города и губернии намного превосходили средние показатели по грамотности населения своего района. Например, на территории, которая входит в современную Российскую Федерацию, европейская часть превосходила по грамотности население азиатской части. В свою очередь среди русских губерний в европейской части значительно выделялись наиболее высокой долей грамотных Петербургская губерния — 62 %, Московская губерния — 49 %, Ярославская — 40 %.

Формирование нового типа воспроизводства населения. Огромные различия в социально-экономическом и культурном развитии населения территорий в конце XIX в. обусловили и неравномерность начала изменения традиционного типа воспроизводства населения по районам России.

В дореволюционный период естественное воспроизводство населения страны претерпело в целом изменения, которые свидетельствовали о начале демографического перехода к современному типу воспроизводства. Эволюция демографических процессов в России происходила по схеме демографического перехода. Суть этой схемы достаточно хорошо описана в советской демогра-

[1] См.: *Исупов А. А.* Национальный состав населения СССР. М., 1964, с. 52.

фической литературе[1] и заключается она в том, что в процессе социально-экономических преобразований в обществе население с некоторым опозданием адаптируется к изменившимся условиям жизни.

Различают три стадии демографического перехода. Границы каждой стадии принимаются условно и определяются параметрами рождаемости и смертности. В течение первой стадии высокая смертность, характерная для традиционного типа воспроизводства, начинает постепенно снижаться в результате определенного социального и экономического прогресса, успехов медицины, санитарного просвещения, ликвидации угрозы голода и массовых эпидемий. На этой же стадии вслед за снижением общей смертности начинает устойчиво снижаться младенческая смертность.

Вторая стадия, как правило, наиболее длительна, и начало ее характеризуется тем, что прекращаются короткие (трех-, пятилетние) колебания общих показателей смертности и рождаемости. Смертность, особенно детская, продолжает устойчиво снижаться быстрыми темпами. Наиболее яркой отличительной чертой данной стадии является начало снижения общих коэффициентов рождаемости. Вначале численность населения быстро увеличивается, затем к концу второй стадии прирост его постепенно сокращается по мере снижения рождаемости. Общие коэффициенты смертности снижаются до минимума, достигнув 6—7‰, и брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства практически выравниваются, достигнув абсолютного значения в 1,2—1,3.

Последняя, третья стадия демографического перехода характеризуется медленным устойчивым снижением рождаемости до уровня 13—14 ‰ на фоне постепенно возрастающей смертности как следствия постарения населения. Увеличение коэффициента смертности происходит тем быстрее, чем быстрее снижалась рождаемость в течение второй стадии. Такое соотношение рождаемости и смертности обеспечивает слегка расширенное воспроизводство. Коэффициент естественного прироста не пре-

[1] Более подробно об этом см.: *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974; *Пирожков С. И.* Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1976; *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Павлик З.* Проблемы демографической революции. — В кн.: Рождаемость, брачность, семья за три века. М., 1979.

вышает 2—3 ‰ в год. Завершается последняя стадия и весь демографический переход стабилизацией населения, т. е. в населении устанавливается нулевой или близкий к нулевому естественный прирост населения, который был до начала демографического перехода, однако эта стабилизация формируется на совсем другом уровне. Нулевой прирост населения обеспечивается низким уровнем рождаемости и смертности в отличие от традиционного типа воспроизводства, когда он был результатом высокой рождаемости и высокой смертности.

Каждая страна имеет свои особенности демографического перехода, определяющиеся особенностями социально-экономического развития, скоростью прохождения каждой стадии и характером их протекания. Особенность демографического перехода в нашей стране заключалась прежде всего в его территориальной неоднородности. Демографический переход начался в Центральном, Прибалтийском и Северо-Западном районах России в 60-х годах прошлого века, когда отмена крепостного права в результате реформы 1861 г. создала условия для ускоренного развития капитализма.

Развитие капитализма в России способствовало быстрому росту городов и городского населения. В начале XX в. особенно быстро увеличивалась численность городского населения в Северном, Центральном, Нечерноземном, Центрально-Черноземном, Новороссийском, Прибалтийском и Уральском районах, в которых проживало всего 39 % населения.

В. И. Ленин, характеризуя этот период, писал: «Отвлечение населения от земледелия выражается в России в росте городов... пригородов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел и местечек, а также и в неземледельческом отходе. Все эти процессы, быстро... развивающиеся и вширь и вглубь в течение пореформенной эпохи, являются необходимой составной частью капиталистического развития и имеют глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни»[1].

Рост городского населения начиная с 60-х годов XIX в. становится в России повсеместным. Увеличение численности городского населения, особенно на первых этапах, сопровождается прежде всего повышением тем-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 581.

пов роста всего населения. Как правило, объясняется это тем, что в быстро растущих городах улучшение санитарных условий ведет к снижению смертности вообще и детской в частности. И при сохранении высокой рождаемости снижение смертности сопровождается высоким темпом роста населения (табл. 1.1.2).

Повышение темпа роста населения свидетельствует об увеличении естественного прироста населения уже на первой стадии демографического перехода, когда рождаемость в основном высока и начинает снижаться пока только смертность среди городского населения.

Таблица 1.1.2

Динамика численности и темп роста населения России (без Финляндии) за 1856—1901 гг.*

	Число жителей в России без Финляндии, млн. человек	Темп роста, %
1856—1860	69,0	1,00
1861—1865	73,8	1,069
1866—1870	79,4	1,076
1871—1875	86,0	1,083
1876—1880	93,4	1,086
1881—1885	100,6	1,077
1886—1890	108,9	1,082
1897—1901	130,6	1,199

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 556.

Однако условия для снижения смертности имелись уже с середины прошлого века: относительное улучшение условий и уровня жизни, достижения медицины и рост грамотности. Так, в первые послереформенные годы массовый отход крестьян приводит к улучшению условий жизни и культуры населения. В. И. Ленин, анализируя начало развития капитализма в России, пишет, что уход населения в города «повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»[1]. Качественный скачок населения находит свое отражение и в уровне смертности населения России. Динамика общего коэффициента смертности за 1867—1914 гг. в 50 губерниях Европейской России видна из следующих данных[2]:

Периоды	Общий коэффициент смертности
1867—1870	37,5
1871—1875	37,1
1876—1880	35,7

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.

[2] См.: *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 350—351.

1881—1885	36,4
1886—1890	34,5
1891—1895	36,2
1896—1900	32,1
1901—1905	31,0
1906—1910	29,5
1911—1914	27,1

Рождаемость начала снижаться позже; первые незначительные признаки ее снижения относятся к началу XX в., что позволяет определить наступление второй стадии демографического перехода с самого начала XX в. По сравнению со смертностью рождаемость снижалась медленнее. В данном случае проявляется прежде всего инерционность рождаемости в отличие от быстрой реакции смертности на изменение условий жизни населения. Однако и при ее незначительном снижении в тот период уже заметна дифференциация рождаемости по районам европейской части России. Снижение рождаемости происходит в тех районах, где ее уровень и до этого был ниже по сравнению со средними показателями страны и где само снижение рождаемости с одновременным ростом городского населения привело к изменению возрастных структур.

Так, уровень рождаемости в Эстонской губернии в начале XIX в. колебался в пределах 37—42 ‰, такой уровень сохраняется до 30-х годов XIX в.[1] Затем начинается снижение рождаемости, хотя уже тогда ее уровень в Эстонии был в 1,5 раза ниже среднего уровня России 60-х годов и конца XIX в. Примерно с 1866 г. рождаемость в Эстонии начинает резко падать и к началу XX в. становится одной из самых низких на территории Европейской России.

Перед первой мировой войной средний уровень рождаемости в 50 губерниях Европейской России составлял уже 45 ‰ против 50 ‰ конца XIX в. Причем у населения, проживающего в центре России и западных районах, уровень рождаемости был ниже. Максимальный коэффициент рождаемости превышал минимальный коэффициент в 3 раза. Наиболее низкая рождаемость наблюдалась в Прибалтике (в Курляндской губернии —

[1] Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 224.

18,7 %). Коэффициент рождаемости повышался по мере удаления от Запада, и чем ближе к центру и востоку, тем он был выше. Так, в Пермской губернии коэффициент рождаемости составлял 50,4 ‰, в Оренбургской — 55,0 ‰. Особенно высокая рождаемость была в Сибири, на Урале, Волге[1] и в некоторых других в основном сельскохозяйственных районах России. «За период 1861—1913 гг. при сравнительно небольших колебаниях начинает проступать падение и рождаемости и смертности» [2]. Индекс рождаемости в 1911—1913 гг. к уровню 1861—1865 гг. составлял 0,865. Индекс смертности за этот период — 0,742, а индекс естественного прироста — 1,134, пишет А. И. Гозулов [2].

Еще задолго до того, как А. Ландри сформулировал свою теорию демографического перехода, С. А. Новосельский описал всю ее схему на примере России. Анализируя общие коэффициенты смертности и рождаемости в России с 1867 по 1912 г. и уровень смертности грудных детей с 1883 по 1907 г., С. А. Новосельский делает следующие выводы:

«1) Смертность и рождаемость в России за последние 25 лет понижаются, причем вначале понижение смертности происходило быстрее понижения рождаемости, за последние же годы падение рождаемости начинает опережать падение смертности.

2) Смертность обнаруживает понижение как в грудном возрасте до 1 года, так и в возрастах выше 1 года, причем понижение смертности в грудном возрасте происходит медленнее понижения в возрастах старше года.

3) Одной из главных непосредственных причин понижения смертности является понижение смертности от острозаразных болезней.

4) Главной общей причиной понижения смертности следует признать повышение культурного уровня населения» [3].

Снижение смертности от экзогенных причин, так называемой преждевременной смертности, большинства

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 17—18.

[2] См.: *Гозулов А. И.* О динамике воспроизводства населения. — В кн.: Народонаселение и экономика. М., 1967, с. 53—54.

[3] *Новосельский С. А.* К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. — Вестник общественной гигиены, 1914, март, с. 16.

населения, для которого еще характерна высокая рождаемость, является основной причиной быстрого роста населения, как его назовут в середине 60-х годов «демографического взрыва», и характерным моментом начала демографического перехода.

Таким образом, особенностью демографического перехода в России является сравнительная непродолжительность ее первой стадии примерно с середины XIX в. до его конца [1]. Второй особенностью было то, что снижение рождаемости в России с начала XX в. проходило при весьма высоком и медленно снижающемся уровне смертности [2], что отражало социально-экономическую, культурную отсталость, неразвитость системы охраны здоровья населения, медицинскую неграмотность населения. Третья особенность заключалась в том, что демографический переход в дореволюционный период начался лишь в центральных европейских, Северо-Западном и Прибалтийском районах, которые и в промышленном и в культурном развитии населения намного опережали остальные районы России.

2. РАЗВИТИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В 20—30-Х ГОДАХ

Начавшееся до революции снижение смертности, а затем и рождаемости в экономически развитых районах России еще более четко проявило свою тенденцию после революции.

Подъем экономики в советских республиках в 20—30-е годы, в целом социальная политика партии и государства, направленная на достижение фактического равноправия всех наций и народностей, обеспечили в эти годы колоссальные успехи в ликвидации неграмотности, быстром росте культуры и коренном преобразовании состава населения по уровню образования и профессиональной подготовки. Наивысшие темпы экономического и культурного роста имели место в ранее отсталых национальных окраинах, особенно в республиках Средней Азии, Казахстана, Закавказья.

[1] В Швеции, Англии и Уэльсе — около 100 лет, во Франции и Бельгии — примерно 89 лет.

[2] Так, общий коэффициент смертности в Швеции к началу его снижения составил 27,9‰ в 1801—1810 гг. (см.: *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения, с. 354).

Соотношение республик к концу рассматриваемого периода по показателям воспроизводства населения (в том числе возрастно-половой, образовательной структуре), как правило, повторяло соотношение по их социально-экономическому уровню.

Экономическое развитие. С первых же шагов Советскому государству предстояло ликвидировать неравномерность в экономическом развитии районов России и прежде всего национальных окраин. Как подчеркивал В. И. Ленин, одна из самых важных задач внутренней политики состояла в «неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций»[1].

Сближение осуществлялось во всех областях, в том числе в социально-политической. Причем партия стремилась достигнуть сближения не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих.

Важной частью общей задачи ликвидации фактического неравенства бывших национальных окраин являлось сближение уровней их экономического развития, для чего требовался более длительный период, чем для осуществления социально-политического равноправия.

Замена капиталистических производственных отношений социалистическими вызвала к жизни новые экономические закономерности, присущие социализму. Уничтожение национального гнета, принцип постоянной взаимопомощи, особенно со стороны более развитых наций, на котором основывается Союз Советских Социалистических Республик, сыграли и играют ведущую роль в утверждении закономерности сближения уровней экономического развития республик. «Образование СССР ознаменовало новый этап в развитии национальных окраин. Помощь им приняла форму последовательного и всестороннего курса общесоюзной хозяйственной политики. Достаточно сказать, что бюджеты ряда союзных республик в течение многих лет покрывались в своей расходной части главным образом за счет дотаций из общесоюзного бюджета. Например, в 1924—1925 годах доля собственных доходов Туркменской ССР в ее бюджете составляла лишь немногим более 10 процентов. Даже такая крупная республика, как Украина, покрывала тогда за собственный счет менее 40 процентов расходной части своего бюджета»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 111.

Основой экономического выравнивания районов является планомерный рост социалистической экономики, направляемый единым народнохозяйственным планом, в котором увязываются интересы всего социалистического государства в целом и каждой отдельной национальной территории. Задачи, стоявшие в те годы перед республиками по преодолению разрухи, отсталости, восстановлению подорванных войнами производительных сил, «можно было решить скорее и успешнее, развивая хозяйство по единому плану, рационально используя возможности разделения труда между отдельными районами страны» [2].

В первые годы после гражданской войны партия на XIV (1925 г.), на XV (1927 г.) съездах в области экономической политики поставила задачу «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность»[3]. Конкретные условия диктовали, что в первую очередь надо поднимать и расширять производство на существующих предприятиях тяжелой индустрии, которые размещались в старых промышленных районах — Северо-Западном, Центральном, Уральском [4].

В течение первых трех пятилеток на востоке (Урал, Западная Сибирь, Башкирия, Казахстан, Средняя Азия) создаются новые опорные базы тяжелой промышленности. Сюда на новое строительство направляется более половины всех капиталовложений. В этот период основной базой технической реконструкции народного хозяйства и финансирования роста экономики бывших национальных окраин остаются старые промышленные районы РСФСР и Украины. Накопления этих районов через государственный бюджет перераспределялись в другие национальные республики и районы страны. Уже во 2-ю и 3-ю пятилетки капиталовложения в промышленность республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья (в

[2] Там же, с. 43—44.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 3, с. 247.

[4] На долю этих трех районов РСФСР до революции приходилось более 45% металлургической и металлообрабатывающей промышленности, Южно-Горнопромышленный район давал 22%, Прибалтийский район и Польша — 20% (см.: *Вольф М. Б.* Географическое размещение русской промышленности, с. 20).

отличие от Украины) росли более высокими темпами, чем в среднем по стране.

Капиталовложения в промышленность в довоенные пятилетки за короткий исторический срок положили начало индустриальному развитию национальных окраин. Невиданными до того темпами увеличивалось производство всей промышленности в республиках и в первую очередь в Закавказских и Среднеазиатских.

	Темп роста валовой продукции всей промышленности в 1940 г. по сравнению с 1913 г. (раз)
Грузинская ССР	10
Киргизская ССР	9,9
Таджикская ССР	8,8
РСФСР	8,7
Армянская ССР	8,7
Белорусская ССР	8,1
Казахская ССР	7,8
Украинская ССР	7,3
Туркменская ССР	6,7
Азербайджанская ССР	5,9
Молдавская ССР	5,8
Узбекская ССР	4,7
Литовская ССР	2,6
Эстонская ССР	1,3
Латвийская ССР	0,9

В союзных республиках стали размещаться предприятия крупной промышленности[1]. Причем самые высокие темпы роста крупной промышленности были характерны для тех районов, где она ранее почти не развивалась. В этом отчетливо проявилось начало тенденции сглаживания экономических уровней республик. К 1940 г. разница между наименьшим и наибольшим среднедушевым размером валовой продукции всей промышленности по республикам составила немногим более 6 раз, в то время как в 1913 г. — более чем 100 раз.

Соотношение по объему валовой продукции всей промышленности на душу населения за 1913—1940 гг. между отдельными республиками изменилось следующим образом (% к наибольшему показателю Азербайджана):

	1913 г.	1940 г.
Азербайджанская ССР	100	100
Украинская ССР	37	63
Грузинская ССР	10	40
Узбекская ССР	38	36
Туркменская ССР	18	34
Армянская ССР	9	33
Таджикская ССР	6	27
Казахская ССР	5	20
Белорусская ССР	8	17
Киргизская ССР	0,9	16

С бурным ростом промышленности и с коллективизацией резко повысилась численность занятых в общественном производстве республик, причем особенно высокими темпами вовлечение населения в общественный труд происходило в тех республиках, где уровень занятости перед началом пятилеток был самым низким: в Казахстане — 5 раз, Киргизии — 4,6 раза, Таджикистане — 4,1 раза, Узбекистане — 3,4 раза и в Туркмении — 3,3 раза (табл. 1.2.1).

В результате индустриализации к 1940 г. по сравнению с 1926 г. существенно увеличилась не только занятость населения, но и значительно улучшилось распределение занятых по отраслям народного хозяйства и прежде всего за счет относительного и абсолютного роста занятости в промышленном производстве. Особенно сильно повысилась численность занятых в промышленности Таджикистана (в 21 раз) и Киргизии (в 15 раз), доля же работающих в промышленности увеличилась с 6 до 21 % в Таджикистане и с 9 до 21 % в Киргизии.

Индустриализация потребовала такого количества рабочих рук, что одна мужская часть населения не могла покрыть эту потребность. За три пятилетки в большинстве республик быстро выросла численность работающих в общественном производстве женщин (табл. 1.2.1). Занятость среди женщин росла намного быстрее, чем среди всего населения, причем особенно увеличилось абсолютное число работающих женщин во всех национальных республиках, где темп вовлечения женщин за 1926—1940 гг. превышал среднесоюзный. Самые высокие темпы были в республиках Средней Азии, Казахстана и Белоруссии. Доля женщин среди всех занятых в общественном производстве республик к 1940 г. составила в

[1] К крупной промышленности в тот период относились все предприятия с числом рабочих не менее 16 человек при наличии механического двигателя и не менее 30 человек — без двигателя.

Таблица 1.2.1

Рост занятости всего населения и женщин в народном хозяйстве и доля занятых в промышленности в 1926—1940 гг.

	Число занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих на 1000 человек населения		Доля занятых в промышленности среди всех занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих, %		Темп роста абсолютного числа занятых женщин-рабочих и служащих за 1926 — 1940 гг. (раз)
	1926	1940	1926	1940	
СССР	67	175	37,9*	38,6	5,8
РСФСР	74	201	37,8	40,7	5,3
Эстонская ССР	...	167	...	41,4	...
Украинская ССР	67	159	37,9	39,7	6,5
Азербайджанская ССР	78	152	32,0	28,6	7,5
Туркменская ССР	45	150	11,1	21,8	11,1
Казахская ССР	30	149	12,9	19,4	11,1
Грузинская ССР	50	140	16,5	26,3	7,4
Латвийская ССР	...	139	...	43,4	...
Белорусская ССР	50	125	24,6	34,7	8,6
Армянская ССР	62	122	14,5	28,2	7,4
Киргизская ССР	26	120	8,9	20,6	17,0
Узбекская ССР	32	115	14,9	23,9	10,1
Таджикская ССР	24	100	6,0	20,8	31,4
Литовская ССР	...	62	...	31,8	...
Молдавская ССР	50**	41**	15,8	22,8	18,0

* 1928 г.

** В 1926 г. Молдавская АССР насчитывала 242 тыс. человек. В 1940 г. в результате воссоединения молдавского народа Молдавия была преобразована в союзную республику, население которой составило уже 2452 тыс. человек. Уровень занятости в Молдавии понизился под влиянием низкой занятости населения присоединившейся части Молдавии.

РСФСР 41 %, в Белоруссии — 40, на Украине — 37, Киргизии — 29, Таджикистане — 29, Казахстане — 30 и в Узбекистане — 31 %, а в республиках Закавказья — 34—35 %.

В ходе индустриализации в период трех предвоенных пятилеток успешно решалась задача экономического подъема отсталых национальных республик, которые по выпуску валовой продукции на душу населения, росту крупной промышленности, доле занятых в общественном производстве в целом и в том числе в промышленности, по занятости женщин и другим показателям значительно приблизились к РСФСР и Украине.

Во всех республиках была преодолена односторонность их хозяйства, создана многоотраслевая промышленность, имеющая не только добывающие, но и обрабатывающие отрасли, в том числе машиностроение. Были заново построены или реконструированы старые отрасли легкой промышленности при одновременном и быстром росте отраслей, производящих средства производства. Экономика республик из отсталой аграрной превращалась в индустриально-аграрную.

Однако, несмотря на огромные успехи в выравнивании экономического развития республик, полностью решить эту задачу за такой короткий срок было невозможно. Это объяснялось тем, что слишком велики были различия в исходных уровнях экономики национальных территорий перед началом индустриализации. Особенности распределения капиталовложений в этот период не позволяли одновременно и в равной мере во всех республиках создавать отрасли тяжелой и обрабатывающей промышленности. Поэтому к 1940 г. еще оставались различия в промышленном развитии республик.

Рост культурного уровня. Перестройка экономики нашей страны на социалистических началах в 20—30-е годы велась в органической связи с проведением культурной революции, которая являлась составной частью ленинского плана построения социализма в СССР.

Первоочередными задачами этого времени в области культурного строительства были ликвидация неграмотности большинства населения страны, подготовка кадров рабочих и специалистов, организация всеобщего обязательного обучения детей и подростков — необходимого условия восстановления народного хозяйства и создания социалистической экономики.

Советское государство в первые же годы своего существования, несмотря на тяжелейшие экономические трудности, разруху, гражданскую войну, принимает ряд декретов и постановлений, направленных на коренную перестройку народного образования. Вместо сословно-классовой школы для детей всех слоев населения создавалась единая школа двух ступеней (первая — для детей от 8 до 13 лет с пятилетним обучением и вторая — от 13 до 17 лет с четырехлетним курсом обучения), повсеместно было введено бесплатное совместное (мальчиков и девочек) обучение, кроме того, все национальности получили право обучения на своем родном языке как в единой трудовой школе, так и в других учебных заведениях. В результате уже за первые три года Советской

власти школьная сеть увеличилась на 13 тыс. единиц, а контингент учащихся по сравнению с 1914/15 учебным годом вырос на 1884 тыс. учащихся и составил в 1920/21 г. 9780 тыс. человек.

Восстановление народного хозяйства, создание экономической основы для построения социализма в СССР потребовало квалифицированных кадров рабочих. Советское правительство придавало исключительное значение в решении этих задач росту производительности труда. Поэтому в июне 1919 г. Совнарком РСФСР принимает декрет «О мерах по распространению профессионально-технических знаний». В декрете указывалось, что условием быстрого роста производительности труда должно стать распространение среди широких слоев населения профессионально-технических знаний.

Для практического осуществления этих задач в июле 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет «Об учебной профессионально-технической повинности», по которому для удовлетворения острой нужды промышленности в квалифицированной рабочей силе вводилось обязательное профессионально-техническое обучение для всех рабочих в возрасте с 18 до 40 лет.

Для обучения и подготовки кадров рабочих на предприятиях создавались курсы, профессионально-технические школы фабрично-заводского ученичества, в которых наряду с профессиональным обучением молодежь получала общеобразовательную подготовку. В 1923/24 г. в стране было уже создано 2277 таких школ, в которых обучалось 190,4 тыс. учащихся.

В это же время ведется большая работа по ликвидации неграмотности населения. Начало этой работе положил ленинский декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», который был утвержден Советом Народных Комиссаров 26 декабря 1919 г. Декретом было определено, что все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию. Для проведения этой работы в июле 1920 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР учредил при Наркомпросе Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации неграмотности. Одновременно создавались комиссии по ликвидации неграмотности в губерниях, уездах, волостях РСФСР, а также на Украине, Белоруссии, в Закавказье.

Итогом этой работы явилась ликвидация неграмотности абсолютного большинства взрослого населения страны. С 1926 по 1939 г. грамотность населения выросла на 30,1 %, в том числе среди мужчин — на 24,3 %, среди женщин — почти вдвое (с 37,1 до 72,6 %). Особенно быстрыми темпами росла грамотность женщин в сельской местности. Так, если в 1897 г. на селе женщин, умеющих читать и писать, было только 8,6 %, то в 1926 г. — 30 %, а в 1939 г. — 66,6 % (табл. 1.2.2).

Таблица 1.2.2

Рост грамотности населения СССР в возрасте 9 лет и старше (1926—1939 гг.) *, %

	Всего	Мужчины	Женщины
Все население			
на 17 дек. 1926 г.	51,1	66,5	37,1
на 17 янв. 1939 г.	81,2	90,8	72,6
Городское население			
на 17 дек. 1926 г.	76,3	85,3	67,6
на 17 янв. 1939 г.	89,5	95,7	84,0
Сельское население			
на 17 дек. 1926 г.	45,2	61,9	30,0
на 17 янв. 1939 г.	76,8	88,2	66,6

* Культурное строительство в СССР, с. 7.

Особенно больших успехов в ликвидации неграмотности добились Среднеазиатские республики. В Туркменской ССР в 1926 г. грамотного населения было 12,5 %, а к 1939 г. его доля увеличилась до 67,2 %, в Узбекской ССР соответственно — 10,6 и 67,8 %, в Таджикской — 3,7 и 71,7 %, Киргизской ССР — 15,1 и 70,0 %.

К 40-м годам в стране была полностью ликвидирована неграмотность населения во всех союзных республиках. За годы Советской власти около 50 млн. неграмотных и свыше 40 млн. малограмотных стали грамотными людьми. В эти годы был сделан большой качественный скачок в развитии всех звеньев системы народного образования. В 1938/39 учебном году по сравнению с 1914 г. число учащихся в начальных, средних школах, средних специальных (включая школу ФЗУ и техникумы) и высших учебных заведениях увеличилось в 4,2 раза и составило 34 173 тыс. человек, причем число учащихся начальных школ (1—4-х классов) увеличи-

лось в 2,9 раза, средних общих — в 16 раз, средних специальных — в 26 раз и высших учебных заведений — в 5,4 раза. В 1938/39 учебном году всеми видами учебы было охвачено 47 706 тыс. человек.

Таблица 1.2.3

Численность учащихся всех видов учебных заведений на 1000 человек населения по СССР и союзным республикам в 1914, 1928/29, 1938/39 гг. *

	1914	1928/29	1938/39
СССР	58	88	200
Армянская ССР	35	106	263
Грузинская ССР	60	119	220
Азербайджанская ССР	31	91	219
Белорусская ССР	53	108	210
Киргизская ССР	7	48	210
РСФСР	63	88	201
Украинская ССР	64	91	190
Узбекская ССР	4	40	188
Казахская ССР	19	51	187
Таджикская ССР	0,4	18	178
Туркменская ССР	7	39	177

* Культурное строительство в СССР, с. 9—20.

Все это способствовало тому, что во всех союзных республиках значительно увеличилась численность учащихся во всех учебных заведениях в расчете на 1000 человек населения (табл. 1. 2. 3). Особенно большой рост численности обучающихся имел место в республиках Средней Азии. Рост культурного уровня в прошлом отсталых народностей стал возможным только благодаря всесторонней помощи всех народов нашей страны. «Такая помощь, готовность идти на огромные усилия и, скажем прямо, на жертвы во имя преодоления отсталости национальных окраин, их ускоренного развития была завещана пролетариату России Лениным как высокий интернациональный долг» [1].

Изменение воспроизводства населения. Демографическое развитие страны в этот период формировалось под влиянием тех социальных и культурных преобразований, которые проводила в жизнь Советская власть. В 20—30-е годы показатели воспроизводства населения СССР в целом были характерны для второй стадии

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 4, с. 51.

демографического перехода, начавшейся в первые годы XX в.

Вторая стадия демографического перехода прошла в нашей стране примерно за 60 лет. На данной стадии снижение рождаемости в СССР происходило при одновременном интенсивном снижении смертности, темпы которого превышали темпы сокращения рождаемости. Быстрое снижение смертности имело место в основном в советский период и было результатом мероприятий по улучшению условий жизни и труда, роста общей культуры народа, коренных преобразований системы здравоохранения и охраны здоровья советских людей, особенно детей.

В течение второй стадии демографического перехода, прежде всего в ее начале и примерно до 40-х годов, для страны был характерен весьма высокий прирост населения. Причем в годы первой мировой войны коэффициент рождаемости сократился до 23,9 ‰, затем примерно к 1926—1928 гг. он почти достиг довоенного уровня — 44,3 ‰. Однако по сравнению с 1913 г. рождаемость была ниже на 6 %. За это же время по сравнению с довоенным периодом смертность уменьшилась на 45 %, а детская смертность — на 43 %.

Надо отметить, что в 20—30-е годы шла интенсивная урбанизация, темп которой был неодинаков. Так, к завершающему этапу восстановительного периода по данным переписи 1926 г. городское население по сравнению с 1920 г. возросло на 26 %, затем к 1939 г. оно уже увеличилось по сравнению с 1926 г. в 2 раза, и доля городского населения составила в 1939 г. (в старых границах) примерно 33 % по сравнению с 17,9 % в 1926 г. и 15,2 % в 1920 г.[1] Численность городского населения за этот период увеличивалась в основном за счет перехода населения из села в город (на 63 %) и только на 18 % — за счет естественного прироста населения в городах.

Рождаемость в стране за 1925—1929 гг. сократилась на 12 % и в течение следующего периода (1930 — 1935 гг.) — на 25 %[2]. Снижение общего коэффициента

[1] Рассчитано по: *Дараган М. В* Экономическое развитие и внутренняя миграция. — В кн.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966, с. 93—94.

[2] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 26.

рождаемости произошло в результате снижения рождаемости у женщин во всех возрастных группах, особенно у женщин старших возрастных групп (30—44 года). Так, если сравнить повозрастные коэффициенты рождаемости женщин 1938—1939 гг. с показателями за 1926—1927 гг., то уровень рождаемости женщин, начиная с 30-летнего возраста, сократился за этот период в среднем на 26 %, а молодых возрастных групп — на 18 % [1].

Во многом это было связано с тем, что постоянно сокращалась доля женщин, состоящих в браке в более молодых возрастах.

Возраст, лет	Доля состоящих в браке среди всех женщин данного возраста, %	
	1926 г.	1939 г.
16—17	5,4	4,0
18—19	28,9	25,0
20—24	68,6	61,4

Снижение повозрастных коэффициентов рождаемости и у женщин молодых возрастов как следствие откладывания вступления в брак привело к тому, что в стране в период индустриализации снизились показатели воспроизводства населения. Брутто-коэффициент воспроизводства населения СССР за период 1926-1939 гг. сократился с 2,6 до 2,1, т. е. на 24 % (в 1897 г. он составлял 4,0), а нетто-коэффициент воспроизводства с 1,7 до 1,4 — на 21 %, что показывает интенсивное снижение смертности в стране. Так, если за 100 принять показатели смертности и рождаемости 1926 г., то уровень рождаемости в 1939 г. составил 82,4 и уровень смертности — 72,2 % [2].

Таким образом, вторая стадия демографического перехода в 20—30-х годах характеризовалась интенсивным снижением смертности, снижением рождаемости и сокращением естественного прироста населения, который к 40-м годам уменьшился более чем на одну пятую по сравнению с началом второй стадии демографического перехода. За этот же период времени рождаемость сократилась на треть и смертность в 2 раза, и, что самое типичное для данной стадии, началось интенсивное снижение детской смертности. Если в 1913 г. из 1000 родившихся умирало 273 ребенка в возрасте до одного года, то уже к 40-м годам показатель детской смертности сократился до 184, т. е. в полтора раза.

[1] Рассчитано по: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 42.

[2] Рассчитано по: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 42; за 1926 г. См.: Труды демографического института. Т. 1, с. 32; за 1939 г. См.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966, с. 35.

Особенность индустриализации страны, проявлявшаяся в различных темпах развития промышленности в республиках СССР, обусловила характер миграции населения, рост городского населения. Особенно быстрыми темпами возрастала численность городского населения в районах интенсивной индустриализации. Так, например, городское население Казахской ССР за период с 1926 по 1939 г. возросло на 222 %, Туркменской ССР — на 204 % [1]. Только за данный период в СССР из сельской местности в города переселилось 18,7 млн. человек. Миграция из села в город шла прежде всего в крупные города старых промышленных центров. За 1926—1938 гг. население Москвы увеличилось на 2107,6 тыс. человек, Ленинграда — на 1501,2 тыс. человек, г. Горького и Волгограда — примерно в 3 раза. Другой мощный поток мигрантов шел по направлению на восток — на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан, где ускоренными темпами создавались новые промышленные центры.

В целом городское население страны за период между переписями 1926 и 1939 гг. увеличилось на 129,6 %, и в основном рост городского населения происходил за счет выходцев из сел, а также за счет перераспределения населения старых промышленных центров с высокой плотностью населения [2].

Рост городского населения сопровождался ростом культурного уровня населения, развитием здравоохранения, повышением благосостояния народа, что привело к снижению общей смертности и особенно детской. Массовое вовлечение женщин в общественное производство не могло не отразиться на снижении уровня рождаемости.

Перед войной в стране наметилась четкая дифференциация районов страны по уровню демографического и

[1] См.: Вопросы народонаселения и демографической статистики, с. 93.

[2] См.: Население СССР. Справочник. М., 1974, с. 52.

социально-экономического развития. В республиках, насчитывающих высокий процент городского населения в результате низкой рождаемости, был низкий естественный прирост, и наоборот, республики, имевшие небольшую долю городского населения, отличались высоким естественным приростом населения. Так, например, в республиках Прибалтики естественный прирост был в 10 раз ниже по сравнению со Среднеазиатскими республиками, где соответственно низка была и доля женщин, занятых в общественном производстве (табл. 1. 2. 4).

Таблица 1.2.4

Распределение республик СССР по уровню социально-экономического и демографического развития в 1940 г. *

	Коэффициент естественного прироста, %	Доля городского населения во всем населении, %	Доля женщин в общей численности работающих, %
Эстонская Латвийская	1,3	34,5	36,0
Литовская	10,0	23	30
Белорусская Украинская Грузинская Азербайджанская	15,0	30,7	36,5
РСФСР Киргизская Таджикская Узбекская Молдавская	15,2	23,0	33,0
Туркменская Казахская Армянская	21,4	31,0	33

* Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1979 г., М., 1930, с. 10—11, 38, 392.

Величина естественного прироста населения республик соответствовала доле городского населения и доле женщин, непосредственно принимающих участие в производстве, и распределение республик осуществлялось по принципу, чем выше доля городского населения и занятость женщин, тем ниже естественный прирост населения.

Снижение рождаемости к 40-м годам в некоторых республиках, прежде всего в Латвии и Эстонии, привело к определенным демографическим последствиям, в частности к незначительному постарению населения. При этом надо отметить, что доля лиц старшего возраста в этих республиках увеличилась. Ярко выраженный процесс старения населения является характерной чертой завершения второй стадии демографического перехода. Что касается остальных республик СССР, то большинство из них, за исключением республик Средней Азии, находилось в начале второй стадии, так как показатели рождаемости примерно в 2 раза превышали показатели смертности, в то время как сближение их по абсолютной величине характеризует окончание второй стадии демографического перехода.

Таким образом, быстрое социально-экономическое развитие в 20—30-х годах обусловило усиление процесса демографического перехода к современному типу воспроизводства населения. В этот период происходит быстрый рост миграции, прежде всего из села в город, дальнейшее понижение смертности, особенно детской, значительное уменьшение рождаемости и сокращение естественного прироста. В целом по стране показатели естественного воспроизводства населения в этот период типичны для начала второй стадии демографического перехода. Однако к началу 40-х годов демографическая ситуация республик СССР была неоднородна. Если в республиках Прибалтики, где демографический переход начался намного раньше, его вторая стадия уже завершалась, то в Белоруссии, на Украине, в Грузии, РСФСР (в целом), в Азербайджане вторая стадия перехода только началась (не считая Центрального и Северо-Западного районов РСФСР). Республики же Средней Азии, Казахстан, Армения только вступали в первую стадию демографического перехода.

3. РАЗВИТИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ДО НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ

В начале 50-х годов, несмотря на хозяйственную разруху в результате войны и большие людские потери, социально-экономические и демографические процессы в стране относительно нормализовались и в разрезе республик опять стали четко проявляться долго-

временные закономерности их демографического развития.

Сохраняя значительную дифференциацию по абсолютным показателям экономического развития, в республиках продолжалась тенденция к их сближению. При очень высоких темпах экономического роста в целом по стране наиболее быстро развивалось народное хозяйство в Эстонии, Латвии, Литве. Так же быстро, но уступая по темпам роста Прибалтийским республикам, развивалась экономика Молдавии, Казахстана, Армении.

Еще сохранявшаяся дифференциация экономического, социального и культурного развития республик проявлялась и в их демографических процессах. Так, если к началу 60-х годов в целом страна завершала вторую стадию демографического перехода, то в отдельных республиках демографический переход только начинал проявляться. Это подтверждает анализ социально-экономического и демографического развития за этот период.

Экономическое развитие. Великая Отечественная война, прервавшая поступательный рост хозяйства и культуры народов нашей страны, нанесла огромный ущерб хозяйству республик, подвергшихся оккупации. В РСФСР он составил (в ценах 1941 г.) 255 млрд. руб., для Украинской ССР — 285 млрд., Белорусской ССР — 75 млрд., Латвийской ССР — 20 млрд., Литовской ССР — 17 млрд., Эстонской ССР — 16 млрд. и Молдавской ССР — 11 млрд. руб. [1]

Большой урон понесло промышленное и сельскохозяйственное производство. В результате оккупации и военных действий на захваченных немцами территориях, а также эвакуации подавляющей части предприятий из западных районов страны на Урал, в Поволжье, Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию значительно сократилось промышленное производство. В Белоруссии объем валовой продукции в 1945 г. был меньше в 5 раз, чем в 1940 г.; на Украине — почти в 4 раза меньше; в Латвии, Литве, Молдавии ее объем снизился более чем вдвое. Из-за нехватки рабочей силы и сырья существенно замедлился рост или даже сократилось по сравнению с довоенным промышленное производство и в республиках, не находившихся в зоне оккупации: Закавказских, Туркмении и Таджикистане.

[1] Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. М., 1972, с. 55.

Для восстановления хозяйства, расширения уже освоенного и развертывания нового производства направлялись большие капиталовложения. Причем объем вложений по республикам помимо размаха капитального строительства определялся и структурой отраслей народного хозяйства. В целом объем капиталовложений в народное хозяйство в значительной мере определяет последующее расширение производства и является одним из показателей экономического развития. «Наращивание экономического потенциала страны в решающей мере зависит от состояния капитального строительства» [1].

По показателям капиталовложений на душу населения в течение 15 послевоенных лет ниже среднесоюзного уровня были Молдавия, Белоруссия, Литва, Латвия, Узбекистан, Киргизия, Армения, Украина (табл. 1. 3. 1). Соотношение по капиталовложениям между республиками к концу периода (к 1960 г.) изменилось, хотя диф-

Таблица 1.3.1

Объем капиталовложений на душу населения (без колхозов) за 1946—1960 гг. *, руб.

	1946—1950**	1951—1955	1956—1960	В % к среднесоюзному уровню в 1956—1960 гг.
СССР	192	354	596	100
Казахская ССР	188	423	851	143
РСФСР	212	413	693	116
Эстонская ССР	273	418	642	108
Туркменская ССР	228	433	570	96
Азербайджанская ССР	304	524	538	89
Латвийская ССР	162	252	488	82
Украинская ССР	180	276	480	81
Армянская ССР	176	262	449	75
Киргизская ССР	108	242	378	63
Таджикская ССР	108	230	371	62
Литовская ССР	71	151	361	61
Грузинская ССР	194	293	354	59
Узбекская ССР	102	176	314	53
Белорусская ССР	102	164	303	51
Молдавская ССР	76	132	235	39

* Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 г. М., 1962, с. 548—549.

** В расчете на население на конец 4-й пятилетки.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 119.

ференциация оставалась еще заметной: между наибольшим и наименьшим объемами вложений на душу населения в 6-й и 5-й пятилетках различие было более чем в 4 раза.

Уже к концу 4-й пятилетки в большинстве пострадавших районов довоенный уровень промышленного производства был значительно превзойден. Общий объем промышленной продукции после восстановления ее довоенного уровня во всех республиках рос высокими темпами, но к концу 6-й пятилетки особенно выделялись своими темпами индустриального производства по сравнению с довоенным уровнем Прибалтийские республики (в Эстонии промышленное производство увеличилось более чем в 11 раз, в Латвии — в 11 раз, в Литве — более чем в 10 раз), которые и до войны по абсолютным показателям промышленного производства опережали республики Закавказья и особенно Средней Азии. Быстрыми темпами, хотя и уступая Прибалтийским республикам, расширялась промышленность в Молдавии (в 1960 г. объем промышленного производства увеличился в 9 раз по сравнению с 1940 г.), в Армении (почти в 8 раз), в Казахстане (более чем в 7 раз). Медленнее других развивалась промышленность в Туркмении и Азербайджане.

Особенно большие изменения в этот период произошли в занятости женщин. Во всех республиках абсолютное число занятых женщин рабочих и служащих увеличилось не менее чем в 1,7 раза (в Азербайджанской и Туркменской ССР), а в Молдавской и Литовской ССР — соответственно в 5,2 и 5,5 раза. При этом повысилась и доля женщин среди рабочих и служащих по всем республикам (кроме Туркмении): ее увеличение составило от 4 пунктов — в Азербайджанской и Армянской ССР до 13—15 пунктов — в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (табл. 1. 3. 2).

Рост образовательного уровня населения. Послевоенное восстановление народного хозяйства в ряде республик и дальнейший рост экономики всех республик повлияли на изменение соотношения между ними по экономическому уровню, и хотя дифференциация оставалась еще значительной, тенденция к сближению сокращала социально-экономические различия между республиками.

В послевоенный период и в 50-е годы развитие экономики республик сопровождается соответствующим расширением подготовки специалистов высшей и средней квалификации, повышением общеобразовательного уровня молодежи. Происходит рост и выравнивание между республиками показателей образовательного уровня, что свидетельствует о неуклонном совершенствовании в рассматриваемый период важной стороны качественного развития народонаселения.

После окончания Великой Отечественной войны в стране развернулась большая работа по восстановлению и расширению сети школ, техникумов, высших учебных заведений. В результате в 1949 г. повсеместно в городах и сельской местности началось осуществление всеобщего обязательного семилетнего обучения, а с 1958 г. страна приступила к переходу ко всеобщему обязательному восьмилетнему обучению, который в основном был завершен в 1963 г. В крупнейших городах и промышленных центрах страны вводилось всеобщее среднее образование.

Таблица 1.3.2

Занятость населения в народном хозяйстве в целом и доля женщин в общей численности рабочих и служащих в 1940—1960 гг.

	Число занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих на 1000 человек населения			Процент женщин в общей численности рабочих и служащих		
	1940	1950	1960	1940	1950	1960
СССР	175	223	287	39	47	47
Эстонская ССР	167	263	371	35	48	50
Латвийская ССР	139	231	338	36	45	49
РСФСР	201	259	327	41	50	50
Казахская ССР	149	204	287	30	40	38
Украинская ССР	159	187	247	37	43	45
Литовская ССР	62	132	241	30	38	43
Белорусская ССР	125	133	229	40	45	49
Грузинская ССР	140	177	224	35	40	40
Армянская ССР	122	174	224	34	40	38
Киргизская ССР	120	140	196	29	41	41
Туркменская ССР	150	177	193	36	41	36
Азербайджанская ССР	152	195	188	34	40	38
Узбекская ССР	115	138	179	31	40	39
Таджикская ССР	100	115	151	29	39	37
Молдавская ССР	41	106	144	35	38	43

Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. перед высшей школой ставилась задача расширения подготовки специалистов высшей квалификации в первую очередь для топливно-энергетической и металлургической промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного транспорта, учителей для общеобразовательных школ. Была организована подготовка высококвалифицированных специалистов в области новой техники[1]. В результате принятых мер к концу 1947 г. общее количество вузов достигло довоенного уровня, а число технических, медицинских, сельскохозяйственных — превысило довоенный уровень, почти полностью были восстановлены педагогические институты.

В подготовке специалистов высшей квалификации увеличивалась роль восточных районов страны, где в послевоенный период промышленность развивалась опережающими темпами по сравнению с центральными областями. Так, из 112 вузов, вновь открытых в 1946—1950 гг., 60 были созданы на востоке страны[2].

В послевоенные годы высшее образование получило широкое развитие во всех союзных республиках. Государство выделяло большие средства из государственного бюджета на подготовку специалистов для народного хозяйства. В 1952 г. затраты на высшее образование увеличились по сравнению с 1946 г. на 71 %, а по сравнению с 1940 г. — в 2,9 раза. Особенно быстро росли эти расходы в таких республиках, как Киргизская ССР (с 1940 по 1952 г. они увеличились в 3,4 раза), Таджикская и Молдавская ССР (в 3 раза), Казахская ССР (2,7 раза)[3].

Внимание со стороны партии и государства к подготовке высококвалифицированных специалистов выражалось и в расширении приема в высшие учебные заведения, особенно технического профиля и в университеты. Это обеспечивало увеличение числа студентов вузов: например, в 1940/41 учебном году в вузах обучалось 0,8 млн. человек, в 1950/51 г. — 1,2 млн., а в 1960/61 г.— уже 2,4 млн. человек. По сравнению с довоенным годом

[1] См.: Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. М., 1946, с. 105—106.
[2] См.: Высшая школа СССР за 50 лет. М., 1967, с. 105.
[3] См.: *Субботина К. И.* Народное образование и бюджет. М., 1965, с. 88.

численность студентов по стране выросла в 3 раза, а по отдельным республикам (Молдавская, Узбекская, Киргизская, Таджикская и Казахская) — в 5—8 раз (табл. 1.3.3).

Таблица 1.3.3

Численность студентов высших учебных заведений на 10 000 человек населения по союзным республикам (на начало учебного года) *

	1914/15	1940/41	1950/51	1960/61	1970/71
СССР	8	41	69	111	188
Грузинская ССР	1	77	98	134	189
РСФСР	10	43	77	124	204
Узбекская ССР	—	28	66	116	192
Эстонская ССР	35	45	80	111	161
Армянская ССР	—	82	111	106	214
Латвийская ССР	8	52	73	101	171
Украинская ССР	10	47	54	97	170
Литовская ССР	—	20	45	95	180
Таджикская ССР	—	15	46	94	149
Азербайджанская ССР	—	44	98	91	192
Туркменская ССР	—	22	54	81	131
Киргизская ССР	—	19	49	79	161
Казахская ССР	—	16	46	75	150
Белорусская ССР	—	24	41	72	154
Молдавская ССР	—	10	36	63	124

* Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сборник. М., 1977, с. 218.

Подъем экономики республик после войны сопровождался расширением подготовки специалистов не только высшей, но и средней квалификации, повышением общеобразовательного уровня молодежи. Развитие народного хозяйства страны в условиях начинавшейся научно-технической революции предъявляло все возрастающие требования к общему и специальному образованию населения, занятого в различных сферах общественного производства, к повышению его профессионального уровня, основой которого в эти годы являлось общее образование в объеме 8-летнего обучения.

В 40—50-е годы быстрыми темпами повышался уровень образования населения, занятого в народном хозяйстве. Если в 1939 г. на 1000 человек населения, занятого в народном хозяйстве, имели высшее, среднее

(полное и неполное) образование 123 человека, то в 1959 г. в 3,5 раза больше — 433 человека (табл. 1.3.4). При этом уровень образования быстрее всего рос у рабочих и колхозников: в расчете на 1 000 работающих за этот период он увеличился у рабочих в 4,7 раза, а у колхозников — в 12 с лишним раз, в то время как у специалистов и служащих — в 1,8 раза.

Таблица 1.3.4

Уровень образования населения союзных республик в 1939 и 1959 гг. *

	На 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше приходится лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием		На 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование	
	1939	1959	1939	1959
СССР	108	361	123	433
Армянская ССР	128	445	135	527
Латвийская ССР	176	431	...	502
Туркменская ССР	65	387	78	497
Грузинская ССР	165	448	163	492
Азербайджанская ССР	113	400	122	473
Эстонская ССР	161	386	...	448
Узбекская ССР	55	354	61	447
Казахская ССР	83	347	99	447
РСФСР	109	361	124	440
Украинская ССР	120	373	139	438
Киргизская ССР	46	342	56	429
Таджикская ССР	40	325	45	407
Белорусская ССР	92	304	113	331
Молдавская ССР	57	264	...	280
Литовская ССР	81	232	...	250

* См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг., с. 38.

В рассматриваемые два десятилетия, несмотря на войну и послевоенные трудности, очень быстро повышалось образование населения всех республик и в первую очередь тех, где перед войной его уровень был ниже, чем в других республиках. В результате в республиках разница показателей числа лиц с высшим и средним образованием на 1 000 человек населения постоянно сокращалась и в 1959 г. между самым высоким показателем в Грузии и самым низким в Литве составила 2 раза (в 1939 г. этот разрыв между Грузинской и Таджикской ССР составлял 4 раза). Это свидетельствует, что вместе с быстрым ростом образования происходило выравнивание его уровней по республикам (табл. 1.3.4). В целом же структура по уровню образования населения уже к началу 60-х годов существенно улучшилась.

Процессы воспроизводства населения. В отличие от образовательной структуры для другой важной характеристики качества населения — его возрастно-полового состава требуется, как известно, намного более длительное время, чтобы полностью сгладить тяжкие последствия войны.

Великая Отечественная война, унеся 20 млн. жизней советских людей, сократив более чем на десятую часть численность населения страны, резко деформировала возрастно-половую структуру, что в течение нескольких поколений периодически сказывалось и еще будет сказываться на общих показателях рождаемости, смертности и естественного прироста населения. Однако уже в 50-е годы длительные тенденции демографического развития, проявлявшиеся в 30-х годах, вновь стали определять общие параметры естественного воспроизводства населения.

Война нарушила ход естественной эволюции народонаселения — резко сократилась рождаемость и повысилась смертность. В первые послевоенные годы произошел огромный рост числа рождений (послевоенная компенсация), который в 50-е годы сменился относительной стабилизацией коэффициента рождаемости на уровне 25—27 ‰. Смертность после войны, особенно в 40-е годы, постоянно снижалась, в результате чего в послевоенные годы уже к 1950 г. естественный прирост населения превысил довоенный уровень примерно на 30 %.

Уровень смертности к 1960 г. сократился по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза. Общий коэффициент рождаемости за данный период уменьшился всего на 28 % и, по расчетам Б. Ц. Урланиса[1], был не выше 80—86 % уровня рождаемости 1940 г. Очищенный от влияния возрастной структуры суммарный коэффициент рождаемости сократился к началу 50-х годов по сравнению с довоенным уровнем на 66 % и практически оставался неизменным до начала 60-х годов. Так, если в 1938—1939 гг. среднее число детей, приходящихся на одну

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 32.

женщину условного поколения, составляло 4,4, то в 1954—1955 гг. этот показатель снизился до 2,9; в 1957—1959 гг. — 2,8, в последующие годы суммарный коэффициент рождаемости продолжал снижаться, составив в 1961—1962 гг. 2,7 рождения [1].

На снижение общего уровня рождаемости, безусловно, повлияло изменение численности рождающего контингента. К 1960 г. в возраст максимальной плодовитости начала вступать малочисленная группа женщин, родившихся в годы войны — годы низкой рождаемости. Одновременно с этим фактором произошло и снижение плодовитости, как общей, так и брачной. Сравнивая коэффициенты брачной плодовитости довоенных и послевоенных женщин, Б. Ц. Урланис писал: «...брачная плодовитость в молодые годы женщин за последние 20 лет уменьшилась незначительно, но по мере перехода к более старшим возрастам процент падения систематически увеличивается. Это говорит о том, что теперь наши женщины предпочитают обзаводиться детьми главным образом лишь в первые годы после брака» [2]. Поэтому снижение рождаемости в 50-х годах было не столь заметно — снижение началось в старших возрастах, менее многочисленных поколений.

Как показывают расчеты, если бы доля женщин плодовитого возраста в населении была бы такой, как в 1964—1965 гг., а общий коэффициент плодовитости оставался на уровне 1958—1959 гг., то коэффициент рождаемости был бы почти на 4 ‰ выше фактической величины. В противном случае, т. е. при неизменности доли женщин плодовитого возраста и фактическом снижении коэффициента плодовитости, он был бы выше только приблизительно на 2 ‰.

Таким образом, на снижение общего коэффициента рождаемости населения СССР повлияли непосредственно две причины: снижение доли женщин плодовитого возраста и снижение общего уровня плодовитости. По сравнению с 1926—1927 гг. число родившихся на 1 000 женщин в 1964—1965 гг. в возрасте 15—19 лет и 20—24 года составляло соответственно 65—61 %, в возрасте 35—39 лет — 30 %, в возрасте 45—49 лет — 18 %. Таким

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1967, с. 237.

[2] *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 46.

образом, большинство ограничивается одним-двумя детьми и все у большего числа женщин процесс деторождения заканчивается в ранних возрастах. Но этот процесс в массовом масштабе охватывает население уже после 60-х годов, а до 60-х годов уровень рождаемости у женщин изменялся незначительно.

Быстрыми темпами по всей территории СССР снижалась смертность (табл. 1.3.5).

Таблица 1.3.5

Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в республиках СССР за 1940—1960 гг. *, ‰

	Число рождений на 1000 человек населения			Число умерших на 1000 человек населения		
	1940	1950	1960	1940	1950	1960
Азербайджанская ССР	29,4	31,2	42,6	14,7	9,6	6,7
Туркменская ССР	36,9	38,2	42,4	19,5	10,2	6,5
Армянская ССР	41,2	32,1	40,1	13,8	8,5	6,8
Узбекская ССР	33,8	30,8	39,8	13,2	8,7	6,0
Казахская ССР	40,8	37,6	37,2	21,4	11,7	6,6
Киргизская ССР	33,0	32,4	36,9	16,3	8,5	6,1
Таджикская ССР	30,6	30,4	33,5	14,1	8,2	5,1
Молдавская ССР	27,4	38,9	29,3	16,9	11,2	6,4
Белорусская ССР	26,8	25,5	24,4	13,1	8,0	6,6
Грузинская ССР	26,6	23,5	24,7	8,8	7,6	6,5
РСФСР	33,0	26,9	23,2	20,6	10,1	7,4
Литовская ССР	23,0	23,6	22,5	13,0	12,0	7,8
Украинская ССР	27,3	22,8	20,5	14,3	8,5	6,9
Латвийская ССР	19,3	17,0	16,7	15,7	12,4	10,0
Эстонская ССР	16,1	18,4	16,6	17,0	14,4	10,5

* Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг., с. 42—43.

Снижение смертности в нашей стране происходило довольно высокими темпами. В 1960—1964 гг. уровень смертности достиг своего минимального значения, и поэтому данный период можно считать периодом завершения второй стадии демографического перехода для всей страны в целом, так как уже после 1964 г. начинается массовое увеличение общего коэффициента смертности и массовое снижение рождаемости. В 1960 г. по сравнению с довоенным уровнем общий коэффициент смертности сократился в 2,5 раза, а по сравнению с периодом завершения первой стадии демографического перехода (1896—1900 гг.) он сократился в 4,5 раза.

В 1958 г. коэффициент естественного прироста достиг своего максимума — 18,1 ‰, после чего начал неуклонно снижаться.

По своему демографическому развитию далеко не все республики к концу рассматриваемого периода и в начале 60-х годов завершили вторую стадию демографического перехода[1]. Прибалтийские республики (прежде всего Эстония и Латвия) и Украина закончили эту стадию, РСФСР приближалась к ее завершению. Грузия, Белоруссия и Молдавия находились в середине второй стадии, Казахстан только вступал в нее. Остальные республики находились на начальной стадии, обнаруживая разные темпы уменьшения смертности при относительно стабильных (Армения) или даже растущих (Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан) общих коэффициентах рождаемости.

Республики, опережавшие остальные в демографическом развитии (с позиций демографического перехода), как правило, имели и наиболее высокий экономический уровень и более высокий уровень образования населения.

Снижение смертности и рождаемости по стране в целом явилось результатом определенных качественных изменений в населении Советского Союза, детерминированных послевоенным ростом экономики и культуры населения страны.

Одновременно с этим шло выравнивание пропорций между городским и сельским населением. Доля городского населения к 1960 г. достигла 49 % и по сравнению с 1940 г. увеличилась почти в 1,5 раза. Массовое снижение рождаемости, начавшееся в городе, пока не затрагивало село. Так, с 1950 по 1960 г. уровень рождаемости в селе практически не снижался. Однако меняется облик сельского жителя, который все больше приемлет городской образ жизни. Причем он все сильнее оказывается связанным с городом как родственными, так и производственными связями за счет возрастающей миграции. Рост городского населения за

[1] Учитывая несовершенность общих коэффициентов естественного движения населения, которыми мы пользовались ввиду отсутствия динамики более точных показателей воспроизводства населения по республикам за этот период, мы понимаем условность сделанной нами оценки.

счет притока сельских жителей продолжается и особенно возрастает с 60-х годов, когда население страны в целом вступило в третью стадию демографического перехода.

На последней стадии демографического перехода (как отмечалось выше) происходит дальнейшее уже повсеместное (как в городской, так и в сельской местности) снижение рождаемости при стабилизировавшейся и несколько возрастающей под влиянием старения населения смертности. На третьей стадии, особенно в ее начале, темпы прироста населения определяются главным образом динамикой уровня рождаемости. В связи с этим возрастает значение анализа уровня, на котором рождаемость стабилизируется. Для этого необходимо всестороннее осмысление причин ограничения в этот период числа детей в семье до минимума — одного-двух детей.

4. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ФОНДА ВНЕРАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ ЖЕНЩИН В 20—60-Е ГОДЫ И РОЖДАЕМОСТЬ

Среди вопросов, касающихся сокращения числа детей в семье до крайне низких показателей (одного-двух детей), которое становится характерным для большинства республик уже в 60—70-е годы, большое значение, на наш взгляд, имеет изучение бюджета времени семейных людей, прежде всего женщин, в связи с усилением сознательного ограничения деторождения. Эти проблемы в социально-демографических исследованиях нашли лишь самое общее освещение на основе материалов о бюджетах времени, полученных социологами для решения других, в основном недемографических задач. Но и этот материал позволяет провести более углубленное, чем это было раньше, изучение связи между фондом и структурой фонда времени женщин и числом детей в их семьях.

Роль указанного направления особенно усиливается в связи с быстрым ростом образования, общего культурного уровня и расширением занятости женщин в общественном производстве, явившихся важнейшим результатом коренных социально-экономических преобразований при Советской власти.

Фонд и распределение времени, используемого для

осуществления разнообразной жизнедеятельности людей, — один из главных обобщающих показателей условий развития населения и его отдельных социально-демографических групп. Он позволяет выразить единым измерителем все стороны труда и быта, в том числе те, которые непосредственно не поддаются учету в стоимостных и натуральных показателях.

Большое значение анализа фонда времени, на наш взгляд, определяется тем, что недостаток времени нельзя компенсировать высоким денежным доходом или жильем, или другими благами (хотя и можно частично смягчить нехватку времени). А вместе с тем практически любая человеческая потребность требует для своего удовлетворения того или иного объема времени.

Знание тенденций изменения фонда и структуры времени за длительный исторический период позволяет глубже понять и объяснить демографические процессы, в частности ограничение семьей деторождения, начавшееся с 60-х годов. Специальное обследование, проведенное в Москве Центром по изучению проблем народонаселения МГУ в 1970 г., показало, что из всех причин нежелания иметь еще одного ребенка 25 % составил дефицит фонда времени[1]. В связи с этим особого внимания заслуживает исследование фонда времени семейных женщин с детьми, которые, выполняя двойную функцию — производственную и семейно-бытовую, испытывают наибольшую перегруженность и вынуждены ограничивать число детей ниже желаемого.

Изменение фонда и структуры внерабочего времени женщин-работниц с 20-х по 60-е годы. Конкретных обследований бюджетов времени за длительный период в пределах нашей страны нет. Это ограничивает и наши знания о социально-экономической обусловленности территориальной дифференциации развития народонаселения по республикам.

Исключительную ценность представляют собой обследования бюджетов времени в европейских районах РСФСР, которые проводились под руководством С. Г. Струмилина в 20-х годах. Благодаря наиболее подробно разработанным бюджетам времени рабочих 1923—1924 гг., которые сделаны по материалам этих обследований, можно получить представление о закономерностях изменения фонда времени более чем за 40 лет (если учесть, что война и восстановление экономики в европейской части России задержали социально-экономическое развитие почти на 8—10 лет, то названные закономерности фактически охватывают более 30 лет).

По выборочной совокупности обследованных семей рабочих и составу промышленных городов, где проводились обследования бюджетов времени 20-х годов, с ними сопоставимы данные обследований бюджетов времени 60-х годов[1]. Надо отметить, что до сих пор сопоставление результатов обследований 20-х и 60-х годов мало проводилось, и тенденции изменений фонда и структуры времени, тем более в связи с рождаемостью, не выявлялись. По нашему мнению, такой сопоставительный анализ может иметь теоретическое и практическое значение.

За период с 20-х по 60-е годы произошли огромные изменения в рождаемости городского населения РСФСР, что может служить основой для моделирования связи фонда времени и отдельных видов его затрат с показателями детности городских семей.

В ряде республик, где в этот период происходил интенсивный процесс снижения рождаемости, очевидно, существенное влияние на него оказывала неблагоприятная структура времени работающих матерей с несовершеннолетними детьми. Эта структура резко отличалась от структуры других групп населения. И чтобы избежать в дальнейшем низких показателей рождаемости у населения республик, вступающих в третью стадию демографического перехода, следует, по нашему мнению, своевременно принимать активные меры, направленные на облегчение загруженности матерей в этих республиках.

Прежде всего необходимо учитывать, что в отличие от всех других показателей социально-экономического положения различных групп населения фонд времени и возможности его расширения имеют объективно ограни-

[1] См.: Развитие населения (Народонаселение). М., 1974, с. 65.

[1] Обобщение бюджетов времени 60-х годов наиболее полное отражение нашло в обследовании Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Человек после работы» (1972 г.). Более ранние (конец 50-х — начало 60-х годов) и более поздние (70-е годы) обследования бюджетов времени из-за небольшого объема выборки обследованных, из-за отсутствия разработки бюджетов в зависимости от семейного состояния, состава семьи обследованных рабочих, наличия у них детей не могут быть использованы, на наш взгляд, в сравнительном анализе с бюджетами времени 20-х годов.

ченные рамки. Очевидно, эта специфика фонда времени во многом определяет и тенденции изменения его объема и структуры.

Таблица 1.4.1

Затраты времени на труд в общественном производстве и домашнем хозяйстве работающих женщин и мужчин в рабочих семьях (в неделю; час., мин.)

	Женщины-работницы		Мужчины	
	1923—1924*	1965—1968**	1923—1924*	1965—1968**
1. Труд в общественном производстве и время, связанное с ним	55.05	49.30	54.40	53.10
2. Домашний труд (без ухода за детьми) — всего	29.10	27.20	9.40	11.40
в том числе:				
приготовление пищи	19.20	10.20	3.20	1.10
уборка жилья	2.50	3.50	2.05	1.10
покупка продуктов и товаров	1.35	5.50	2.10	3.00
уход за одеждой, бельем, обувью	5.00	5.50	1.25	0.20
прочий обязательный труд	0.25	1.10	0.45	6.00
3. Свободное время (без общественной деятельности)	15.35	18.00	27.55	28.40
в том числе:				
культурный отдых, повышение образования, квалификации, непрофессиональное творчество	4.35	11.50	13.30	19.50
из них:				
посещение кино, театра, цирка и других зрелищ, чтение художественной литературы, газет, просмотр телепередач (для 1965—1968 гг.)	2.50	7.40	9.40	14.20
внесемейное общение	4.55	3.50	6.15	6.30
бездеятельный отдых	5.25	2.20***	7.25	2.20
4. Сон, еда, уход за собой	63.00	58.10	71.10	64.10

* *Струмилин С. Г.* Избранные произведения, т. 3, с. 210—211, 218, 223—224.

** *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Приложение (таблицы). М., 1972, с. 11, 14, 22, 26, 47.

*** Бездеятельный отдых для обследованных женщин мы взяли как среднее значение между наибольшим и наименьшим значением 2.00 и 2.40 (см.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Приложение (таблицы), с. 47).

Материалы обследований показывают (табл. 1.4.1), что за период 20—60-х годов в городах затраты времени женщин-работниц, связанные с их участием в общественном производстве, сократились на 5 с половиной часов в неделю, время домашнего труда — только на 2 часа. Казалось бы, что это должно было бы высвободить женщинам дополнительно более 7 час. в неделю. Однако этого не произошло: свободное время увеличилось лишь на 2 час. 20 мин., или на 15 % по сравнению с 1923/24 г. У мужчин свободное время выросло еще меньше (на 3 %), правда, его абсолютная величина почти вдвое превышала свободное время женщин в 20-х годах и почти в 1,5 раза — в 60-х годах.

Как показывают данные бюджетов времени за рассматриваемые годы, с ростом благосостояния затраты времени на домашний труд в целом сокращаются[1], но одновременно появляется необходимость увеличения затрат времени на отдельные его виды. Так, сопоставление материалов обследования 1923—1924 гг. и 1965—1968 гг. показывает, что улучшение обеспеченности жильем, разнообразие одежды и обуви привело к росту затрат времени женщин на уборку жилья (на 35 %) и уход за одеждой (на 17 %). Повышение денежных доходов рабочих, значительное расширение выбора товаров в торговой сети, сильное сокращение по сравнению с 20-ми годами подсобного хозяйства у рабочих семей — все это вело к росту затрат времени на приобретение продуктов и промышленных товаров почти в 3,7 раза. Одновременно очень существенно — на 9 час. в неделю (или почти вдвое) — уменьшилось время на приготовление пищи, чему способствовал прогресс в коммунально-бытовых удобствах, оборудованности жилья водопроводом, газом, электричеством.

Таким образом, высвободившиеся более 14 час. от работы на производстве и от приготовления пищи в значительной мере были перераспределены на удовлетворение потребностей, связанных с различными видами домашнего труда, что еще раз доказывает объективную необходимость домашнего труда в социалистическом обществе, которую отмечают исследователи[2].

[1] В 1960—1961 гг. в Москве работницы в семьях с низким душевым доходом тратили на домашнее хозяйство в 2,2 раза больше времени по сравнению с имеющими высокий доход, в 1965—1968 гг. в крупных городах это превышение составило 1,5 раза (см.: *Кряжев В. Г.* Внерабочее время и сфера обслуживания. М., 1966, с. 109; *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Приложение (таблицы), с. 14, 15).

[2] См.: *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979; *Янкова З. А.* Городская семья. М., 1979 и др.

Если же сопоставить за длительный период рост ряда показателей уровня жизни, то ограниченность возможностей расширения фонда времени становится особенно наглядной: за 1940—1965 гг. выплаты и льготы из общественных фондов потребления на душу населения в РСФСР выросли в 8,5 раза, а по сравнению с 1923—1924 гг. — еще больше. За время с 1928 по 1965 г. в республике общий товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая предприятия общественного питания, на душу населения увеличился почти в 7 раз. В 1965 г. по сравнению с 1922—1923 гг. на 10 000 человек населения обеспеченность врачами увеличилась почти в 18 раз, больничными койками — почти в 6 раз.

Время — обязательное условие удовлетворения любой потребности, однако расширение фонда времени для удовлетворения практически всех без исключения потребностей человека во много раз отстает по темпам от роста большинства других условий жизнедеятельности. Проявление данной закономерности требует всестороннего и глубокого анализа. По нашему мнению, именно такое соотношение темпов роста фонда времени, особенно свободного[1], с темпами роста потребностей и всех остальных (помимо времени) условий удовлетворения потребностей, т. е. необходимых предметов потребления, материального оснащения, услуг, является главным лимитирующим фактором повышения степени удовлетворения потребностей. Возможно даже, чтобы достичь нескольких процентов увеличения свободного времени, необходимо многократно увеличить материальную обеспеченность (материальными благами и услугами, денежную) населения.

Эту мысль подтверждает анализ роста фонда свободного времени в зависимости от объема созданного национального дохода по материалам исследования, проведенного в Болгарии. Например, если национальный доход, созданный в промышленности, почти втрое превышает национальный доход, произведенный в сельском хозяйстве, то свободное время работников этих сфер народного хозяйства увеличивается лишь на 22 % (табл. 1.4.2). Иначе говоря, расширение производства

[1] Которое, как неоднократно подчеркивали основоположники марксизма, необходимо работнику «для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 299).

Таблица 1.4.2

Рабочее время, свободное время и национальный доход в Народной Республике Болгарии в 1970/1971 гг. *

	Промышленность	Строительство	Сельское и лесное хозяйство
Национальный доход на 1 час труда (левы)	2,01	1,21	0,79
Свободное время на 1 час труда (час)	0,61	0,56	0,50
Рост по отношению к показателям в сельском хозяйстве, %:			
национального дохода	289	173	100
свободного времени	122	112	100

* *Стайков З.* Проблемы соотношения рабочего и свободного времени. — Социологические исследования. 1975. № 3. с. 170.

материальных благ и рост обеспеченности людей этими благами и услугами происходят во много раз быстрее, чем увеличение фонда свободного времени.

Рост материального благосостояния не является конечной целью социалистического общества; оно лишь средство создания условий для всестороннего духовного и физического развития каждой личности.

Процесс совершенствования личности, возвышение его духовных потребностей более точно отражают показатели свободного времени и его распределение по отдельным видам. Хотя свободное время работающих женщин за 20—60-е годы увеличилось лишь на 2,6 часа, однако структура их свободного времени выявляет огромный рост духовных потребностей: время культурного отдыха увеличилось более чем на 7 час. в неделю (в 2,6 раза) за счет большого сокращения бездеятельного отдыха и внесемейного общения, которые высвободили дополнительно около 4 час. в неделю. В результате в 60-е годы свободное время женщин на $^2/_3$ состояло из культурного отдыха и повышения их культурного уровня, в то время как раньше эти затраты не достигали и $^1/_3$ фонда свободного времени. Однако, судя по оценкам женщин, для более полного удовлетворения духовных потребностей свободного времени им не хватало.

Огромный скачок в духовном развитии женщин, быстрое повышение системы их потребностей за 40 лет, отраженные в структуре внерабочего и особенно сво-

бодного времени, коренным образом изменили и потребность женщин в детях.

В 20-х годах почти все время общения с детьми поглощал физический уход (стирка белья, кормление, купание и т. д.): работающие женщины за неделю тратили на это 3 час. 40 мин., домохозяйки — более 13 час., половина которых тратилась на уход за грудным ребенком. В 60-х годах эти затраты времени женщин-работниц уменьшились почти на 40 %[1].

Коренным образом изменилось содержание той части времени, которую женщины посвящали воспитанию детей. В 20-х годах воспитание сводилось лишь к обучению грамоте, на что работницы тратили всего 8 мин. за неделю (т. е. 1 мин. в день), домохозяйки — 25 мин. (чуть более 3 мин. в день) и работающие мужчины — 1 час в неделю. В 1965—1968 гг. у работающих женщин время на воспитание детей увеличилось почти в 15 раз по сравнению с домохозяйками и работницами 20-х годов и составило у матерей 4 часа, у отцов — 4 час. 45 мин.

Резкий рост затрат времени на воспитание детей, так же как и увеличение времени на отдельные виды домашней работы, к 60-м годам, к сожалению, еще не позволяет говорить о полном удовлетворении в эти годы соответствующих потребностей. Наиболее остро недостаток времени испытывают семьи с детьми. Это подтвердили материалы обследования, проведенного в Таганроге в 1967—1969 гг.: 70 % опрошенных матерей, имеющих несовершеннолетних детей, ответили, что дополнительное свободное время они израсходовали бы на домашнюю работу. То же самое подтвердили материалы социального эксперимента, проведенного в 1972 г. в Одессе, во время которого работающим женщинам был на час сокращен рабочий день с сохранением заработной платы (93 % из них имели одного-двух детей). На заключительном этапе эксперимента 87 % женщин подчеркнули, что они улучшили ведение домашнего хозяйства[2].

[1] Ввиду того что в бюджетах времени 20-х годов специально не выделена группа рабтниц-матерей, мы взяли среднее значение между работницами и домохозяйками, которые, безусловно, в подавляющем большинстве имели детей, так как на 311 обследованных семей приходилось 552 ребенка в возрасте до 15 лет. Время на воспитание детей в 60-е годы мы взяли как среднее значение между тремя типами семей (простой, сложной и неполной).

[2] См.: Социологические исследования, 1975, № 4, с. 105.

Аналогичные выводы следуют из других исследований бюджетов времени[1]. Тот факт, что в 60-х годах дополнительное внерабочее время работающие женщины тратили в первую очередь на домашний труд, приготовление пищи, поддержание чистоты жилища, одежды и т. д., говорит о том, что именно ограниченность внерабочего времени тормозит более быстрый рост удовлетворения потребностей.

При такой тенденции, когда дополнительно высвобождающееся внерабочее время необходимо частично перераспределять на домашнюю работу и в связи с интенсивным ростом духовных потребностей на культурный рост и отдых работающих женщин, становится объяснимой невысокая из-за нехватки времени удовлетворенность потребности родителей в общении с детьми и уходе за ними. В тех же обследованиях в Одессе и Таганроге более 80 % опрошенных матерей и почти 70 % отцов высказали желание дополнительное свободное время посвятить детям. На заключительном этапе эксперимента в Одессе 77 % женщин отметили, что сокращение рабочего дня положительно повлияло на воспитание детей: почти у 60 % работниц дети-школьники улучшили за это время успеваемость[2].

В таких условиях более понятна и тенденция ко все большему ограничению числа детей в семье (и как следствие — снижение уровня рождаемости), которое выступает как одно из средств разрешения противоречия между быстрым возвышением системы потребностей семейных групп населения и объективной ограниченностью фонда времени (т. е. ограниченными возможностями) для удовлетворения растущих потребностей.

Анализ бюджетов времени рабочих семей 60-х годов по крупным городам и по среднему городу — Павловскому Посаду позволяет сделать вывод, что с ростом социально-экономического уровня[3] затраты времени на домашний труд и уход за детьми абсолютно сокращаются, а на воспитание детей — увеличиваются. Однако разница в затратах времени на домашний труд, воспи-

[1] См.: *Пруденский Г. А.* Время и труд. М., 1965, с. 309—310; Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967, с. 135.

[2] См.: Социологические исследования, 1975, № 4, с. 105.

[3] В данном случае крупные города по сравнению со средним городом являются более развитыми в социально-экономическом отношении территориями.

Таблица 1.4.3

Отдельные виды затрат внерабочего времени в рабочих семьях в 1965—1968 гг. (в неделю *; час., мин.)

	Женщины					Отклонение затрат времени у работниц с детьми по сравнению с бездетными**	
	матери несовершеннолетних детей			замужние работницы без детей	незамужние работницы без детей		
	простая семья	сложная семья	неполная семья			замужними работницами	незамужними работницами
Крупные города							
Домашний труд в целом (без ухода за детьми)	32.40	30.50	26.10	24.20	17.40	+14.45	+21.25
Все занятия с детьми	8.40	9.00	10.00				
в том числе:							
уход за детьми	5.00	4.50	5.40				
воспитание детей	3.40	4.10	4.20				
Культурный отдых и повышение образования, квалификации, непрофессиональное творчество	7.50	9.40	6.50	11.40	21.10	−6.25	−17.15
Внесемейное общение	2.40	2.30	2.00	5.30	6.50		
Павловский Посад							
Домашний труд в целом (без ухода за детьми)	36.30	33.10	31.40	33.50	26.20	+9.05	+16.35
Все занятия с детьми	9.20	8.40	9.30				
в том числе:							
уход за детьми	6.40	5.10	4.00				
воспитание детей	2.40	3.30	5.30				
Культурный отдых и повышение образования, квалификации, непрофессиональное творчество	4.20	8.00	4.50	8.50	8.50	−4.35	−7.45
Внесемейное общение	0.40	0.50	0.30	2.10	5.20		

* *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Приложение (таблицы), с. 14—15, 19, 22—23, 26.

** Средняя величина для трех типов семей.

тание детей и на культурное развитие семейных женщин с детьми по сравнению с бездетными работницами увеличивается (табл. 1.4.3). Очевидно, в 20-х годах,

характеризовавшихся более низким социально-экономическим уровнем развития, разница в затраченном времени на домашний труд и уход за детьми между работницами с детьми и работницами (замужними и незамужними) без детей была менее ощутимой, чем в 60-х годах [1].

Тенденция, связанная с относительным ростом разницы в затратах времени на домашний труд и воспитание детей и на собственное духовное развитие между семейными работницами с детьми и бездетными, порождает противоречие между совершенствованием работоспособности (физического состояния, профессионального и общего культурного уровня) и всесторонним развитием личности семейных работников с детьми и возможностями такого совершенствования, заключенными в фонде времени.

Работницы с несовершеннолетними детьми, на наш взгляд, должны иметь не просто равные, а даже лучшие возможности по фонду времени по сравнению с бездетными. Это диктуется тем, что затраты физических и нервных сил у работников с детьми больше в силу той дополнительной нагрузки, которая связана с уходом за детьми и их воспитанием, и для восстановления этих сил требуется больше времени. Кроме того, работники с детьми должны иметь больше внерабочего времени для своих занятий с ними. Иначе говоря, женщинам, имеющим детей, нужно больше внерабочего времени по сравнению с бездетными.

В реальности же мы имеем противоположную тенденцию. По нашему мнению, разрешению указанного противоречия могут способствовать специальные меры демографической политики, направленные на увеличение внерабочего времени работающих женщин с детьми.

Таким образом, анализ бюджетов времени женщин-работниц за период 20—60-х годов показывает, что во время прохождения и завершения второй стадии демографического перехода и неуклонного снижения рождаемости в городах РСФСР произошли значительные изменения в объеме и структуре внерабочего времени работающих женщин: рост культурных потребностей (по

[1] Конечно, такое предположение требует дополнительной проверки данными других обследований (которых с такой же группировкой женщин по семейному состоянию и детности пока нет).

фонду времени) превысил 2,5 раза, затраты времени на воспитание детей выросли в 15 раз. Причем если бы были большие возможности расширения фонда времени на эти виды затрат, то названный рост был бы еще значительнее.

Фонд и структура внерабочего времени женщин по этапам жизненного цикла в 60-х годах. Осмыслению социально-экономических причин дальнейшего уменьшения числа детей в семье способствует более подробный, чем в предыдущем разделе, анализ распределения внерабочего времени женщин-работниц в зависимости от того, сколько они имеют детей и каков возраст детей.

С появлением детей у женщины соотношение между необходимым и свободным временем, менялось, с одной стороны, из-за резкого возрастания времени на занятия домашним трудом и на общение с детьми и, с другой стороны, из-за соответствующего сокращения свободного времени и даже некоторого уменьшения времени на удовлетворение физических потребностей. Особенно возрастало в 60-е годы у семейных женщин с появлением детей время на домашний труд, которое изменялось по мере перехода от одного этапа жизненного цикла женщины к последующему [1].

Время, которое работающие женщины уделяли домашнему труду на протяжении жизненного цикла, в 1965—1968 гг. было следующим *:

Этапы жизненного цикла	Час, мин. в неделю	Превышение по сравнению с молодыми незамужними женщинами, %
Молодая незамужняя женщина	17.40	—
Молодая супруга без детей	24.20	39
Мать несовершеннолетних детей	29.55**	69
Пожилая женщина без несовершеннолетних детей	29.10	66

* Рассчитано по: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Приложение (таблицы), с. 14.

** Взято как среднее значение затрат времени в простой, сложной и неполной семьях.

[1] Этапы жизненного цикла — это последовательные возрастные периоды в жизни человека, различающиеся сменой его функций и ролей в социальной системе вообще и системе воспроизводства населения в частности (см.: *Гордон Л., Клопов Э., Груздева Е.* Этапы жизненного цикла и быт работающей женщины. XII Международный семинар по исследованию семьи. М., 1972).

Затраты времени на домашний труд достигали максимальных размеров на важнейшем этапе жизни женщины — этапе материнства. У матерей он составлял 24 % всего недельного фонда внерабочего времени. Если же исключить из внерабочего времени время для физических нужд (сон, еду, уход за собой), то его доля возрастала до 48 %. В результате совокупная трудовая нагрузка работающей матери (время труда в общественном и домашнем хозяйстве, включая время ухода за детьми) достигала 11—12 час. в сутки (или 77—84 час. в неделю), что почти вдвое выше рациональной нормы трудовой занятости человека. К сожалению, соответствующие нормы рациональных затрат времени с учетом этапов жизненного цикла пока еще не выработаны. Надо отметить, что с появлением в семье детей бытовая нагрузка возрастала не только у женщин-матерей, но и у мужчин-отцов. Однако ее размеры у мужчин в 3—4 раза меньше, чем у женщины [1], так что общая трудовая нагрузка у отцов не представляет собой выраженной проблемы.

Структура фонда внерабочего времени женщины на протяжении этапа материнства не остается постоянной, она меняется в зависимости от числа и возраста детей. Главное изменение вносили резко возрастающие затраты времени на домашний труд и время общения (уход и воспитание) с ребенком. На протяжении всего материнского периода наиболее существенно по сравнению с предыдущим этапом жизненного цикла возрастал домашний труд при появлении первого ребенка. Это увеличение составляло 56 %, при появлении второго ребенка дополнительно возрастало на 7 %, третьего — на 4 %, четвертого — на 7 %, пятого и более — лишь на 1 % [2]. С появлением первого ребенка время домашнего труда и ухода за ребенком у женщины по сравнению с незамужней увеличивалось более

[1] См.: *Левин Б. М.* Мотивация женского труда и семейно-бытовые отношения. М., 1970, с. 9.

[2] По мнению ряда авторов, изменение времени домашней занятости женщин с рождением детей происходит несколько иными темпами, однако принципиальная схема этих изменений сохраняется. Например, по данным Е. Б. Гурвич и В. Н. Смирновой, время домашнего труда при рождении с первого по пятого и более детей растет соответственно на 60%, 10, 6, 12, 1% (см.: *Гурвич Е. Б., Смирнова В. Н.* К вопросу о комплексной гигиенической оценке производственной и бытовой деятельности работающих женщин. — В кн.: Оздоровление условий труда женщин. М., 1976, с. 35).

чем на 130 %, а по сравнению с семейной бездетной — более чем на 56 %.

Действительно, появление первого ребенка принципиальным образом меняет характер домашнего труда и время для него, вносит в этот труд совершенно новые элементы. Появление же последующих детей связано лишь с небольшой адаптацией жизненного ритма при уже выработавшихся навыках ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми. Кроме того, повзрослевшие дети становятся помощниками в семье. В результате и происходит снижение темпов повышения затрат времени на домашнее хозяйство (рис. 1).

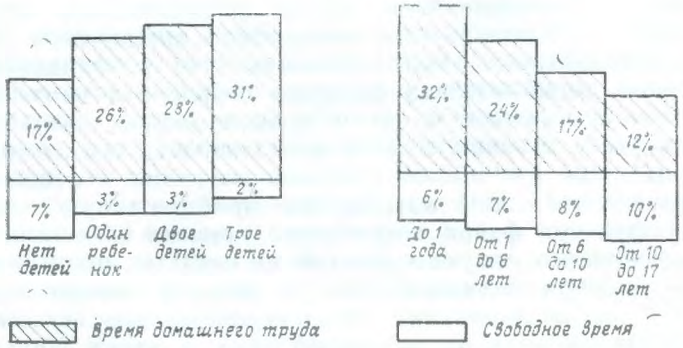

Рис. 1. Соотношение времени домашнего труда и свободного времени у работниц (% к недельному фонду времени)

Появление детей увеличивает домашнюю загруженность матерей как за счет появления новых видов затрат, непосредственно связанных с ребенком — уходом и воспитанием, так и за счет роста домашнего труда женщины для нужд семьи в целом. Последнее, очевидно, связано с уменьшением душевого дохода семьи после рождения детей.

По данным обследования время непосредственных занятий с детьми увеличилось в среднем на 9 час. в неделю и составило более 20 % всех затрат времени в целом на собственно домашний труд и общение с детьми (уход и воспитание). Доля времени домашней работы увеличивалась за счет сокращения занятий учебой и повышения культурного уровня, внесемейного общения и уменьшения времени для сна.

В изменении времени на повышение культурных знаний отмечалась такая же тенденция, как и в изменении объема домашнего труда. При рождении первого ребенка время для учебы и культурной деятельности у матерей сокращалось на 66 % по сравнению с бездетными женщинами[1], появление второго ребенка уменьшало это время дополнительно лишь на 2 %, третьего — еще на 5 %, т. е наиболее ощутимо сужались возможности занятий для повышения культурного уровня и самообразования матерей после рождения первого ребенка (табл. 1.4.4). Одновременно с этим удовлетворение культурных потребностей приобретало пассивную индивидуально-домашнюю форму, на $^3/_4$ состоявшую из просмотра телепередач. Это следствие прежде всего того, что женщины стали больше утомляться от сильно возросшей общей трудовой нагрузки и что эта пассивная форма экономила ее внерабочее время, позволяя совмещать просмотр телевизора с другими непреложными домашними делами.

Материнство, как правило, связано с сокращением времени на удовлетворение физических потребностей матери (сон, еду, уход за собой). Рождение первого ребенка сокращало это время на 2 час. 40 мин. по сравнению с бездетными женщинами, второго — еще на 1 час. Время для физических потребностей у матери с одним ребенком оказывалось ниже его нормы в рациональном бюджете городского рабочего, составляя 86 % этой нормы.

Структура бюджета времени матери зависит не только от числа, но и от возраста детей, поскольку потребности ребенка, изменяясь с его возрастом, влияют на структуру жизнедеятельности матери.

Наибольшая трудовая нагрузка была характерна для работающей женщины-матери на первом году жизни ее ребенка. Некоторое улучшение структуры времени работающей матери в благоприятном для нее и прогрессивном для общества отношении наступало только после достижения ребенком 6 лет. Начиная с этого периода, совокупная трудовая нагрузка понижалась до 74 час. 10 мин. в неделю главным образом за счет уменьшения времени ухода за детьми и впер-

[1] Это связано в большей мере и с окончанием сроков учебы, которая занимала почти половину времени на культурные занятия.

Таблица 1.4.4

Бюджет времени работающих женщин на различных этапах их репродуктивного (материнского) периода в 1963 г.*

	Не имеющие детей	Имеющие детей				
		1	2	3	4	5 и более
I. Недельный фонд времени — всего, час., мин.	168.00	168.00	168.00	168.00	168.00	168.00
Из него затраты времени на виды деятельности:						
труд в общественном производстве	49.05	49.00	48.55	49.30	50.10	47.30
домашний труд, включая уход за детьми	28.05	43.50	46.40	48.30	51.55	52.25
отношение объема домашнего труда к труду в общественном производстве («меньше» — «—», «больше» — «+»), час	—21.0	—5.1	—2.2	—1.0	+1.4	+5.0
культурный отдых и повышение образовательного и культурного уровня	16.35	9.25	8.25	8.00	4.35	4.40
удовлетворение физических потребностей (сон и еда)	62.50	60.10	59.05	58.05	58.00	59.05
досуг	11.25	5.35	5.00	3.55	3.20	4.20
II. Структура недельного фонда времени — всего, %	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Из него затраты времени на все виды деятельности:						
труд в общественном производстве	29.2	29.2	29.1	29.5	29.9	28.3
домашний труд, включая уход за детьми	16.7	26.1	27.8	28.9	30.9	31.2
культурный отдых и повышение образовательного и культурного уровня	9.9	5.6	5.0	4.8	2.7	2.8
удовлетворение физических потребностей (сон и еда)	37.4	35.8	35.1	34.5	34.5	35.1
досуг	6.8	3.3	3.0	2.3	2.0	2.6

* Рассчитано по: *Слесарев Г. А.* Вопросы организации труда и быта женщин и расширенное воспроизводство населения. — В кн.: Социальные исследования. М., 1965, с. 159.

вые за весь предыдущий материнский период составляла менее половины недельного фонда времени — 44 %. В результате увеличивалось время для повышения культурного уровня, занятий учебой и самообразованием, а также общественной деятельности. Именно с шестилетнего возраста ребенка до его совершеннолетия женщина-мать имела максимальную длительность времени сна.

Трудовая нагрузка женщин дома и структура бюджета их времени зависели также от целого ряда других факторов, таких, как общеобразовательный и профессионально-квалификационный уровень, степень развития сферы обслуживания, наличие помогающих членов семьи, материальный доход, жилищно-бытовые условия[1]. Однако влияние этих факторов уступало влиянию демографических факторов (семейного состояния, числа детей и их возраста).

Таким образом, анализ фонда и структуры внерабочего времени позволяет полнее оценить их значение для дальнейшего снижения рождаемости в РСФСР. Очевидно, этот вывод можно распространить и на другие республики, находившиеся в 60-е годы на той же стадии демографического развития, что и РСФСР.

Основная причина ограничения числа детей в семье в 60—70-е годы состояла в том, что работающие женщины с появлением детей имели уже меньше возможностей для полноценного удовлетворения своих потребностей. Причем самое значительное по сравнению с предыдущим периодом изменение было связано с рождением первого ребенка. Это вызывало усиление тенденции к снижению числа детей в семье, причем не только третьего, но и второго ребенка[2]. Негативный опыт, который приобретала работающая мать с рождением первого ребенка, выражался в целом ряде неразрывно связанных сторон ее жизнедеятельности. Увеличивалась ее общая трудовая нагрузка, осо-

[1] О влиянии этих факторов см.: *Кряжев В. Г.* Внерабочее время и сфера обслуживания, с. 108—110; Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970, с. 84—86; *Шимин Н. Д.* Личность женщины и семья. Горький, 1972, с. 234—237 и др.

[2] Два ребенка — устойчивое число желаемых детей. Если бы такое резкое изменение в условиях удовлетворения потребностей семейной женщины наступало после рождения не первого, а, например, второго ребенка, то это позволяло бы семье без затруднений удовлетворять потребности в двух детях.

бенно в период дошкольного возраста ребенка, ограничивалось удовлетворение ее духовных потребностей.

В конкретных социально-демографических исследованиях о тенденциях и причинах уменьшения числа детей в семье в 60-х годах ученые обращали внимание на социально-психологический фактор рождаемости, как правило, не связывая его с социально-экономической основой, в частности с изменениями в фонде времени по этапам жизненного цикла работающей женщины. Поэтому, на наш взгляд, многие исследователи главную причину дальнейшего снижения рождаемости в 60—70-х годах в республиках, завершавших (или завершивших) вторую стадию демографического перехода, связывали исключительно с усилением социально-психологического фактора и ослаблением (или даже исчезновением) экономического фактора.

Анализ развития народонаселения до начала 60-х годов показывает, что неравномерность в социально-экономическом и культурном уровнях бывших национальных окраин царской России, успешно и высокими темпами преодолевавшаяся республиками страны в советское время, определяла и разновременность начала в республиках перехода к современному типу естественного воспроизводства и качественным структурам (в частности, образовательной) населения.

В то время как к концу 50-х годов наиболее развитые в социально-экономическом отношении республики уже завершили или завершали вторую стадию демографического перехода, вторая группа республик только вступала в нее (Казахстан) или находилась на середине второй стадии (Белоруссия, Грузия, Молдавия). Третья группа республик (Среднеазиатские, Армения, Азербайджан) была только на первой стадии перехода. Страна же в целом по показателям воспроизводства населения завершала вторую стадию, и в ней начиналась третья стадия, характеризующаяся быстрым снижением рождаемости.

Неуклонное сближение социально-экономических уровней советских республик создавало основу для сближения и в их демографическом развитии, выражавшегося в том, что к началу 60-х годов уже во всех республиках осуществлялся (хотя и на разных стадиях) переход к современному типу воспроизводства населения.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

(1960—1980 гг.): региональный аспект

Демографическое развитие в 60—70-е годы происходило в условиях, когда в ходе всего предыдущего строительства социализма в стране «самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество, о котором в 1918 г. В. И. Ленин говорил как о будущем нашей страны»[1].

Накопленный огромный и неуклонно увеличивающийся экономический потенциал страны и всех союзных республик, рост благосостояния и развитие потребностей советских людей, развертывающаяся научно-техническая революция, усложняя все взаимосвязи в системе общества, придают этим связям возрастающий динамизм. Это поднимает на новый уровень развитие народонаселения, предъявляя повышенные требования к работникам общественного производства, к воспитанию подрастающего поколения.

Все большее значение среди факторов, характеризующих развитие народонаселения в эти годы, приобретают такие важнейшие его стороны, как уровень образования и на этой основе профессиональная подготовка населения, способность быстрой адаптации к ритмам производственного процесса, труда и жизни, укрепление физического и психического здоровья прежде всего работающего населения и подрастающего поколения. Роль качественных параметров и уровней

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1974, с. 38.

естественного воспроизводства населения в дальнейшем прогрессе страны и каждой республики значительно возрастает, оказывая усиливающееся обратное воздействие на социально-экономическое развитие нашего общества.

В эти два десятилетия тенденции демографического развития обозначаются еще более отчетливо. В естественном движении длительные демографические тенденции проявляются в последовательном переходе уже подавляющего большинства населения республик с высокой неограничиваемой рождаемостью к сознательному внутрисемейному ограничению деторождения, т. е. к следующей для этих республик стадии перехода, к современному типу воспроизводства населения.

При росте различий рождаемости в республиках, находящихся как бы на крайних ступенях демографического развития нашей страны, и в республиках с неограничиваемой рождаемостью появляется устойчивая тенденция снижения числа рождений у женщин старших детородных возрастов, все с большей неоспоримостью выявляющая однонаправленную общую для всех республик закономерность происходящих в них демографических изменений.

Распространение внутрисемейного ограничения деторождения в подавляющем большинстве республик все яснее показывает социально-экономическую обусловленность этого процесса. Это позволяет сделать первую попытку математического моделирования в региональном аспекте связи социально-экономического уровня и демографического процесса рождаемости (см. § 6 данной главы).

Развитие народонаселения в 60—70-е годы характеризуется сближением по своей сути основных тенденций не только качественных его параметров (образовательной структуры населения, роста занятости и профессионального уровня, особенно женского населения, здоровья и общей работоспособности и т. д.), но и параметров его естественного движения.

В этот период все отчетливее обнаруживается, что общей основой демографического развития республик является сближение их социально-экономических уровней.

1. УРОВНИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИК

К началу 60-х годов советские республики в результате высоких темпов роста производства, в первую очередь индустриального, значительно сблизили уровни своего экономического развития, что обеспечивало фактическое равенство всех наций и народностей нашей страны. Если в 1926 г., по расчетам Л. В. Опацкого, максимальный и минимальный показатели выработки валовой промышленной продукции на душу населения по районам находились в соотношении как 32 : 1, то в 1962 г. это соотношение выражалось как 4 : 1 [1], т. е. разрыв уменьшился в 8 раз.

Задача преодоления огромных разрывов и сближения уровней развития хозяйства планомерно решалась социалистическим обществом на всех этапах его развития с учетом складывающихся на каждом этапе экономических и политических условий. В этом проявляется постоянный характер объективно присущей социализму закономерности сближения хозяйственного развития республик.

На первых этапах преодолевалась крайняя отсталость, а затем и большие различия в экономическом уровне ряда национальных республик и районов страны. В 60—70-х годах решалась задача ликвидации еще сохранявшихся различий между республиками и районами. Так, в разработках СОПСа при Госплане СССР на 1971—1980 гг. специально выделялась проблема дальнейшего выравнивания уровней экономического развития союзных республик и экономических районов СССР [2]. Преодоление глубоких, а позднее существенных различий в экономике республик как самостоятельная проблема всегда было в центре внимания партии и Советского государства.

В современный период относительно самостоятельная проблема выравнивания уровней хозяйственного развития становится, как отмечает Ю. Ф. Воробьев, подчиненной более широкой проблеме пропорционального (в разрезе межреспубликанских и внутриреспубликанских пропорций) развития экономики, «причем по

[1] См.: Закономерности и факторы развития экономических районов СССР. М., 1965, с. 67.

[2] См.: Общая методика разработки генеральной схемы размещения производительных сил на 1971—1980 гг. М., 1966.

мере преодоления существенных различий в уровнях экономического развития районов и республик проблема выравнивания будет иметь все менее самостоятельное значение. Разумеется, и ныне не снимается задача подтягивания отдельных республик, в известной степени отстающих в своем развитии, до уровня более развитых республик и крупных районов»[1].

Решение этой задачи основывается теперь на принципе «сочетания комплексного и пропорционального развития хозяйства союзных республик с использованием преимуществ общесоюзного разделения труда»[2]. Намеченные XXVI съездом задания по экономическому и социальному развитию СССР на перспективу ускоряют «процесс всестороннего развития и сближения экономики союзных республик в рамках единого народнохозяйственного комплекса»[3].

Имеющиеся публикации и статистические материалы по региональной экономике за 1960—1980 гг. позволяют более углубленно исследовать влияние социально-экономического развития на воспроизводство населения в территориальном разрезе. Важное значение для анализа имеет появление возможности использовать с 60-х годов наиболее обобщающий показатель экономического уровня — производство национального дохода по республикам, который начали рассчитывать в республиканском разрезе лишь с 1960 г.[4]

[1] *Воробьев Ю. Ф.* Развитие экономики союзных республик в едином народнохозяйственном комплексе СССР. — В кн.: Методологические проблемы исследования экономики развитого социализма. М., 1976, с. 237.

[2] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 121.

[3] Там же.

[4] Большинство исследователей в области региональной экономики считают, что производство национального дохода на душу населения в трудоспособном возрасте, на одного занятого или на душу населения является наиболее обобщающим показателем экономического развития, характеризующим эффективность производства и производительность общественного труда (см.: *Ведищев А. И.* Соизмерение уровней хозяйственного развития экономических районов СССР. — В кн.: Экономические проблемы размещения производительных сил. М., 1969, с. 76; *Телепко Л. Н.* Уровни экономического развития районов СССР. М., 1971, с. 57, 73, 91; *Закумбаев А. К.* Методы оценки уровня экономического развития союзных республик и районов. Алма-Ата. 1974, с. 60 и др. О национальном доходе как об одном из основных синтетических показателей экономического развития в территориальном аспекте см.: Методические указания к составлению государственного плана развития народного хозяйства СССР. М., 1969).

Экономический аспект развития районов, республик включает в себя два основных направления исследования: с одной стороны, как дифференциацию, так и сближение уровней развития производительных сил, с другой — сглаживание различий в материальном благосостоянии и культурном уровне населения республик[1] (т. е. речь идет о социально-экономическом развитии общества). Включение уровня благосостояния как одной из характеристик развития потребностей населения республик в содержание экономического, социально-экономического развития имеет важное значение для анализа, поскольку уровень жизни оказывает непосредственное влияние на процессы смертности, особенно детской, рождаемости, брачности, миграции.

Имевшие место в 60-х и отчасти 70-х годах существенные различия между республиками по их социально-экономическому уровню и уменьшение этой дифференциации следует учитывать и при анализе территориальных различий в воспроизводстве населения. Цель данной монографии диктует необходимость рассмотрения именно дифференциации социально-экономического уровня республик и закономерностей ее сглаживания, влияющих на особенности демографического развития республик в современный период и тенденции на перспективу.

По производству национального дохода на одного трудоспособного в 1970 г. соотношение крайних показателей республик (Эстония и Таджикистан) составляло 2,3 : 1. Однако если сравнивать национальный доход республик с учетом национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, то получаются менее точные данные, так как, во-первых, продукция сельского хозяйства республик в значительной мере зависит от природных условий, а не только от производительности сельскохозяйственного труда, что отражается и на величине национального дохода, созданного в сельском хозяйстве. Во-вторых, отсутствует надежная статистическая информация по республикам о структуре основных про-

[1] См., например: *Воробьев Ю. Ф.* Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965; Общая методика разработки схемы размещения производительных сил на 1971—1980 гг. М., 1966; *Розенфельд Ш. П.* Методология выравнивания уровней развития экономических районов СССР. М., 1969, с. 4; *Телепко Л. Н.* Уровни экономического развития районов СССР, с. 5—6 и др.

изводственных фондов в сельском хозяйстве, строительстве и транспорте [1]. Поэтому точнее соотношение по экономическому развитию республик отражает показатель национального дохода, созданного в промышленности, или показатель индустриального развития республик. По уровню индустриального развития дифференциация республик выражена сильнее, чем по всему национальному доходу: в 1972 г. максимальный показатель (в Эстонии) в 4 раза превышал минимальный показатель (в Туркмении) [2] (табл. 2.1.1).

Таблица 2.1.1

Национальный доход, созданный в народном хозяйстве, в промышленности, на одного трудоспособного в 1972 г. (СССР = 1,000) *

	Национальный доход на одного трудоспособного		Национальный доход, созданный в промышленности, на одного трудоспособного	
	индекс	место	индекс	место
Эстонская ССР	1,412	1	1,462	1
Латвийская ССР	1,275	2	1,379	2
Литовская ССР	1,102	3	1,125	4
РСФСР	1,079	4	1,127	3
Казахская ССР	0,966	5	0,662	8
Украинская ССР	0,943	6	1,029	5
Белорусская ССР	0,922	7	0,907	6
Грузинская ССР	0,822	8	0,617	9
Армянская ССР	0,796	9	0,735	7
Азербайджанская ССР	0,778	10	0,540	12
Киргизская ССР	0,723	11	0,578	10
Туркменская ССР	0,721	12	0,369	15
Узбекская ССР	0,718	13	0,417	13
Молдавская ССР	0,710	14	0,546	11
Таджикская ССР	0,616	15	0,360	14

* *Закумбаев А. К.* Методы оценки уровня экономического развития союзных республик и районов, с. 114.

[1] Это затрудняет точный расчет вновь созданной продукции (национального дохода), которая, как известно, получается путем вычета из всей валовой продукции объема затрат прошлого труда (в том числе амортизации основных производственных фондов) в этих отраслях народного хозяйства.

[2] Данные Л. В. Опацкого о соотношении уровней промышленного развития республик в 1962 г. как 4 : 1 недостаточно сопоставимы с приводимыми расчетами ввиду отсутствия статистики о национальном доходе республик до 1960 г. Опацкий использовал показатель валовой продукции промышленности на душу населения.

Процесс сближения экономических уровней продолжался в течение всего рассматриваемого периода, хотя в конце 70-х годов на его динамике более ощутимо, чем раньше, стала сказываться разница в темпах роста населения республик. (Среднедушевые показатели, как известно, зависят не только от абсолютного значения объема, например, национального дохода, но и от численности населения, которая имела в рассматриваемый период очень различающиеся темпы роста по республикам.)

В конце рассматриваемого периода (и особенно в 60-х годах) между республиками имелась дифференциация и в уровнях благосостояния. Это обстоятельство было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, где говорилось о необходимости **«выравнивания социальных различий, так сказать, в территориальном плане.** В разных районах нашей огромной страны культурно-бытовые условия жизни людей неодинаковы» [1].

Между уровнем развития производительных сил и жизненным уровнем существует тесная связь, основу которой составляет объем и динамика национального дохода. Действительно, национальный доход в своем натуральном выражении состоит из конкретных предметов — средств производства и предметов потребления. Поэтому абсолютное натуральное выражение, которое отражается в стоимости вновь созданного продукта, показывает и возможности, и фактический объем потребления населения. Указанная зависимость уровня жизни от развития экономики со всей определенностью подчеркивалась на XXVI съезде КПСС, который в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» наметил «на основе роста экономики и эффективности общественного производства предусмотреть дальнейшее повышение народного благосостояния во всех союзных республиках» [2]. Поскольку по стране в целом и по республикам в отдельности около $^3/_4$ вновь созданного продукта (национального дохода) идет на потребление, а $^1/_4$ часть — на расширение социалистического производства и другие общие нужды страны или республики, то размер национального дохода на душу населения по республикам в наиболее обобщенном виде

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54.

[2] Там же, с. 185.

характеризует благосостояние населения. Соотношение между наивысшим показателем национального дохода на душу населения (в Эстонии) и наименьшим показателем (в Таджикистане) в 1972 г. составило 2,6 : 1.

Несмотря на существенный в начале периода разрыв между республиками, в течение 1960—1970 гг. довольно высокими темпами происходило сближение и по национальному доходу на душу населения. Но здесь надо иметь в виду, что ряд республик, в которых наблюдались менее высокие показатели по уровню жизни на душу населения, в последнее десятилетие имели и темпы роста общего объема национального дохода, уступавшие среднесоюзным (Туркмения, Киргизия, Таджикистан). Для усиления тенденции сближения необходимо, чтобы в республиках с высоким приростом населения темпы роста национального дохода превышали среднесоюзные (табл. 2.1.2).

Таблица 2.1.2

Темпы роста национального дохода по союзным республикам *, %

	Рост по сравнению с 1960 г.		Рост по сравнению с 1970 г.	
	1965	1970	1975	1979
СССР	137	199	132	157
Армянская ССР	148	234	146	196
Азербайджанская ССР	125	166	139	184
Белорусская ССР	141	218	149	183
Грузинская ССР	137	197	131	176
Узбекская ССР	145	202	139	169
РСФСР	135	198	133	159
Молдавская ССР	162	223	127	157
Эстонская ССР	143	205	131	156
Таджикская ССР	156	214	133	154
Латвийская ССР	141	204	133	152
Киргизская ССР	150	220	126	146
Казахская ССР	131	214	122	146
Украинская ССР	140	195	125	146
Литовская ССР	152	238	131	145
Туркменская ССР	131	170	131	143

* Составлено по: Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 360; Народное хозяйство СССР в 1979 г., с. 405.

Уровень жизни выражается системой показателей, среди которых наибольшее значение имеют реальные и денежные доходы населения, заработная плата, обеспеченность жильем, медицинским обслуживанием и ряд других.

Основную часть в денежных доходах составляет *заработная плата* трудящихся. По размеру среднемесячной заработной платы (как без учета выплат и льгот из общественных фондов потребления, так и с их учетом) дифференциация между республиками значительно меньше, чем по национальному доходу на душу населения: в 1965 г. соотношение заработной платы трудящихся Туркмении (наибольший размер) и Молдавии (наименьший) составило 1,25 : 1, в 1979 г. наибольшая заработная плата в Эстонии и наименьшая в Молдавии относились как 1,4 : 1. Приблизительно такое же соотношение сохраняется и в заработной плате с учетом выплат из общественных фондов потребления.

Увеличение разрыва по среднемесячной заработной плате временное явление, которое связано с ускорением развития научно-технической революции, более быстрым повышением образования и квалификации работников в республиках с преимущественным развитием отраслей тяжелой, машиностроительной, химической промышленности, создающих основы для технического перевооружения и оснащения в будущем остальных отраслей хозяйства.

В последнее десятилетие произошли глубокие изменения в сфере распределения, показывающие успешное продвижение всех республик в социально-экономическом отношении. Эти успехи выразились в том, что «число семей рабочих, служащих и колхозников, где на человека приходится свыше 100 рублей в месяц, возросло почти в три раза. И наоборот. Число семей, где доход на человека меньше 50 рублей в месяц, сократилось примерно в такой же мере. То есть происходит не только рост, но и сближение уровней жизни всех групп трудящихся. Эта тенденция будет набирать силу...»[1]. Такая тенденция одновременно способствует сближению республик по показателям среднедушевых доходов.

Дифференциация существует и в других показателях благосостояния, таких, как жилищная обеспеченность, медицинское обслуживание, объем товарооборота, бытовых услуг и т. д. Все эти показатели подвержены определенному влиянию возрастной структуры населения.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 59.

Потребность в жилье — одна из первостепенных материальных потребностей. И в этой области социальная политика партии и государства определяет быстрый рост обеспеченности жильем и улучшение его оборудованности современными удобствами. Конституция СССР (1977 г.) законодательно закрепила право каждого гражданина на жилище (ст. 44).

Лучшему удовлетворению потребности в жилье больших социально-демографических групп (семей с детьми и молодоженов) отведено ведущее место в постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» от 22 января 1981 г. В этом постановлении предусмотрено «осуществить меры по улучшению жилищных условий семей, имеющих детей, и молодоженов, расширив их преимущества при получении государственной жилой площади, а также при индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве» [1].

Обеспеченность жилой площадью в городской местности в рассматриваемый период в республиках была неодинаковой. Наиболее высокие показатели общей жилой площади на одного городского жителя в течение всего рассматриваемого периода были в Эстонии, Латвии и Грузии. В 1979 г. среднесоюзный показатель превышали семь республик: Эстония, Латвия, Грузия, Украина, Литва, РСФСР, Белоруссия, т. е. в основном республики с наивысшими показателями экономического уровня.

Материальная обеспеченность, в частности доходы населения, отражается на покупательной способности, выраженной в показателях розничного товарооборота. Рост материального благосостояния, прежде всего денежных доходов, ведет к увеличению общего объема покупаемых товаров потребления. Причем расширение объема товарооборота идет не за счет роста цен на основные предметы потребления, поскольку в нашей стране задачей партии и правительства было и остается последовательное осуществление линии «на обеспечение **стабильности государственных розничных цен** на основные продовольственные и непродовольственные товары» [1]. Вместе с неуклонным возрастанием товарооборота изменяется соотношение между продовольственными и промышленными товарами. Чем более развиты потребление и потребности, тем выше доля непродовольственных товаров при более высоком общем объеме приобретаемых через розничную сеть товаров.

Следует учитывать и накопленное населением личное имущество (мебель, бытовые машины, другие предметы быта, одежда) в виде предметов длительного пользования. Для республик, где выше доля молодых семей, которые не имеют «задела» предметов длительного пользования, может быть характерна и более высокая доля приобретаемых непродовольственных товаров.

Немалое значение имеет и уровень цен, особенно на продукты питания, которые дешевле обходятся населе-

[1] Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1981, № 13, с. 334.

Таблица 2.1.3

Обеспеченность жильем в городской местности и врачами по республикам *

	Общая жилая площадь на одного городского жителя, м²			Приходится врачей всех специальностей на 10 000 человек населения		
	1960	1970	1979	1960	1970	1979
СССР	8,9	11,2	13,0	20,0	27,4	36,3
Эстонская ССР	11,5	14,0	16,2	23,9	33,1	40,5
Латвийская ССР	12,2	14,2	15,7	26,5	35,6	43,5
Грузинская ССР	9,9	12,4	14,4	33,0	36,2	44,8
Украинская ССР	9,7	12,2	14,0	19,9	27,6	35,4
Литовская ССР	9,4	11,7	13,7	17,3	27,4	37,9
РСФСР	8,6	11,2	13,2	20,9	29,0	39,1
Белорусская ССР	8,9	11,1	13,2	16,4	25,8	33,0
Молдавская ССР	8,4	10,4	11,8	14,3	20,5	30,3
Казахская ССР	7,9	10,0	11,7	14,0	21,8	30,8
Армянская ССР	7,8	9,9	11,0	24,0	28,7	34,4
Туркменская ССР	8,5	10,1	10,6	18,7	21,4	27,3
Киргизская ССР	7,5	9,0	10,1	15,4	20,8	27,8
Азербайджанская ССР	8,1	9,5	10,0	23,7	25,0	32,3
Таджикская ССР	7,9	9,1	9,9	12,7	15,9	23,1
Узбекская ССР	7,8	8,3	9,3	13,9	20,1	27,7

* Народное хозяйство СССР в 1972 г., с. 9, 543, 684; Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 497—498; Народное хозяйство СССР в 1979 г., с. 10—11, 418, 528.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 179.

Таблица 2.1.4

Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, на душу населения в 1979 г.*

	Товарооборот в фактических ценах, руб.	в том числе		Доля продовольственных товаров во всем товарообороте, %
		продовольственные товары	непродовольственные товары	
СССР	964	497	467	51
Эстонская ССР	1418	707	711	49
Латвийская ССР	1383	647	736	47
Литовская ССР	1131	565	566	50
РСФСР	1058	576	482	54
Белорусская ССР	970	493	477	51
Украинская ССР	886	432	454	48
Казахская ССР	827	413	414	50
Молдавская ССР	819	338	481	41
Грузинская ССР	796	361	435	45
Армянская ССР	785	387	398	49
Киргизская ССР	688	329	359	48
Туркменская ССР	674	304	370	45
Узбекская ССР	604	273	331	45
Азербайджанская ССР	567	269	298	47
Таджикская ССР	561	246	315	44

* Народное хозяйство СССР в 1979 г., с. 455.

нию в районах развитого общественного сельского хозяйства и индивидуального подсобного хозяйства. Это обстоятельство значительно отражается на товарообороте продовольственных товаров.

Несмотря на то что на товарооборот влияет целый ряд факторов, в целом дифференциация по общему товарообороту повторяет различия по экономическому уровню (табл. 2.1.4). В Эстонии общий товарооборот на душу населения самый высокий.

В республиках с высокой долей сельского населения (Молдавии, Таджикистане, Узбекистане, Туркмении) доля непродовольственных товаров превышает удельный вес продовольственных именно благодаря большой вспомогательной роли личного подсобного хозяйства. Поэтому, казалось бы, структура товарооборота с высокой долей непродовольственных товаров при более низком общем объеме товарооборота более прогрессивна, однако в данном случае она не означает более высокого и развитого потребления, как в республиках Прибалтики.

Таким образом, в 1960—1980 гг. продолжалось неуклонное сближение уровней социально-экономического развития республик. Развитие республик происходило высокими темпами. Преодоление в этот период существенных различий между республиками решалось Советским государством как важная самостоятельная проблема. К началу 80-х годов она стала выступать как подчиненная более широкой проблеме пропорционального в территориальном разрезе развития экономики всей страны для достижения наибольшей эффективности общественного производства как в стране в целом, так и в народном хозяйстве каждой республики и для обеспечения неуклонного и равномерного роста благосостояния населения во всех республиках. Однако этим не снималась задача приближения отдельных республик к уровню других республик.

Сохраняющаяся дифференциация и процесс ее выравнивания проявлялись в обеих тесно взаимосвязанных сторонах социально-экономического развития: и в уровне развития производительных сил, и в уровне материального благосостояния.

Однако в рассматриваемый период при сохранении высоких темпов (например, увеличение жилого фонда, медицинской помощи и т. п.) уровня жизни в республиках Средней Азии, Азербайджане среднедушевые показатели замедлили свои темпы роста под влиянием ускорившегося на первой стадии перехода роста численности населения этих республик. Замедление роста среднедушевых показателей материального благосостояния населения названных республик было связано с особенностями их демографического развития в эти годы, носило временный характер и не меняло принципиально общей тенденции сближения социально-экономических уровней республик.

2. СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СССР

В 60-х годах в целом страна вступила в третью стадию демографического перехода. Ее начало характеризуется дальнейшим снижением коэффициента естественного прироста и постепенной стабилизацией его на низком уровне. Так, если в 1960 г. коэффициент естественного прироста был на уровне 1,78 %, то в 1979 г. он сократился до 0,81 %, т. е. почти в 2 раза.

Одной из особенностей развития населения СССР за период 1967—1980 гг. является стабилизация темпов роста численности населения. Прирост его с 1967 по 1980 г. по стране в целом составлял 0,9 % в среднем за год и ни разу не превысил 1 % в год, что в абсолютном выражении составляло 2,2 млн. человек. Колебаний в приросте населения за этот период практически не наблюдалось, что соответствует теоретическим характеристикам завершающей стадии, когда прирост населения стойко сохраняется на низком уровне или приближается к 0.

Стабилизация темпов роста населения СССР происходит на фоне их постоянного снижения примерно у 80 % населения страны, а у 20 % населения — регулярного возрастания в 60-х годах примерно на 3—4 %, а в 70-х годах — на 2—3 % в год. В результате этого доля населения республик в общей численности населения СССР постоянно изменялась.

Одновременно с изменением соотношения республик СССР произошло снижение доли населения основных, наиболее многочисленных национальностей, что обусловлено прежде всего и дальнейшим снижением уровня смертности и существующими различиями в уровнях рождаемости. В результате этого численность, например, латышей за период между двумя переписями увеличилась на 0,6 % (самое минимальное увеличение), а численность таджиков — на 35,7 % (максимальный прирост населения из всех национальностей, проживающих на территории СССР).

Если в прошлом десятилетии по абсолютной численности населения и его удельному весу во всем населении страны Узбекская ССР занимала пятое место среди всех союзных республик, то уже по данным последней переписи 1979 г. она перешла на третье место по численности населения. Ведущим фактором роста населения, определяющим темпы роста, остается рождаемость.

Тенденции рождаемости. Региональный анализ демографических процессов имеет первостепенное значение в условиях нашей страны, где вследствие разнообразных исторических, экономических и социальных условий режимы воспроизводства населения, несмотря на общность, еще имеют существенную дифференциацию.

Рассматривая основные тенденции и закономерности снижения рождаемости в предшествующие годы по союзным республикам, можно предположить, что снижение уровня рождаемости в СССР будет продолжаться и, чтобы приостановить это снижение, нужна широкая система действенных мер, способствующих повышению уровня рождаемости в стране. Первый этап в проведении указанных мер предусматривается специальными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1981 г. по усилению государственной помощи семьям с детьми [1].

Относительная численность населения республик СССР в общей численности населения страны по данным переписей населения 1970 и 1979 гг. была следующей (%)

	на 15 января 1970 г.	на 17 января 1979 г.
СССР	100,0	100,0
РСФСР	53,8	52,4
Украинская ССР	19,6	18,9
Узбекская ССР	4,9	5,9
Казахская ССР	5,4	5,6
Белорусская ССР	3,7	3,6
Азербайджанская ССР	2,1	2,3
Грузинская ССР	1,9	1,9
Молдавская ССР	1,5	1,5
Таджикская ССР	1,2	1,4
Литовская ССР	1,3	1,3
Киргизская ССР	1,2	1,3
Армянская ССР	1,0	1,2
Туркменская ССР	0,9	1,1
Латвийская ССР	1,0	1,0
Эстонская ССР	0,5	0,6

Действительно, уровень рождаемости в настоящее время сохраняет тенденцию к снижению. И это связано не только с изменением возрастной структуры, но прежде всего с дальнейшим распространением среди большинства населения установки на малодетность. Если в прошлом десятилетии демографические процессы шли в двух направлениях: в одной группе республик происходило снижение рождаемости, а в другой — увеличение, то в настоящее время снижение рождаемости стало характерным для населения всех республик.

Темпы роста населения в нашей стране продолжают снижаться в результате дальнейшего снижения коэффициента рождаемости и увеличения коэффициента смертности. Достигнув своего минимума в 1969 г., коэффи-

[1] См.: Правда, 1981, 31 марта; Правда, 1981, 6 сент.

циент рождаемости начал постепенно увеличиваться. Подъем общего коэффициента рождаемости был вызван тем, что в возраст максимальной плодовитости вступили женщины, родившиеся в первые послевоенные годы, когда рождаемость была сравнительно высокой. Однако анализ данных, элиминированных от влияния возрастной структуры, показывает, что процесс снижения рождаемости не прекращается. Так, если в 1969—1970 гг. брутто-коэффициент воспроизводства населения составлял 1,18 рождений, то в 1977—1978 гг. он снизился до 1,17. Снижение, конечно, незначительное, но оно имеет место.

В последние годы коэффициент рождаемости снизился повсеместно и во всех республиках. Анализ повозрастных показателей рождаемости в каждой отдельной республике фиксирует стойкую тенденцию снижения рождаемости у женщин старших возрастных групп. Этот факт прежде всего свидетельствует о повсеместном распространении тенденции к ограничению числа детей в семье.

В конце 70-х — начале 80-х годов коэффициент рождаемости колеблется от 13,6 ‰ в Латвийской ССР до 37,5 ‰ в Таджикской ССР, или в пересчете на число детей, приходящееся в среднем на одну женщину, от 1,9 до 6,3. В целом для СССР этот показатель составляет 2,0, что незначительно превышает уровень рождаемости большинства европейских капиталистических стран, в которых он достиг своего минимума. Так, в ФРГ, где уровень рождаемости самый низкий в мире, коэффициент суммарной плодовитости составлял 1,5 в 1978 г., в США за тот же год — 2,47.

Брутто-коэффициент воспроизводства населения в Прибалтийских республиках не превышал единицы и по состоянию на 1978—1979 гг. составлял в среднем 0,95, что наполовину ниже того уровня, при котором происходит простое воспроизводство. Отсутствие отрицательного прироста здесь объясняется только неблагоприятными особенностями возрастной структуры, которая в значительной степени формируется за счет миграции населения. По данным переписи 1970 г. все эти республики имели положительное сальдо миграции.

Несмотря на сформировавшийся крайне низкий уровень рождаемости в данных республиках, он продолжает снижаться. Быстрыми темпами снижается уровень

Таблица 2.2.1

Динамика суммарного коэффициента рождаемости *

	1958—1959	1967—1968	1969—1970	1971—1972	1973—1974	1977—1978	1978—1979
СССР	2,810	2,394	2,389	2,469	2,412	2,299	2,284
Туркменская ССР	5,123	5,995	5,930	5,903	5,854	5,360	5,270
Таджикская ССР	3,926	5,866	5,901	6,153	6,071	6,000	5,260
Узбекская ССР	5,044	5,678	5,636	5,841	5,706	5,20	5,090
Киргизская ССР	4,320	4,666	4,846	4,968	4,807	4,600	4,400
Азербайджанская ССР	5,005	4,929	4,633	4,301	4,035	3,600	3,480
Казахская ССР	4,462	3,309	3,307	3,366	3,313	3,130	3,020
Армянская ССР	4,730	3,546	3,195	3,170	2,913	2,600	2,500
Молдавская ССР	3,573	2,726	2,563	2,630	2,587	2,400	2,380
Грузинская ССР	2,587	2,535	2,616	2,611	2,577	2,350	2,290
Литовская ССР	2,627	2,242	2,354	2,376	2,227	2,110	2,060
Белорусская ССР	2,795	2,226	2,298	2,337	2,333	2,070	2,060
Эстонская ССР	1,946	1,980	2,143	2,188	2,111	2,077	2,01
Украинская ССР	2,296	2,017	2,044	2,123	2,044	1,940	1,960
РСФСР	2,626	1,997	1,971	2,053	2,000	1,930	1,900
Латвийская ССР	1,938	1,817	1,926	2,010	1,972	1,870	1,860

* *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1978, с. 237—240; за 1977—1979 гг. рассчитано по: Вестник статистики, 1979, № 11, с. 65; 1980, № 11, с. 83.

рождаемости в Литве и Белоруссии, значительно медленнее в республиках Латвии и Эстонии. В Латвии рождаемость достигла крайне низкого уровня среди всех союзных республик, и, как показывают исследования латвийских демографов, тенденции снижения рождаемости здесь сохраняются.

Тем не менее во всех Прибалтийских республиках за межпереписной период сохранился положительный естественный прирост населения коренных национальностей за счет потенциальных возможностей возрастной структуры, и, кроме того, можно предположить, что уровень рождаемости коренного населения выше общереспубликанского, который во многом формируется за счет населения других национальностей и прежде всего русских. Так, в Латвийской ССР более 40 % населения составляют русские.

Очевидно, на массовое снижение рождаемости влияет прежде всего развитие урбанизации, для которой

в последнее время становится характерным все большая концентрация горожан в больших и сверхбольших городах. В 1979 г. в больших и сверхбольших городах было сосредоточено 55,6 % всего городского населения страны. Как показывают обследования женщин, различия уровней рождаемости в больших и малых городах имеются во всех республиках и экономических районах страны и объясняются наряду с другими причинами и временем проживания новых мигрантов в городах, и стереотипами демографического поведения прежнего места проживания. Но в конечном итоге мигранты адаптируются к образу жизни большого города, принимают его установки в отношении рождаемости. Естественно, что увеличение численности населения большого города приводит к более быстрому, чем в селах, качественному изменению его населения в связи с требованиями производства — меняется уровень образования в сторону его повышения, диктуемый изменениями характера труда и жизни, и, кроме того, большой город создает определенные трудности, связанные с рождением и воспитанием детей в семье. Различия в уровне рождаемости городского и сельского населения СССР в настоящее время достаточно велики и составляют 60 %. Брутто-коэффициент рождаемости городских женщин равен 0,9, сельских — 1,55[1]. И если селу свойственна преемственность городского образа жизни, то вряд ли уровень рождаемости городских женщин поднимется до сельского.

В настоящее время по уровню и тенденциям рождаемости республики СССР можно разделить на три группы: 1) республики с крайне низкой рождаемостью, 2) республики со средним уровнем рождаемости и 3) республики с высоким уровнем рождаемости, в три-четыре раза превышающим уровень рождаемости большинства населения Союза.

Низкий уровень рождаемости имеют республики, в которых проживает 80% всего населения страны: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Прибалтийские республики.

Вторую группу республик со средним уровнем рождаемости составляют республики, в которых брутто-коэффициент воспроизводства не превышает 2, но выше 1. К ним относятся Казахская, Грузинская, Азербайджанская, Молдавская и Армянская ССР. Данная группа республик объединяет 10,2% всего населения СССР. Брутто-коэффициент воспроизводства здесь составил в 1978—1979 гг. 1,29. Но две республики в данной группе имеют сравнительно высокие показатели воспроизводства: Казахская ССР — 1,41 и Азербайджан — 1,67. Однако и в этих республиках происходит заметное снижение рождаемости. За последние 10 лет суммарный коэффициент рождаемости сократился здесь на 14%, а за 20 лет — практически в 2 раза, хотя темп роста населения данной группы достаточно высок (за счет прошлой высокой рождаемости в общей численности населения высока доля населения репродуктивного возраста).

К третьей группе с высоким уровнем рождаемости относятся республики Средней Азии, население которых сохраняет уровень расширенного воспроизводства. Брутто-коэффициент рождаемости составляет здесь 2,46, что в 2 с лишним раза выше уровня простого воспроизводства. Доля населения данной группы республик в общей численности населения равна 9,7%.

Начиная с 1973 г. во всех Среднеазиатских республиках снижается коэффициент рождаемости, пока еще не очень высокими темпами, но есть все основания считать, что темпы эти возрастут, если судить по характеру снижения рождаемости в самой большой по численности республике Средней Азии — в Узбекистане.

Таким образом, можно констатировать, что у 80 % населения СССР уровень рождаемости не соответствует простому замещению поколений и, если бы не высокая положительная результативность миграции и высокая в прошлом рождаемость, за счет чего возрастные структуры накопили определенный потенциал роста, численность населения в этих республиках сокращалась бы. В двух республиках (Азербайджан и Казахстан), в которых также происходит снижение рождаемости, обеспечивается расширенное воспроизводство. За счет прошлой высокой рождаемости республики обладают высоким потенциалом роста.

Республики Средней Азии имеют расширенное воспроизводство, но рождаемость в них также начала снижаться. Потенциал роста населения в этих республиках составляет более 50%, и население будет увеличиваться и иметь высокий потенциал роста даже при условии со-

[1] Рассчитано по: Вестник статистики, 1980, № 11, с. 85.

Таблица 2.2.2

Повозрастные коэффициенты смертности в Украинской и Узбекской ССР в 1973—1974 гг. (умерло в данном возрасте на 1000 человек населения данной возрастной группы) *

Возраст, лет	Украинская ССР	Узбекская ССР	Разница коэффициентов в Узбекской ССР по сравнению с Украинской ССР
Все население	9,7	6,4	—3,3
в том числе в возрасте:			
0—4	5,1	13,0	+7,9
5—9	0,6	0,8	+0,2
10—14	0,5	0,6	+0,1
15—19	0,8	0,9	+0,1
20—24	1,3	1,4	+0,1
25—29	1,6	2,0	+0,4
30—34	2,4	2,7	+0,3
35—39	3,0	3,7	+0,7
40—44	4,4	4,4	0
45—49	5,9	5,6	—0,3
50—54	8,1	7,7	—0,4
55—59	11,9	11,0	—0,9
60—64	17,2	16,9	—0,3
65—69	26,9	19,1	—7,8
70 и старше	77,3	45,6	—31,7

* Народное хозяйство Украинской ССР в 1975 г. Киев, 1976, с. 15; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1974 г. Ташкент, 1975, с. 12.

бекистане были ниже, чем на Украине. Такая специфика показателей характерна в целом по Союзу для населения, проживающего в городской и сельской местности: у населения до 45 лет смертность на селе выше, чем в городе, а после 45 лет показатели по городу начинают превышать показатели по селу. Очевидно, на разницу в коэффициентах повозрастной смертности между Украинской и Узбекской ССР оказывала свое влияние более высокая доля сельского населения в Узбекистане по сравнению с Украинской ССР: в 1979 г.— 59% против 39% во всем населении [1].

Своеобразие тенденций повозрастной смертности отмечается и при рассмотрении основных причин смерти населения, особенно в трудоспособном возрасте, так как

[1] См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг., с. 16, 17.

снижение смертности в этом возрасте повышает трудовой вклад в народное хозяйство.

В настоящее время уровень смертности населения СССР, как и других экономически развитых стран, определяют следующие группы заболеваний: сердечно-сосудистые, злокачественные новообразования, несчастные случаи, отравления и травмы и болезни органов дыхания. В то же время уровень и структура смертности населения по союзным республикам различны. Так, в Таджикской и Туркменской ССР среди причин смерти болезни органов дыхания занимают второе место после сердечно-сосудистых заболеваний, а злокачественные новообразования и травмы — третье и четвертое место.

Болезни сердечно-сосудистой системы по стране в целом занимают первое место среди всех причин смерти и в 1979 г. составили 52,2% всех случаев смерти [1]. В 1960 г. смертность от болезней органов кровообращения на 100 000 населения составляла 247,3, в 1979 — 527,9 человек [2]. Рост показателей смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в значительной степени обусловлен постарением населения, и поэтому, например, смертность от сердечно-сосудистых заболеваний за 1966—1979 гг. увеличилась во всех союзных республиках. Наиболее высок удельный вес умерших от этих причин в Грузии, Молдавии, на Украине.

Успехи современной медицины, достижения онкологии, раннее активное выявление заболеваний, их более точный учет, широкое применение комплексных методов лечения — все это изменило тенденции смертности от злокачественных новообразований в сторону их снижения. И если общий коэффициент смертности от этих заболеваний увеличился с 115,5 на 100 тыс. населения в 1960 г. до 139,1 в 1979 г.[3], то это связано в основном с увеличением в населении доли лиц пожилых возрастов.

Что касается отдельных локализаций злокачественных опухолей, то интенсивность заболеваемости и смертности от них имеет определенную территориальную дифференциацию. Эти различия, возможно, связаны с особенностями питания, климата или с воздействием химических веществ. Например, в СССР наиболее высо-

[1] См.: Вестник статистики, 1980, № 11, с. 76.

[2] См.: Вестник статистики, 1969, № 2, с. 91; 1971, № 12, с. 81; 1980, № 11, с. 76.

[3] См. Вестник статистики, 1969, № 2, с. 91; 1980, № 11, с. 77.

кие показатели заболеваемости и смертности от опухолей пищевода наблюдались в начале 70-х годов в Узбекской, Казахской, Туркменской ССР; от опухолей трахеи, бронхов и легкого — в РСФСР и Эстонской ССР; от опухолей молочной железы — в Латвийской и Эстонской ССР и т. д.[1].

Существенное влияние на общий коэффициент смертности оказывают несчастные случаи, отравления и травмы. По данным Ю. К. Круминьша [2], средняя продолжительность жизни умерших от несчастных случаев, связанных с транспортом, в Латвийской ССР равнялась 42,5 года у мужчин и 49,7 года — у женщин. Это составляет только 65—67% общей средней продолжительности жизни населения. Большая разница в вероятности смерти от травм и несчастных случаев среди мужчин и женщин способствует все большему разрыву между величинами средней продолжительности жизни населения обоих полов. Расчет, проведенный Ю. К. Круминьшем для населения Латвийской ССР, показывает, что при условии однородности структуры умерших по причинам смерти средняя продолжительность жизни мужчин увеличилась бы более чем на 5 лет и достигла 70,6 года.

Следует отметить, что по стране в целом смертность от несчастных случаев, отравлений и травм была выше в сельской местности, чем в городах. Это связано с тем, что в сельской местности происходил интенсивный и ускоренный процесс автомобилизации и моторизации; в сельскохозяйственное производство внедрялась новейшая техника, сельская местность по образу жизни урбанизировалась. «Все это осуществляется быстрыми темпами, и внедрению техники в сельскую местность, по-видимому, еще не успели (так, как это сделано в городах) противопоставить технику безопасности, адаптироваться к повышенному ритму и темпу, которые решительно проникают в жизнь, быт и труд» [3]. К этому нужно добавить, что в сельской местности пока еще

[1] См.: Злокачественные новообразования. М., 1974, с. 14.

[2] См.: *Круминьш Ю. К.* Смертность от несчастных случаев, связанных с транспортом, и средняя продолжительность жизни мужчин и женщин. — В кн.: Актуальные вопросы травматологии и ортопедии. Рига, 1974, с. 23.

[3] *Бедный М. С.* Продолжительность жизни в городах и селах. М., 1976, с. 49.

ниже уровень организации медицинской помощи, в том числе скорой и реанимационной, которые играют большую роль при оказании неотложной помощи при несчастных случаях, отравлениях, травмах.

В период между переписями 1959 и 1970 гг. произошли определенные изменения и в динамике средней продолжительности жизни. В целом по СССР средняя продолжительность жизни мужчин оставалась практически без изменений (64,42 года в 1958—1959 гг. и 64, 56 года в 1968—1971 гг.). У женщин увеличение составило 1,85 года (с 71,68 до 73,53 года) [1]. У женщин, достигших 15-летнего возраста, предстоящая продолжительность жизни осталась без изменений, а у мужчин снизилась с 54,13 до 52,45 года. Уменьшились также показатели у достигших 60-летнего возраста: у мужчин — с 17,02 до 15,96 года, у женщин — с 20,64 до 20,02 года. Эти данные свидетельствуют о том, что прирост средней продолжительности жизни за 1959—1970 гг. произошел вследствие снижения смертности в детских возрастах и прежде всего в возрасте до одного года. У мужчин этот прирост едва компенсировал некоторый рост смертности в средних и пожилых возрастах.

По союзным республикам отмечались неодинаковые изменения в средней продолжительности жизни населения. Эти колебания в 1969—1970 гг. весьма существенны: у городских мужчин в пределах от 69,5 года в Армянской ССР до 61,6 года в Туркменской ССР. Соответственно у городских женщин от 75,7 года в Литовской ССР до 69,3 года в Казахской ССР [2]. Такая широкая дифференциация средней продолжительности жизни по союзным республикам свидетельствует о влиянии социально-экономических, географических, производственных факторов и уровня обеспеченности населения медицинской помощью. Уровень общей и санитарной культуры населения также сказывается на показателях заболеваемости и смертности. В целом по СССР складывается единый тип смертности, характеризующийся высокой средней продолжительностью жизни (около 70 лет).

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года (сводный том). М., 1962, с. 260; Вестник статистики, 1974, № 2, с. 95.

[2] См.: Вопросы экономического роста СССР. М., 1976, с. 77.

Сформировавшиеся тенденции рождаемости и смертности в СССР типичны для большинства развитых стран, завершивших свой демографический переход и находящихся в его конечной стадии — стадии стабилизации или нулевого прироста населения. Однако в отличие от них в нашей стране демографический переход окончательно не завершен. О степени завершенности и стадийности демографического перехода можно судить по величине показателя, предложенного американским демографом Д. Богу [1]. Считая, что в течение всего демографического перехода специальный коэффициент рождаемости женщин в возрасте от 15 до 49 лет уменьшается с 235 до 60‰, а значение коэффициента суммарной рождаемости ΣF_x — с 7,5 до 2,2, Д. Богу определил показатель завершенности перехода как: $q = 0{,}5\,\frac{235 - F_x}{175} + \frac{7{,}5 - \Sigma F_x}{5{,}3}$, т. е. границы колебаний этой величины. Чем ближе величина этого показателя к 100, тем ближе к завершению демографический переход.

Коэффициент Д. Богу исходит из весьма высокого уровня рождаемости в предшествующий демографическому переходу период традиционного воспроизводства. Поэтому абсолютное значение этого коэффициента условно, во всяком случае для классического типа демографического перехода. Однако его можно использовать для сравнения интенсивности и завершенности демографического перехода по республикам.

Если измерять завершенность демографического перехода коэффициентами Д. Богу, то началу второй стадии быстрого перехода будет соответствовать значение коэффициента в 50—60 %.

Рассчитанные нами коэффициенты Д. Богу для СССР и союзных республик к 1976—1977 гг. показывают, что в целом для СССР демографический переход еще не завершен, но в республиках, в которых проживает большинство населения страны, он уже закончился.

По низкому значению коэффициента Д. Богу выделяется группа республик Средней Азии. Эти республики только вступили в этап снижения рождаемости, хотя стадия перехода в них к новому типу воспроизводства в виде быстрого снижения смертности завершилась к

[1] *Bogue D.* Principles of Demography. N. Y., 1969, p. 117.

	Год	Коэффициент Д. Богу, %
СССР	1938/39	56,24
СССР	1964/65	93,73
СССР	1976/77	95,60
РСФСР	—»—	100,0
Украинская ССР	—»—	100,0
Белорусская ССР	—»—	100,0
Эстонская ССР	—»—	100,0
Латвийская ССР	—»—	100,0
Литовская ССР	—»—	100,0
Грузинская ССР	—»—	95,20
Молдавская ССР	—»—	93,10
Армянская ССР	—»—	88,50
Казахская ССР	—»—	81,00
Азербайджанская ССР	—»—	73,40
Киргизская ССР	—»—	56,70
Узбекская ССР	—»—	42,90
Туркменская ССР	—»—	40,80
Таджикская ССР	—»—	31,60

концу 60-х годов. Интенсивное снижение смертности в этих республиках происходило в 30—40-х годах и затем было несколько замедлено войной. Если основываться на гипотезе быстрого демографического перехода, то можно примерно оценить начало интенсивного снижения рождаемости в республиках Средней Азии — к 1985—1990 гг.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что в настоящее время, когда население Советского Союза в своем большинстве находится на третьей стадии демографического перехода, но не завершает ее, демографическая ситуация характеризуется повышением уровня смертности и дальнейшим снижением уровня рождаемости, причем это снижение характерно для большей части населения страны. Предположение, что снижение рождаемости будет происходить в будущем, подтверждается тем более, что в стране продолжается высокими темпами процесс урбанизации. О правомерности наших предположений говорит незавершенность основных процессов, касающихся непосредственно развития населения (табл. 2.2.3).

В таблице приводятся показатели, которые наиболее наглядно дают представление о демографическом переходе как следствии социально-экономического развития. Каждая последующая стадия демографического перехода характеризуется снижением рождаемости, поста-

Таблица 2.2.3

Социально-экономическое и демографическое развитие СССР в 1970—1972 гг.

Республики по стадиям демографического перехода	Индекс индустриального развития в 1972 г.*	Уровень урбанизации в 1972 г., %**	Доля в населении лиц старшего возраста (старше 60 лет) в 1970 г., %***	Ожидаемое число детей у замужних женщин, вступивших в брак в 1970—1972 гг., человек****	Коэффициент интенсивности миграции в 1970 г.*****
I стадия					
Узбекская ССР	0,417	37	8,7	4,58	—7,0
Киргизская ССР	0,578	38	8,9	3,36	—5,0
Таджикская ССР	0,370	38	7,5	3,77	—6,5
Туркменская ССР	0,369	48	7,1	3,62	—5,2
					$\bar{x}$ = —5,9
II стадия					
Армянская ССР	0,735	61	8,3	3,23	2,3
Азербайджанская ССР	0,540	51	8,0	3,06	—5,6
Казахская ССР	0,662	52	8,2	2,40	—1,7
					$\bar{x}$ = —1,7
Литовская ССР	1,125	53	15,0	1,90	0,8
Грузинская ССР	0,617	48	11,8	2,71	—7,7
Молдавская ССР	0,546	33	9,7	1,90	—2,7
					$\bar{x}$ = —3,2
III стадия					
Эстонская ССР	1,462	66	16,8	1,88	11,5
РСФСР	1,127	64	11,8	1,70	1,3
Латвийская ССР	1,379	64	17,3	1,61	6,0
Украинская ССР	1,029	56	13,9	1,76	0,8
Белорусская ССР	0,907	46	13,1	1,96	0,3
					$\bar{x}$ = 4,0

* *Закумбаев А. К.* Методы оценки уровня экономического развития союзных республик и районов. с. 112.

** Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг., с. 13—18.

*** Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1970 года. М., 1972, т. II, с. 13—250.

**** Сколько будет детей в советской семье. М., 1977, с. 102.

***** Рассчитано по: Итоги переписи населения СССР 1970 года, т. I, IV.

Примечание. Использование для данной схемы показателей за 1970—1972 гг. определено наличием статистических материалов по республикам о возрастной структуре населения, ожидаемому числу детей и миграции.

рением населения, повышением его индивидуальной миграционной подвижности. Эта схема дает представление о тенденциях изменения воспроизводства населения и миграционной подвижности в ближайшем будущем (в 80—90-х годах).

Региональный анализ особенностей исторического развития районов и республик Советского Союза дал возможность дифференцировать их по характеру развития населения на три типа, соответствующих трем стадиям демографического перехода.

К первому типу, т. е. находящиеся на первой стадии демографического перехода, относятся республики Средней Азии — Узбекская, Киргизская, Таджикская, Туркменская, характеризующиеся интенсивным ростом населения (коэффициент прироста колеблется в пределах 3—4%), молодой структурой населения, низким удельным весом городского населения, низким уровнем миграционной подвижности коренного населения, как сельского, так и городского. Объем миграционного оборота определяет приток населения из других союзных республик и экономических районов.

Второй тип можно подразделить на две группы в зависимости от степени завершенности второй стадии. К первой группе относится население трех союзных республик — Армянская, Азербайджанская и Казахская ССР. Прирост населения в этих республиках постепенно снижается до 1,5% в год, в возрастной структуре сокращается доля молодежи. В республиках возрастают темпы роста городского населения за счет его перераспределения из сельской местности.

Ко второй группе относятся республики, завершающие вторую стадию демографического перехода. Это Литовская, Грузинская и Молдавская ССР. Темп роста населения в республиках не превышает одного процента в год. В возрастной структуре населения данной группы республик насчитывается высокий процент пожилых и старых людей. Большая часть населения здесь проживает в городах, исключение составляет Молдавская ССР, в которой за счет создания аграрных комплексов численность населения, проживающего в городах, сократилась. В республиках увеличивается интенсивность миграции не только сельского, но и городского населения. В целом миграция здесь характеризуется особенностями социально-экономического развития и

приобретает черты, характерные для населения, завершившего свой демографический переход.

На третьей стадии демографического перехода находится большая часть населения Советского Союза: Эстонской ССР, РСФСР, Латвийской ССР, Украинской и Белорусской ССР. Население этих республик характеризуется крайне низким темпом роста — коэффициент роста не превышает 0,4% в год, а в некоторых районах УССР и РСФСР сформировался отрицательный коэффициент роста. В возрастной структуре населения данной группы республик крайне высок удельный вес пожилых и старых людей. В республиках особенно высоки темпы роста городского населения и уровень его концентрации в больших городах. В формировании населения и трудовых ресурсов особенно четко проявляется роль миграции как их источника. Коэффициент интенсивности и сальдо миграции населения этих республик высоки, особенно в Эстонской и Латвийской ССР.

Таким образом, переход от одной группы республик к другой в соответствии со стадиями демографического перехода сопровождается снижением темпов роста населения и увеличением его миграционной подвижности, что является следствием существующих социально-экономических различий пространств. Скорость завершения и перехода республик в последующую стадию будет во многом определяться дальнейшими социально-экономическими преобразованиями, направленными на сближение и ликвидацию различий в уровне жизни населения.

3. АНАЛИЗ СТРУКТУР РОДИВШИХСЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ УРОВНЯ ДЕТНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

Снижение интенсивности рождаемости, наблюдаемое на большей части территории нашей страны, вызвано массовым переходом к малодетной семье. Сознательное ограничение числа детей (рождений) обусловлено целым рядом социально-экономических условий и факторов. Их действие на репродуктивное поведение семей имеет свою региональную специфику, определяемую помимо социально-экономических и культурно-бытовыми факторами рождаемости. Все это приводит к значительной дифференциации режимов рождаемости и семейных структур населения республик, находящихся на разных стадиях демографического развития.

В отечественной литературе еще не получили должного развития демографический анализ динамики семейной структуры и ее связь с режимом рождаемости, что существенно затрудняет региональный демографический анализ и прогноз, а также разработку региональных мер демографической политики. Во многом это объясняется недостаточной информацией по статистике семьи. Текущий статистический учет не позволяет прослеживать динамику семейной структуры из года в год. Семейная структура населения исчисляется только по данным переписи (или социологических и демографических обследований), причем «перепись населения, фиксируя число детей, проживающих в семье . . .дает только некоторый моментальный «снимок» структуры семьи, не раскрывая процесса ее формирования» [1].

В то же время существует достаточно полная текущая статистика рождений, которая дает структуру новорожденных по порядку рождения (очередности рождения у матери) в целом по стране и по всем союзным республикам. Однако анализ погодовых чисел родившихся в демографических исследованиях последних лет, как правило, не идет дальше констатации того факта, что доля третьих и следующих по порядку рождения детей в общем числе новорожденных неуклонно снижается, а доля первенцев растет.

Проведенный детальный анализ структур новорожденных с 1960 по 1977 г. позволил обнаружить некоторые закономерности их динамики в республиках с разным уровнем рождаемости. Одновременно была сделана попытка рассчитать показатели, изменение которых помогло бы оценить направление и масштабы динамики уровня детности.

Неоднозначность употребления термина «детность» в отечественной демографической литературе вынуждает нас кратко осветить основные определения и способы расчета показателей детности.

Так, в учебнике «Демографическая статистика» А. Я. Боярского и П. П. Шушерина под детностью понимается среднее число детей, рождаемых жен-

[1] Демографические проблемы семьи. М., 1978, с. 64.

щиной при прохождении ею всего интервала от 15 до 50 лет [1].

Почти совпадают подходы к определению детности у Г. А. Бондарской и Г. П. Киселевой. Они измеряют детность отношением числа детей в возрасте 0—9 лет к числу женщин в возрасте 20—49 лет, только Г. А. Бондарская приводит показатели, рассчитанные на 100, а Г. П. Киселева — на 1000 женщин [2].

Э. К. Васильева и В. И. Лукина называют детностью число детей в семье, включая как живущих совместно с родителями, так и отделившихся [3].

Анализируя состав семей по данным переписи 1970 г., А. Г. Волков и И. А. Герасимова отождествляют детность с числом детей в семье в момент переписи, подчеркивая, что «в отличие от традиционного демографического смысла понятий «дети», «дети, рожденные женщиной» или «живые дети из числа рожденных» или от характеристики возраста (обычно дети — лица, не достигшие совершеннолетия) в переписи это особая категория семейного состояния, обозначающая позицию члена семьи в структуре семьи того или иного типа» [4].

Так, при разработке материалов переписи 1970 г. не состоящие в браке братья и сестры кого-либо из супругов, даже если они были несовершеннолетними, считались «прочими родственниками», при этом лица, не состоящие в браке и живущие с одним или обоими родителями, считались детьми независимо от возраста [5].

По нашему мнению, показателями детности, видимо, следует считать такие, которые характеризуют число детей в семье до определенного возраста (например, до 15 лет), а также распределение семей по числу детей. Поскольку число детей при низкой детской смертности и, как правило, непродолжительном (менее 15 лет) интервале между рождениями первого и последнего ребенка почти совпадает с порядковым рождением последнего ребенка, то структура родившихся по очередности рождения у матери в определенной степени может быть характеристикой уровня детности.

[1] См.: *Боярский А. Я., Шушерин П. П.* Демографическая статистика. М., 1951, с. 276.

[2] См.: *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР, с. 49; *Киселева Г. П.* Нужно ли повышать рождаемость? М., 1979, с. 38.

[3] См.: *Васильева Э. К., Лукина В. И.* О методических предпосылках разработки вопросов управления демографическими процессами. Доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения..., Минск, 1979, с. 4.

[4] Демографические проблемы семьи, с. 64. См. также: *Волков А.* Изменение величины и состава семей в СССР. — В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976, с. 30.

[5] См.: Демографические проблемы семьи, с. 64.

Показатель, который мы условно назвали структурным коэффициентом детности (СКД), уже достаточно давно используется демографами в ряде стран, особенно в Венгрии и Англии. Он является одним из синтетических показателей, дополняющих анализ рождаемости и уровня детности. Его синтетический характер делает его удобным для исследования региональных различий рождаемости.

СКД представляет собой средний порядковый номер новорожденного в регионе i в году t.

Алгоритм проделанных расчетов таков:

а) исчисляются доли новорожденных очередностей рождения по следующим пяти группам: первые дети, вторые, третьи, четвертые, пятые и последующие (вместе);

б) порядковые номера первых четырех групп умножаем на их доли в общем числе рождений, доля пятой группы умножается не на 5, а на 6 [1];

в) результаты суммируем:

$$n^i(t) = \sum_{k=1}^{4} k x_k^i(t) + 6\left(1 - \sum_{k=1}^{4} x_k^i\right),$$

где n^i — СКД:

k — порядковый номер группы новорожденных (очередность рождения), $k = 1, 2, 3, 4$;

x_k^i — доля новорожденных очередности k.

В таблице 2. 3. 1 приведены расчеты СКД для СССР в целом и для союзных республик. Анализ распределений родившихся по порядку рождения показал, что до 1965 г. во всех Среднеазиатских и Закавказских республиках, а также в Казахстане и Молдавии структура новорожденных менялась за счет некоторого увеличения

[1] Дополнительные расчеты показали, что средняя очередность рождения для пятых и последующих рождений чуть больше 6. Аналогичное допущение было использовано Волковым А. Г. и Герасимовой И. А. при расчете среднего числа детей на 100 семей. Авторы предположили, что в семьях с 5 и более детьми в среднем по 6 детей (см.: Демографические проблемы семьи, с 65).

Таблица 2.3.1

Динамика структурного коэффициента детности

	1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1977 к 1965	1977 к 1970	Снижение СКД за 1970—1977 гг., %
СССР	2,41	2,59	2,40	2,35	2,30	2,27	2,23	2,20	2,17	2,16	83,3	90,0	10,0
Таджикская ССР	3,59	4,01	3,98	3,98	3,93	3,88	3,76	3,70	3,64	3,57	89,0	89,7	10,3
Туркменская ССР	3,51	4,05	3,80	3,85	3,74	3,69	3,50	3,55	3,49	3,56	87,0	93,7	6,3
Киргизская ССР	3,24	3,85	3,59	3,54	3,48	3,43	3,35	3,32	3,30	3,30	85,7	91,9	8,1
Узбекская ССР	3,46	3,99	3,84	3,78	3,72	3,62	3,52	3,45	3,39	3,29	82,5	85,7	14,3
Азербайджанская ССР	3,33	3,86	3,82	3,72	3,66	3,59	3,42	3,27	3,16	3,06	79,3	80,1	19,9
Казахская ССР	2,89	3,20	3,13	3,08	3,00	2,95	2,88	2,80	2,74	2,69	84,1	85,9	14,1
Армянская ССР	3,02	3,12	2,81	2,70	2,67	2,54	2,43	2,34	2,31	2,21	70,8	78,6	21,4
Молдавская ССР	2,91	2,93	2,54	2,41	2,31	2,25	2,15	2,12	2,07	2,05	69,9	80,7	19,3
Литовская ССР	2,22	2,14	1,97	1,96	1,96	1,94	1,93	1,91	1,90	1,89	88,3	95,9	4,1
Грузинская ССР	2,42	2,47	2,32	2,20	2,13	2,08	1,97	1,95	1,90	1,80	72,9	77,6	22,4
Белорусская ССР	2,26	2,23	2,04	1,99	1,95	1,91	1,87	1,85	1,80	1,78	79,8	87,2	12,8
Эстонская ССР	1,85	1,81	1,77	1,78	1,77	1,78	1,76	1,77	1,77	1,76	97,2	99,4	0,6
Латвийская ССР	1,79	1,78	1,74	1,74	1,75	1,75	1,77	1,82	1,74	1,74	97,7	100,0	—
Украинская ССР	1,92	1,92	1,78	1,77	1,73	1,72	1,73	1,73	1,71	1,72	89,6	96,6	3,4
РСФСР	2,24	2,23	1,94	1,88	1,85	1,82	1,79	1,76	1,74	1,71	76,7	88,1	11,9
Городское население СССР	1,97	1,98	1,81	1,76	1,76	1,76	1,74	1,73	1,73	1,72	87,6	95,0	5,0
Сельское население СССР	2,64	3,12	3,08	3,02	2,97	2,92	2,87	2,83	2,80	2,72	87,2	88,3	11,7

доли детей высоких очередностей рождений, что обусловило рост СКД в этих республиках и в целом по СССР. Примерно с 1965 г. во всех республиках наблюдается снижение СКД за счет увеличения доли детей первых очередностей в общем числе родившихся.

В 1965 г. только три республики — Латвия, Эстония и Украина имели СКД меньше 2, пять республик — Литва, Белоруссия, РСФСР, Грузия и Молдавия имели СКД в интервале 2—3, в республиках Средней Азии и Закавказья (кроме Грузии) СКД был более 3, а в Таджикистане и Туркмении — выше 4.

К 1970 г. в группу республик с низкой рождаемостью, т. е. с преобладанием в структуре родившихся рождений первых и вторых детей, вошли РСФСР и Литва — СКД стал меньше 2. Существенно изменилась за 1965—1970 гг. структура рождений в Молдавии и Армении, причем Армения переместилась в группу республик со средней рождаемостью — с СКД от 2 до 3. Темпы изменения структуры родившихся за рассматриваемый период были неодинаковы. Так, быстрее всего снижался в 1965—1970 гг. СКД в Молдавии, РСФСР и Армении (на 10 и более процентов), медленнее всего — в Таджикистане и Азербайджане (менее чем на 2 %).

В 1970—1977 гг. наибольшие темпы снижения СКД были в республиках Закавказья: в Грузии — 22,4 %, Армении — 21,4 %, Азербайджане — 19,9 %, а также в Молдавии — 19,3 %. Практически не менялась структура родившихся в Латвии и Эстонии; менее чем на 5 % снизился СКД на Украине и в Литве.

Группировка республик по величине СКД в разные годы позволяет выделить регионы с низким, средним и

Таблица 2.3.2

Группировка республик по величине СКД

Годы	Уровни детности			
	низкий СКД < 2	средний 2 < СКД < 3	высокий 3 < СКД > 4	очень высокий СКД > 4
1960	Латвия Эстония Украина	Литва РСФСР Белоруссия Грузия Казахстан Молдавия	Армения Киргизия Азербайджан Узбекистан Туркмения Таджикистан	
1965	Латвия Эстония	Литва РСФСР	Армения Казахстан	Таджикистан Туркмения

Продолжение

Годы	Уровни детности			
	низкий СКД<2	средний 2<СКД<3	высокий 3<СКД>4	очень высокий СКД>4
	Украина	Белоруссия	Киргизия	
		Грузия	Азербайджан	
		Молдавия	Узбекистан	
1970	Латвия	Белоруссия	Казахстан	
	Украина	Грузия	Киргизия	
	Эстония	Молдавия	Туркмения	
	РСФСР	Армения	Азербайджан	
	Литва		Узбекистан	
			Таджикистан	
1977	РСФСР	Молдавия	Азербайджан	
	Украина	Армения	Узбекистан	
	Латвия	Казахстан	Киргизия	
	Эстония		Туркмения	
	Белоруссия		Таджикистан	
	Грузия			
	Литва			

высоким уровнем детности семей, в которых в эти годы происходили рождения детей (табл. 2.3.2).

Данные таблицы 2.3.2 показывают постепенный переход части союзных республик от высокого уровня детности к среднему и от среднего к низкому.

Анализ структур родившихся и динамики СКД позволил подтвердить следующие закономерности:

1. *Сближение структур новорожденных в союзных республиках.* Проиллюстрируем это следующими данными (табл. 2.3.3).

2. *Рост доли первенцев и вторых детей во всех без исключения республиках и в целом по СССР.* Максимальный абсолютный прирост доли первенцев наблюдался за период с 1965 по 1977 г. в Молдавии (с 28,4 до 45,4 %), в Грузии (с 31,5 до 47,7 %) и в Армении (с 22,1 до 38,1 %), т. е. в тех республиках, где снижение СКД было наибольшим (табл. 2.3.1). Минимальному приросту доли первых детей (Латвия — с 51,1 до 51,7 %; Эстония — с 48,6 до 49,3 %) соответствовали и минимальные сокращения СКД. Увеличение доли вторых детей было наибольшим в республиках со средним и высоким уровнем детности, наименьшим — в республиках с СКД меньше 2. В среднем по СССР доля первых детей увеличилась с 34,3 % в 1965 г. до 45,4 % в 1977 г., а вторых — с 27,4 до 30,0 %. Соответственно увеличи-

Таблица 2.3.3

Изменение показателей, характеризующих структуры новорожденных за период 1965—1977 гг.

Доля детей	Годы	Максимум	Республика	Минимум	Республика	Разница в пунктах
Доля 1-х	1965	51,1	Латвия	11,8	Таджикистан	39,3
	1977	53,8	РСФСР	20,8	Туркмения	33,0
Доля 2-х	1965	34,9	Украина	12,8	Таджикистан	22,1
	1977	35,9	Эстония	17,8	Таджикистан	18,1
Доля 3-х	1965	20,1	Армения	9,4	Латвия	10,7
	1977	16,7	Армения	7,4	РСФСР	9,3
Доля 4-х	1965	17,8	Таджикистан	3,5	Латвия	14,3
	1977	11,0	Туркмения	2,6	Украина, РСФСР	8,4
Доля 5-х	1965	42,7	Туркмения	3,1	Латвия	39,6
	1977	36,4	Таджикистан	1,7	Грузия	34,7
Доли 1-х и 2-х	1965	84,0	Латвия	24,6	Таджикистан	59,4
	1977	86,5	РСФСР, Украина	39,4	Туркмения	47,1
Доли 1, 2 3, 4-х	1965	96,9	Латвия	57,3	Туркмения	39,6
	1977	98,3	Грузия	63,6	Таджикистан	34,7
СКД	1965	4,05	Туркмения	1,78	Латвия	2,27
	1977	3,57	Таджикистан	1,71	РСФСР	1,86

лась и доля первых двух детей в общем числе рождений, что свидетельствует о распространении малодетности, а также о том, что формирование большинства семей заканчивается рождением первого или второго ребенка.

3. *Снижение долей третьих, четвертых и пятых детей.* По сравнению с 1965 г. эти доли снизились во всех республиках, однако характер изменения структур родившихся в регионах с низкой и высокой детностью имел некоторые отличия. Так, во всех республиках, у которых к 1977 г. СКД был менее 2, снижение долей третьих и последующих рождений наблюдается непосредственно с 1965 г., причем в Эстонии и Латвии соотношение между родившимися по порядку рождения в последние годы почти не менялось. В республиках с высокой детностью доля третьих детей снижалась примерно до 1970 г. (в Азербайджане до 1972 г.), а затем начала расти, т. е. изменение было U-образным. Аналогично менялась доля четвертых детей с той разницей, что рост ее начался с 1972 г. (в Таджикистане с 1973 г.). Изменение доли

пятых детей в республиках Средней Азии, Азербайджане и Казахстане описывается сходной кривой, только выпуклой вверх.

Максимальная величина долей пятых и последующих рождений наблюдалась в этих республиках в конце 60-х — начале 70-х годов, а затем началось ее снижение. Это говорит о постепенном переходе от многодетной к среднедетной семье даже регионов с традиционно высоким уровнем детности.

4. *Более высокий уровень детности сельского населения по сравнению с городским.* В сельском населении всех союзных республик доли первых и вторых детей в структуре родившихся были ниже, а третьих, четвертых, пятых и последующих — соответственно выше, чем в городском населении. Однако в 1977 г. по сравнению с 1965 г. происходит некоторое сближение показателей структур родившихся в городской и сельской местности (табл. 2. 3. 4).

Таблица 2.3.4

Сближение показателей, характеризующих структуры родившихся в городском и сельском населении СССР (1965—1977 гг.)

Годы	Разность долей детей разных очередностей рождения, пунктов					Разность СКД
	1-х	2-х	3-х	4-х	5-х и следующих	
1965	24,2	8,1	7,7	8,0	16,6	1,14
1977	19,9	7,3	6,2	5,4	15,7	0,94

5. *Абсолютное сокращение показателей СКД по всем республикам.* Снижение СКД свидетельствует о структурных сдвигах в распределении родившихся по порядку рождения у матери в пользу детей первых очередностей рождения. Экстраполяция тенденций динамики СКД позволяет сделать вывод о том, что в самое ближайшее время Азербайджан перейдет в группу республик со средним уровнем детности, Молдавия, а затем и Армения — в группу с СКД меньше 2 [1].

[1] Последние данные подтвердили эту гипотезу: уже в 1978 г. СКД в Азербайджане стал меньше 3 (2,88), в Молдавии — меньше 2 (1,96), а в Армении снизился до 2,17.

Анализ таблиц и графиков изменения СКД показал, что в Прибалтике, РСФСР, Белоруссии и на Украине структура новорожденных в последние годы воспроизводится на уровне, близком к стабильному низкому с СКД в пределах 1,7 — 1,9. Можно предположить при известной инертности демографических процессов, что такая структура сохранится и в следующей пятилетке. Низкий уровень СКД свидетельствует об устойчивости идеала малодетной семьи и сохранении стабильных пропорций между малодетными, среднедетными и многодетными семьями.

Сопоставление СКД для 1969 г. с данными обследования мнений о величине семьи [1] показало, что в республиках с низкой рождаемостью, где СКД был менее 2,0, среднее ожидаемое число детей не превышало 2,3, а в республиках с высокой рождаемостью, где СКД был выше 3,7, среднее ожидаемое число детей было больше 3,7.

Группировка республик по уровню рождаемости и детности в три региона показывает связь СКД с показателями режима рождаемости (табл. 2.3.5).

Практически по всем республикам показатели режима рождаемости согласуются с СКД, за исключением Узбекистана и Грузии, где они несколько завышают уровень детности, и Латвии, где они ниже уровня СКД. Это свидетельствует о том, что СКД является достаточно точной характеристикой режима рождаемости и может использоваться наряду с другими, традиционными показателями.

Однако СКД имеет, на наш взгляд, и определенные преимущества, проявляющиеся особенно при анализе рождаемости в динамике (табл. 2.3.6).

Так, общий коэффициент рождаемости, минимальная величина которого была зафиксирована в 1969 г. (17,0 ‰), в последние годы вырос до 18 ‰ и более, что скрывает реальное снижение интенсивности деторождения. Специальный коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет) и суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, которое родит женщина за всю жизнь при постоянстве повозрастных коэффициентов рождаемости дан-

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 103.

Таблица 2.3.5

Районирование республик по величине СКД и показателей режима рождаемости в 1977 г.

	СКД	Общий коэффициент рождаемости, ‰	Коэффициент суммарной рождаемости
СССР	2,16	18,1	2,4
Высокий уровень рождаемости и детности	выше 3,0	выше 25,0	выше 3,5
Таджикская ССР	3,57	36,5	6,2
Туркменская ССР	3,56	34,2	5,7
Киргизская ССР	3,30	30,2	4,8
Узбекская ССР	3,29	33,7	5,5
Азербайджанская ССР	3,06	25,2	3,8
Средний уровень рождаемости и детности	2,0—3,0	20,0—25,0	2,5—3,5
Казахская ССР	2,69	23,9	3,2
Армянская ССР	2,21	22,5	2,7
Молдавская ССР	2,05	20,3	2,5
Низкий уровень рождаемости и детности	ниже 2,0	ниже 20,0	ниже 2,5
Литовская ССР	1,89	15,5	2,2
Грузинская ССР	1,80	17,8	2,5
Белорусская ССР	1,78	14,7	2,1
Эстонская ССР	1,76	15,1	2,1
Латвийская ССР	1,74	13,6	1,9
Украинская ССР	1,72	14,7	2,0
РСФСР	1,71	15,8	1,9

Таблица 2.3.6

Динамика СКД и показателей режима рождаемости в СССР (1960—1978 гг.)

Показатель	1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978
СКД	2,41	2,59	2,40	2,35	2,30	2,27	2,23	2,20	2,17	2,16	2,10
Общий коэффициент рождаемости	24,9	18,4	17,4	17,8	17,8	17,6	18,0	18,1	18,4	18,1	18,2
Специальный коэффициент рождаемости	90,6	70,8	66,9	67,2	66,4	66,8	67,8	68,5	67,8	68,7	68,8
Коэффициент суммарной рождаемости	2,46	2,44	2,47	2,43	2,41	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4	2,3

ного года) после 1965 г. изменились незначительно. Эти показатели менее подвержены влиянию структурных изменений в населении, однако они также несколько искажают фактическую динамику уровня детности, так как скрывают такой существенный фактор, как изменение календаря рождений и омоложение материнства. Не возраст матери, а наличие уже рожденных детей — вот что определяет репродуктивное поведение в первую очередь. Непрерывное снижение СКД свидетельствует о дальнейшем распространении малодетности и соответствующих сдвигах в семейной структуре населения.

Одним из наиболее общих показателей, характеризующих семейную структуру населения, является средняя величина семьи, рассчитываемая по данным переписей населения. За последние 20 лет средняя величина семьи как по СССР в целом, так и по союзным республикам, за исключением республик Средней Азии, сократилась (табл. 2.3.7).

Таблица 2.3.7

Изменение средней величины семьи по союзным республикам в сопоставлении с изменением СКД

	Средняя величина семьи по данным переписей населения			Сопоставление рангов средней величины семьи и СКД (в ближайшие к переписи годы)					
	1959	1970	1979	перепись 1959	СКД 1960	перепись 1970	СКД 1970	перепись 1979	СКД 1979
СССР	3,7	3,7	3,5						
Таджикская ССР	4,7	5,4	5,7	2	1	1	1	1	1
Туркменская ССР	4,5	5,2	5,5	4—5	2	3	4	2—3	2
Узбекская ССР	4,6	5,3	5,5	3	3	2	2	2—3	3
Азербайджанская ССР	4,5	5,1	5,1	4—5	4	4	3	4	5
Армянская ССР	4,8	5,0	4,7	1	6	5	7	5	7
Киргизская ССР	4,2	4,6	4,6	6	5	6	5	6	4
Казахская ССР	4,1	4,3	4,1	7	8	7	6	7	6
Грузинская ССР	4,0	4,1	4,0	8	9	8	9	8	15
Молдавская ССР	3,8	3,8	3,4	9	7	9	8	9	8
Литовская ССР	3,6	3,4	3,3	11—12	12	12—13	11	10—13	9
Белорусская ССР	3,7	3,6	3,3	10	10	10	10	10—13	11
РСФСР	3,6	3,5	3,3	11—12	11	11	12	10—13	13
Украинская ССР	3,5	3,4	3,3	13	13	12—13	13	10—13	14
Латвийская ССР	3,2	3,2	3,1	14	14	14	15	14—15	12
Эстонская ССР	3,1	3,1	3,1	15	15	15	14	14—15	10

Сопоставление рангов средней величины семьи и СКД подтверждает прямую связь этих показателей. Однако наибольшая теснота связи наблюдается между данными переписи и СКД не в ближайший к переписи год, а в год, отстоящий от переписи на 10—20 лет[1]. Это свидетельствует о наличии значительного временного лага между изменением структуры новорожденных и снижением средней величины семьи. Кроме того, необходимо иметь в виду, что средний размер семьи может искажать средний уровень детности семей из-за дифференциации таких факторов, как доля бездетных семей, доля неполных семей, доля семей, состоящих из двух и более брачных пар, и т. д.

Поскольку СКД характеризует, строго говоря, только уровень детности семей, в которых в данном году происходили рождения, то о достоинствах этого показателя следует судить, сравнивая его с фактическим уровнем детности семей по данным переписи, а не со средней величиной семьи (табл. 2.3.8).

Для этого были пересчитаны распределения семей по числу детей с исключением из анализа бездетных семей (доля бездетных семей колебалась от 8,7 % в Армении до 27,0 % в Латвии и в среднем по СССР составляла 20,3 %, причем в городском населении — 19,6 %, а в сельском — 21,4 %)[2]. При сравнении полученных распределений со структурами новорожденных, было обнаружено большое сходство в этих распределениях: росту долей первенцев и вторых детей среди новорожденных соответствовало увеличение доли одно- и двухдетных семей, а ранжировка республик по величине СКД почти совпала с ранжировкой по числу детей на одну женщину (*исключение составила Армения*)[3].

В большинстве республик (кроме Армении, Грузии, Белоруссии и РСФСР) и в целом по СССР доля однодетных семей превышает долю первенцев, а доля семей с двумя детьми везде (кроме Эстонии и Латвии) была выше доли вторых детей среди новорожденных. Доли семей с тремя и более детьми соответственно ниже долей

[1] Ранговые коэффициенты корреляции (Спирмэна) средней величины семьи в 1970 г. со СКД в 1970 г. и в 1960 г. равны соответственно 0,972 и 0,981, а средней величины семьи в 1979 г. со СКД в 1978 г., 1970 г. и 1960 г. — 0,818, 0,970 и 0,975.

[2] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII.

[3] Ранговый коэффициент корреляции равен 0,986.

Таблица 2.3.8

Сопоставление структуры семей, состоящих из одной брачной пары с детьми или из одной матери с детьми, по данным переписи 1970 г. со структурой новорожденных в 1970 г. *

	Распределение семей по числу детей			Число детей на 1 женщину	Структура новорожденных			СКД
	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 и более		первые	вторые	третьи и следующие	
СССР	45,1	33,7	21,2	1,96	41,9	26,4	31,7	2,40
Таджикская ССР	21,6	20,1	58,3	3,38	17,4	14,7	67,9	3,98
Узбекская ССР	22,9	20,8	56,3	3,30	19,6	15,0	65,4	3,84
Азербайджанская ССР	22,5	20,9	56,6	3,27	18,2	15,6	66,2	3,82
Туркменская ССР	25,0	20,8	54,2	3,29	21,0	14,0	65,0	3,80
Киргизская ССР	29,1	26,1	44,8	2,85	25,6	15,9	58,5	3,59
Казахская ССР	32,4	30,4	37,2	2,50	29,9	20,6	49,5	3,13
Армянская ССР	18,9	25,5	55,6	2,90	29,2	23,5	47,3	2,81
Молдавская ССР	39,7	30,4	29,9	2,23	37,8	25,3	36,9	2,54
Грузинская ССР	33,0	35,7	31,3	2,18	36,6	31,1	32,3	2,32
Белорусская ССР	40,9	37,4	21,7	1,92	43,3	31,4	25,3	2,04
Литовская ССР	45,8	35,6	18,6	1,84	45,4	32,3	22,3	1,97
РСФСР	48,5	34,4	17,1	1,80	50,9	28,7	20,4	1,94
Украинская ССР	50,2	36,9	12,9	1,68	49,2	33,7	17,1	1,78
Эстонская ССР	56,1	34,4	9,5	1,57	49,4	35,7	14,9	1,77
Латвийская ССР	58,2	32,9	8,9	1,55	52,2	33,4	14,4	1,74
Городское население	51,6	36,1	12,3	1,68	53,7	30,4	15,9	1,81
Сельское население	35,9	30,3	33,8	2,34	28,5	23,6	47,9	3,08

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М., 1974, с. 380—386.

третьих и следующих рождений (за исключением Армении)[1]. То, что СКД значительно превышает среднее число детей на одну женщину, не удивительно, поскольку приведенный в таблице показатель рассчитывался на всех женщин, включая бездетных.

Разделив число детей, приходящееся на одну женщину, на долю семей с детьми, получим более точно

[1] По данным выборочного обследования 310 тыс. семей, проведенного в 1972 г. НИИ ЦСУ СССР (по СССР в целом), было: с 1 ребенком — 53,3% семей, с 2 — 33,4%, с 3 и более — 13,3% (при этом с 3 и более детьми у городского населения Латвии — 3,8%, УССР — 3,9%, РСФСР — 5,5%).

($p = 0{,}989$) коррелирующийся с СКД показатель — среднее число детей на семью (женщину) с детьми[1].

Таблица 2.3.9

Среднее число детей в семьях, состоящих из одной брачной пары с детьми или из одной матери с детьми, по данным переписи 1970 г.

	Число детей на одну женщину	Доля семей с детьми	Среднее число детей на одну женщину с детьми	СКД
СССР	1,96	79,6	2,46	2,40
Таджикская ССР	3,38	89,2	3,79	3,98
Узбекская ССР	3,30	86,5	3,82	3,84
Азербайджанская ССР	3,27	88,6	3,69	3,82
Туркменская ССР	3,29	87,9	3,74	3,80
Киргизская ССР	2,85	85,5	3,33	3,59
Казахская ССР	2,50	85,4	2,93	3,13
Армянская ССР	2,90	91,3	3,18	2,81
Молдавская ССР	2,23	7,71	2,89	2,54
Грузинская ССР	2,18	83,7	2,60	2,32
Белорусская ССР	1,92	78,7	2,44	2,04
Литовская ССР	1,84	75,6	2,43	1,97
РСФСР	1,80	79,6	2,26	1,94
Украинская ССР	1,68	75,9	2,21	1,78
Эстонская ССР	1,57	73,8	2,13	1,77
Латвийская ССР	1,55	73,0	2,12	1,74
Городское население	1,68	80,4	2,09	1,81
Сельское население	2,34	78,6	2,98	3,08

Анализируя данные (табл. 2.3.9), можно обнаружить следующую закономерность: в республиках с высоким уровнем детности (СКД больше 3) структурный коэффициент детности превышает среднее число детей в семье; в республиках со средним и низким уровнем детности, наоборот, среднее число детей выше среднего порядкового номера новорожденных. Главная причина этого, на наш взгляд, заключается в разных уровнях детской смертности (до одного года, а также в младших возрастных группах). Если бы в республиках с высоким уровнем детности смертность детей была бы, например, на уровне республик Прибалтики, то наличное число детей также в среднем бы превышало СКД[2]. Высокая

[1] Ранговый коэффициент корреляции равен 0,989.

[2] Например, только снижение детской смертности (в возрасте одного года) с 80 до 20‰ увеличило бы среднее число детей, приходящееся на одну женщину с детьми в Таджикистане (1970 г.),

детская смертность приводит к тому, что очередность рождения ребенка не всегда совпадает с фактической детностью семьи, т. е. в случае смерти хотя бы одного из детей очередность последующих рождений будет превышать наличное число детей.

Видимо, нормой является превышение среднего числа детей в семье над средней очередностью рождений, хотя бы и потому, что изменения в структуре новорожденных за счет ограничения рождения детей высоких и средних очередностей (третьих и следующих) не могут тотчас же отражаться на семейной структуре. Для того чтобы переход к малодетности существенно изменил структуру семей, нужно 15—20 лет, т. е. чтобы многочисленные третьи, четвертые, пятые и последующие дети вышли из детского возраста и отделились от родительских семей.

По-видимому, стабилизация структуры новорожденных на достаточно большом отрезке времени (15—20 лет) приведет и к стабилизации семейной структуры, а точнее, структуры «нуклеарных» семей.

4. ОБРАЗОВАНИЕ, ЗАНЯТОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЖЕНЩИН

Образовательный потенциал женщин, занятых в общественном производстве, по республикам. Развернувшаяся в нашей стране в расматриваемые два десятилетия научно-техническая революция, усиление роли интенсивных факторов экономического роста, особенно с 70-х годов, и повышение эффективности общественного производства вызывали объективную необходимость совершенствования качественных структур населения. К этому обязывали решения XXIV и XXV съездов КПСС, которые ориентировали «на решительный переход к преимущественно интенсивным факторам экономического роста — установка на подъем эффективности и качества всей работы»[1].

Политика партии и Советского государства, учитывая объективные требования текущего и главным образом перспективного периода социального и экономического развития страны, а также созданную материальную базу,

в отношении $\frac{1-0{,}08}{1-0{,}02} = \frac{0{,}98}{0{,}92} = 1{,}0652$, т. е. с 3,79 до 4,04 (СКД был равен 3,98).

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 32.

завершила проведение в жизнь повсеместное обязательное всеобщее среднее образование. Завершение перехода к обязательному всеобщему среднему образованию, по словам Л. И. Брежнева, означало взятие важного рубежа[1].

Это способствовало созданию соответствующего требованиям НТР кадрового потенциала, основы для ускорения ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней, межклассовых и внутриклассовых различий, совершенствованию социалистического образа жизни. Такая политика обеспечивала дальнейшее продвижение советского общества к социальной однородности на новой качественной основе развития населения, в частности его уровня образования и профессиональной подготовки.

В результате введения в стране обязательного всеобщего среднего образования в период между Всесоюзными переписями населения 1970 и 1979 гг. почти во всех союзных республиках в 2 и более раза увеличилась численность населения со средним общим образованием, а в Грузинской, Армянской и Узбекской республиках уже почти $^1/_3$ населения имеет среднее общее образование.

За период 1960—1980 гг. прослеживается тенденция выравнивания образовательного уровня многонационального населения страны по высшему и среднему образованию и тот гигантский скачок, который совершили в области образования ранее отсталые народы царской России. В таких республиках, как Узбекская, Киргизская, Казахская, Туркменская, где до революции население было почти сплошь неграмотным, сегодня более 40 % имеют высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и общее образование (табл. 2.4.1).

Особенно быстрыми темпами в 70-е годы повышался уровень образования населения, занятого в различных отраслях народного хозяйства. В 1979 г. в составе занятого населения $^2/_3$ имели высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и общее образование (67,4 %) и 32,6 % — неполное среднее образование. По сравнению с 1959 г. на 27,4 % выросла численность населения в составе занятых с высшим и средним образованием и соответственно сократилась численность занятого населения с неполным средним образованием (табл. 2.4.2).

[1] См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 60.

Таблица 2.4.1

Уровень образования населения СССР в 1979 г.
(% к общей численности населения с образованием) *

	Высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и общее образование	Неполное среднее	Начальное
СССР	44,8	27,1	28,1
Грузинская ССР	56,1	20,1	23,8
Армянская ССР	52,2	24,4	23,4
Украинская ССР	46,4	25,1	28,5
Узбекская ССР	46,2	23,8	30,0
Азербайджанская ССР	46,0	25,7	28,3
Киргизская ССР	44,6	24,0	31,4
Белорусская ССР	44,6	25,1	30,3
РСФСР	44,2	28,8	27,0
Латвийская ССР	44,1	26,0	29,9
Казахская ССР	43,0	27,6	29,4
Туркменская ССР	41,6	27,4	31,0
Эстонская ССР	41,1	24,8	34,1
Молдавская ССР	39,4	28,1	32,5
Таджикская ССР	39,2	26,4	34,4
Литовская ССР	37,4	26,4	36,2

* Рассчитано по: Вестник статистики, 1980, № 6, с. 41, 42.

Таблица 2.4.2

Образование занятого населения СССР в 1959—1979 гг. *, %

	1959	1970	1979
Из общей численности занятого населения имеют образование:			
высшее	7,7	10,0	12,4
незаконченное высшее	2,2	1,9	1,4
среднее специальное	15,4	16,1	19,3
среднее общее	14,8	24,3	34,3
неполное среднее	59,9	47,7	32,6
Средний уровень образования занятого населения по вышеперечисленным видам образования (лет обучения)	9,56	9,93	10,4

* Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 19.

Расчеты показывают, что к 1979 г. в нашей стране среднеобщественный уровень образования занятого населения достиг 10,4 года обучения.

Если учесть, что сегодня получают развитие все формы среднего образования (и особенно профессионально-техническое), то в будущем более быстрыми темпами будет повышаться среднеобщественный уровень образования занятого населения. Можно предположить, что выполнение закона об обязательном всеобщем среднем образовании повысит средний уровень образования молодежи к 1990 г. до 11 лет, а к 2000 г. — до 12 лет.

В современных условиях, когда происходят глубокие качественные изменения в экономической и социальной жизни общества развитого социализма, исследование занятости профессионально-квалификационной структуры и образовательного потенциала большой социально-демографической группы нашего общества — женщин приобретает все более важное теоретическое и практическое значение для разработки мер демографической политики, направленных на улучшение условий труда и быта женщин, рост их духовного потенциала.

При исследовании этой проблемы необходимо исходить из того, что занятость женщин в общественном производстве — объективная закономерность развития производительных сил общества и социалистических общественных отношений.

Однако женский труд имеет свои особенности, которые вытекают из соотношения естественного и общественного разделения труда и места женского труда в той или иной исторически обусловленной системе общественного разделения труда[1].

В развитом социалистическом обществе наиболее полно раскрываются социальные источники женской занятости и ее демографические и экономические последствия. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. в нашей стране из 262,4 млн. населения 140,1 млн. составляли женщины (53,4 %). За 20 лет (с 1959 по 1979 г.) рост абсолютной численности женщин составил 25,2 млн. человек. В общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, в 1979 г. насчитывалось 56,7 млн. женщин (51 %)[2].

---

[1] См.: *Шишкан Н. М.* Труд женщин в условиях развитого социализма. Кишинев, 1976, с. 20.

[2] См.: Народное хозяйство СССР в 1979 г. М., 1980, с. 391.

Наибольший приток женской рабочей силы в различные отрасли народного хозяйства приходится на 60—70-е годы, когда происходил ускоренный рост производства, возрастала общественная потребность в привлечении рабочей силы. В результате только за десять лет (с 1960 по 1970 г.) численность женщин, занятых в народном хозяйстве, увеличилась на 16,5 млн., а в последующие годы (с 1970 по 1979 г.) приток женской рабочей силы в народное хозяйство составил еще 10,9 млн. человек.

Таким образом, за 20 лет численность работающих женщин увеличилась на 27,4 млн. человек.

За этот период во всех союзных республиках росла абсолютная численность женщин в общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Наибольшая занятость женщин характерна для республик с более высоким уровнем экономического развития: в Латвийской ССР, Эстонской ССР, РСФСР, Белорусской ССР, Украинской ССР, Литовской ССР. Увеличилась также численность женщин, занятых в народном хозяйстве в Среднеазиатских республиках, Армянской ССР и Казахской ССР.

Достигнутая в 60—70-е годы высокая занятость женщин в общественном производстве в условиях научно-технического прогресса требует научно обоснованной организации и рационального использования женского труда, а также улучшения его условий. Это тем более необходимо, что формирование и использование женских трудовых ресурсов в ближайшие годы и в перспективе на будущее десятилетие в значительной степени будут определяться двумя взаимосвязанными факторами: сокращением трудовых ресурсов в силу уменьшения естественного прироста населения и повышением трудовой активности женщин.

Увеличение трудовой активности женщин должно происходить главным образом за счет перераспределения занятости по отраслям народного хозяйства, которое должно состоять в освобождении женщин от тяжелого физического труда и увеличении их труда на механизированных участках различных отраслей. Кроме того, должна улучшаться профессионально-квалификационная структура.

В настоящее время увеличивается абсолютная численность женщин, занятых во всех отраслях народного

хозяйства, ускоренно растет доля занятых в сфере обслуживания.

В 1939 г. 86,5 % всех работающих в общественном производстве женщин было занято в отраслях материального производства и 11,5 % — в непроизводственной сфере. В 1959 г. эти показатели соответственно составили 80,5 и 19,4 %[1], в 1970 г. — 72,6 и 27,4 %[2]. Такое перераспределение женского труда связано как с увеличением численности занятых в сфере обслуживания, так и со спецификой женского труда.

Среди отраслей народного хозяйства первое место по абсолютному числу занятых женщин принадлежит промышленности. Быстрое развитие современных отраслей промышленности — электротехники, химии, нефтепереработки, машиностроения определяет и быстрый рост занятости женщин в этих отраслях. Наряду с этим сокращается абсолютная численность женщин, занятых в торфяной, угольной, лесной промышленности и в других отраслях, где условия труда менее благоприятны.

Надо отметить, что за период 1959—1970 гг. сократилась доля женщин, занятых физическим трудом (табл. 2.4.3). Однако процент женщин, занятых различными видами физического труда, в 1970 г. был еще высок, и это говорит о том, что имеются большие резервы в организации рациональной занятости женщин и повышении их профессиональной и общеобразовательной подготовки.

Доля женщин, занятых умственным трудом среди всех работающих женщин, по СССР составила в 1970 г. 32,1 %. В большинстве союзных республик данный показатель был или немного выше общесоюзного (РСФСР, Латвийская ССР, Эстонская ССР и Казахская ССР) или приближался к нему. В этот период происходит выравнивание этого показателя по республикам (за исключением Молдавской, Таджикской и Узбекской республик).

Уровень образования женщин повышает их трудовую активность и профессиональное мастерство. За период 1959—1970 гг. образовательный потенциал женского населения страны увеличился в 1,5 раза, при этом в городской местности он рос намного быстрее, чем в сельской. В эти годы уровень образования женщин во всех союзных республиках имел устойчивую тенденцию к повышению.

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года (сводный том). М., 1962, с. 110.

[2] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. V. М., 1973, с. 196.

Таблица 2.4.3

Доля женщин, занятых физическим и умственным трудом по СССР и союзным республикам, в 1959, 1970 гг. *, %

	1959		1970	
	физический труд	умственный труд	физический труд	умственный труд
СССР	78,9	21,1	67,9	32,1
Эстонская ССР	73,7	26,3	62,4	37,6
Латвийская ССР	75,4	24,6	63,5	36,5
РСФСР	76,3	23,7	65,0	35,0
Казахская ССР	75,4	24,6	65,2	34,8
Армянская ССР	78,6	21,4	67,0	33,0
Грузинская ССР	77,6	22,4	67,3	32,7
Литовская ССР	82,8	17,2	70,2	29,8
Азербайджанская ССР	81,3	18,7	70,7	29,3
Киргизская ССР	81,9	18,1	72,2	27,8
Украинская ССР	83,0	17,0	72,4	27,6
Белорусская ССР	86,2	13,8	73,3	26,7
Узбекская ССР	84,9	15,1	76,1	23,9
Таджикская ССР	86,1	13,9	77,6	22,4
Молдавская ССР	90,0	10,0	80,0	20,0
Туркменская ССР	80,2	19,8	73,3	26,7

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VI. М., 1973, с. 6—13.

В 1970 г. в целом по стране 23,4 % всех женщин в возрасте 10 лет и старше имели высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и общее образование. Однако еще большое число женщин (48,3 %) было с неполным средним и начальным образованием, а в таких республиках, как Эстонская, Литовская, Туркменская ССР и др., их доля значительно превышала общесоюзную (табл. 2.4.4).

Надо отметить, что женщины, занятые в народном хозяйстве, имеют более высокий уровень образования. При этом быстрыми темпами растет уровень образования у женщин, занятых физическим трудом: в целом по стране (в расчете на 1000 женщин, занятых физиче-

Таблица 2.4.4

Уровень образования женщин (в возрасте 10 лет и старше) в 1970 г.*, %

	Высшее, незаконченное высшее, среднее специальное, общее	Общее среднее	Неполное среднее и начальное
СССР	23,4	11,4	48,3
Грузинская ССР	36,5	21,3	40,6
Армянская ССР	30,9	19,0	43,9
Латвийская ССР	27,5	12,8	50,8
Эстонская ССР	27,3	13,4	60,8
Украинская ССР	24,1	12,9	46,9
РСФСР	23,7	10,8	48,4
Казахская ССР	21,4	10,6	50,8
Азербайджанская ССР	21,2	11,8	47,2
Белорусская ССР	20,8	11,0	49,0
Киргизская ССР	20,3	10,8	48,2
Узбекская ССР	19,2	11,4	49,3
Литовская ССР	19,2	8,2	51,9
Туркменская ССР	17,5	10,0	51,0
Молдавская ССР	16,5	7,9	49,5
Таджикская ССР	15,4	9,0	50,7

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. III. М., 1972, с. 6—29.

ским трудом) он увеличился в 1,7 раза, а во многих союзных республиках (Белорусской, Литовской, Молдавской) этот показатель вырос в 2 и более раза и превысил общесоюзные темпы.

За 1959—1970 гг. увеличивалась не только численность женщин, занятых в общественном хозяйстве, но и рос удельный вес среди них женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Занятость женщин, характер труда, образовательный потенциал оказывают большое влияние на формирование их материальных и духовных потребностей, жизненные установки и демографическое поведение. Так, женщины-матери, занятые различными видами умственного труда, имеют меньшее количество детей по сравнению с женщинами, которые занимаются физическим трудом (табл. 2.4.5).

Известно, что возрастная структура женского населения оказывает большое влияние на все стороны жизнедеятельности нашего общества. Специфика воз-

Таблица 2.4.5

Число детей у женщин, занятых различными видами труда по союзным республикам, в 1970 г.*

	Число детей у женщин, занятых в народном хозяйстве	
	физическим трудом	умственным трудом
СССР	2,1	1,5
Азербайджанская ССР	3,7	2,6
Узбекская ССР	3,6	2,1
Туркменская ССР	3,6	1,9
Таджикская ССР	3,6	1,9
Армянская ССР	3,2	2,3
Киргизская ССР	3,1	1,9
Казахская ССР	2,7	1,9
Грузинская ССР	2,4	1,7
Молдавская ССР	2,4	1,5
Белорусская ССР	2,0	1,6
РСФСР	1,9	1,5
Литовская ССР	1,9	1,5
Украинская ССР	1,8	1,4
Эстонская ССР	1,6	1,5
Латвийская ССР	1,6	1,4

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М., 1974, с. 450.

растной структуры женщин в период между Всесоюзными переписями населения 1959 и 1970 гг. состояла в том, что в эти годы происходило снижение численности женщин в экономически активных и фертильных возрастных группах.

Доля женщин в возрасте 20—25 лет уменьшилась с 1959 по 1970 г. на 5,2 %, в возрасте 30—39 лет — на 0,5 %. В общей численности женщин удельный вес женщин 20—49-летних в 1959 г. составлял 44,4 %, а в 1970 — г. 40,1 %. Доля женщин старших возрастных групп (50 лет и старше) за это же время увеличилась с 22,1 до 25,2 %. Изменение возрастной структуры женского населения, рост занятости и образования не могли не сказаться на рождаемости, которая в эти годы продолжала снижаться. Прослеживается взаимосвязь между рождаемостью и образованием женщин, для характеристики которой мы использовали среднюю величину образовательного потенциала женщин.

Средняя величина образовательного потенциала (СВОП)[1] является отражением величины образовательного потенциала всего населения, который, как известно, оказывает на современном этапе большое влияние на экономическое и социальное развитие общества. Средняя величина образовательного потенциала является интегральным показателем, с помощью которого можно проследить различные аспекты социально-демографического развития на уровне общества и отдельных социально-демографических групп населения. Средняя величина образовательного потенциала женского населения страны значительно выросла в период между переписями населения 1959 и 1970 гг. во всех союзных республиках, у городских и сельских женщин.

Самая большая СВОП в эти годы была у городских женщин. В 1959 г. почти во всех союзных республиках СВОП составляла свыше 7 лет (за исключением Грузинской ССР — 8,6 года, Армянской ССР — 8,0 лет и Литовской ССР — 6,9 года), а в 1970 г. в 12 республиках СВОП была свыше 8 лет. На протяжении всего периода с 1959 г. происходит выравнивание СВОП по союзным республикам как у городских, так и у сельских женщин, хотя у сельских женщин СВОП растет медленнее и у них по сравнению с городскими женщинами отставание почти по всем республикам составляет 2 года и более (табл. 2.4.6).

Средняя величина образовательного потенциала по возрастным группам женщин и повозрастные показатели рождаемости по союзным республикам (число родившихся на 1 000 женщин соответствующей возрастной группы 1969—1970 гг.) дали возможность провести

[1] Образовательный потенциал населения — показатель, характеризующий величину образования (в человеко-годах обучения), накопленного всем населением или его отдельными социально-демографическими группами (жителями городской, сельской местности, мужчинами, женщинами и др.). Величина образовательного потенциала определяется общим числом лет обучения, затраченных населением на получение того или иного вида образования (численность совокупности, имеющей определенное образование, умножается на число лет, необходимых для его получения: высшего — 15 лет, незаконченного высшего — 13, среднего специального — 12, среднего общего — 10, неполного среднего — 8, начального — 4 года обучения).

Средняя величина образовательного потенциала (СВОП) определенной совокупности исчисляется числом лет обучения, приходящихся в среднем на каждую единицу данной совокупности.

Таблица 2.4.6

Средняя величина образовательного потенциала женского населения СССР *

	Все население		Городское население		Сельское население	
	1959	1970	1959	1970	1959	1970
СССР	6,8	7,7	7,7	8,3	6,0	6,5
Грузинская ССР	7,9	8,4	8,6	9,2	6,9	7,3
Армянская ССР	7,3	8,0	8,0	8,6	6,4	6,7
РСФСР	6,8	7,8	7,3	8,3	6,0	6,6
Латвийская ССР	6,8	7,8	7,3	8,3	5,8	6,6
Украинская ССР	6,7	7,7	7,4	8,5	6,1	6,5
Азербайджанская ССР	7,6	7,5	7,5	8,2	6,1	6,3
Казахская ССР	6,6	7,5	7,1	8,1	6,1	6,7
Киргизская ССР	6,7	7,4	7,5	8,3	6,2	6,7
Белорусская ССР	6,4	7,3	7,4	8,5	5,7	6,1
Узбекская ССР	6,7	7,3	7,4	8,2	6,1	6,6
Эстонская ССР	5,4	7,3	7,0	7,9	5,4	6,1
Туркменская ССР	6,1	7,3	7,5	7,8	6,3	6,7
Молдавская ССР	6,2	7,1	7,5	8,4	5,6	6,2
Литовская ССР	6,0	7,0	6,9	8,0	5,1	5,8
Таджикская ССР	6,5	7,0	7,3	7,9	5,9	6,3

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года (сводный том), табл. 22; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. III, с. 6—67.

сравнительный анализ этих показателей (табл. 2.4.7).

Возрастная группа 20—29 лет имеет самый высокий образовательный уровень и самую высокую рождаемость из всех возрастных групп женщин. В этой возрастной группе в девяти республиках СВОП свыше 9 лет, в остальных республиках этот показатель приближается к 9 годам и только в Таджикской ССР СВОП равна 7,7 года обучения.

В этой возрастной группе хорошо прослеживается взаимосвязь рождаемости с образованием женщин. В республиках, которые имеют самые высокие показатели СВОП (9,5—9,6 года), наблюдаются самые низкие показатели средней величины рождений на 1000 женщин[1]: в РСФСР и Латвийской ССР — 127, Эстонской

[1] Так как СВОП можно рассчитать только по 10-летним возрастным группам, а повозрастные показатели рождаемости статистика дает по пятилетним группам, то была рассчитана средняя величина рождений по десятилетним возрастным группам.

Таблица 2.4.7

Средняя величина образовательного потенциала и показатели рождаемости по возрастным группам женщин в 1970 г. *

	20—29 лет		30—39 лет		40—49 лет	
	средняя величина образовательного потенциала женщин	число рождений на 1000 женщин данного возраста	средняя величина образовательного потенциала женщин	число рождений на 1000 женщин данного возраста	средняя величина образовательного потенциала женщин	число рождений на 1000 женщин данного возраста
СССР	9,4	146,3	7,5	68,3	6,3	9,1
Туркменская ССР	8,5	273,6	7,0	231,7	5,6	70,8
Таджикская ССР	7,7	264,4	5,7	233,4	4,8	72,3
Узбекская ССР	8,7	263,25	6,6	220,2	5,4	59,25
Киргизская ССР	8,9	242,6	6,7	176,6	5,8	44,9
Азербайджанская ССР	8,4	230,7	6,5	178,45	6,3	33,7
Казахская ССР	9,0	184,5	7,0	109,1	5,9	21,5
Армянская ССР	9,3	166,6	7,6	35,7	7,3	14,5
Грузинская ССР	9,6	165,5	8,5	71,9	8,0	7,5
Молдавская ССР	8,3	149,6	5,9	80,8	3,9	11,8
Литовская ССР	9,0	148,4	6,8	67,6	5,0	5,1
Белорусская ССР	9,5	147,5	7,0	65,1	5,8	6,8
Эстонская ССР	9,6	143,8	8,8	51,4	7,1	3,9
Украинская ССР	9,5	136,6	7,6	48,7	6,3	3,9
РСФСР	9,6	127,1	7,8	46,2	6,5	5,05
Латвийская ССР	9,5	127,1	8,3	48,05	7,0	3,9

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. III, с. 6—29; Вестник статистики, 1971, № 12, с. 75.

ССР — 143 и Белорусской ССР — 147. А для республик, имеющих самые высокие показатели средней величины рождений на 1 000 женщин, характерны самые низкие показатели СВОП по сравнению с другими республиками. Наиболее низкий показатель СВОП имеет Таджикская ССР — 7,7 года образования; число рождений в этой возрастной группе — 264,4 на 1 000 женщин, что в 2 раза больше, чем в РСФСР и Латвийской ССР.

В возрастной группе 30—39 лет по сравнению с возрастной группой женщин 20—29 лет СВОП меньше на 2—3 года. В этой группе женщин по всем республикам уменьшается и число рождений. Так, в РСФСР в возрастной группе 20—29 лет среднее число рождений на

1 000 женщин составляло 127,1, а в возрастной группе 30—39 лет оно снизилось до 46,2; в Узбекской ССР соответственно — 263,2 и 220,2 рождений.

Возрастная группа 40—49 лет имеет самый низкий показатель СВОП по всем союзным республикам и резкое уменьшение среднего числа рождений (в 3—10 раз) по сравнению с группой 30—39 лет.

В целом по стране число рожденных детей на 1 000 матерей больше у женщин с низким уровнем образования. В 1970 г. на одну женщину с высшим, незаконченным высшим, средним специальным и общим образованием приходилось 1,5 ребенка, а на женщину с начальным и ниже начального образования — 2,1 ребенка. Эта закономерность прослеживается по всем республикам как в городской, так и в сельской местности (табл. 2.4.8).

Таблица 2.4.8

Число детей у матерей, имеющих различный уровень образования, в 1970 г. *

	Число детей на 1000 матерей, имеющих образование			
	высшее, незаконченное высшее, среднее специальное	среднее общее	неполное среднее	начальное и ниже начального
Все население	1550	1651	1989	2182
Городское население	1486	1527	1741	1856
Сельское население	1814	2072	2408	2416

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII, с. 452.

За период с 1970 по 1979 г. произошло изменение среднего размера семьи как в целом по стране, так и по многим союзным республикам. Из 15 республик только Узбекская, Таджикская и Туркменская имели увеличение среднего размера семьи. В Азербайджанской, Киргизской, Эстонской республиках в 1979 г. показатель среднего размера семьи удерживался на уровне 1970 г., и в 10 республиках этот показатель снизился по сравнению с 1970 г. Уменьшение среднего размера семьи в среднем по республикам объясняется не только естественной убылью населения старших возрастных групп, но и снижением уровня рождаемости на большой части территории страны.

Проведенный анализ образовательного потенциала женщин и показателей рождаемости выявляет: 1) тенденцию роста образовательного потенциала женского населения в младших возрастных группах женщин во всех союзных республиках; 2) самый высокий уровень СВОП имеет возрастная группа женщин 20—29 лет и 30—39 лет; 3) во всех республиках с повышением возраста женщин происходит снижение образовательного потенциала и средней величины рождений на 1 000 женщин.

Все республики (см. табл. 2.4.9) в зависимости от экономического развития, занятости женщин в общественном производстве, величины образовательного потенциала и показателя рождаемости могут быть распределены по трем группам, которые соответствуют трем группам по завершенности демографического перехода (см. гл. 2, § 2, табл. 2.2.3).

В первую группу входят пять союзных республик, наиболее развитых в экономическом отношении. Численность женщин этой группы в общей численности женщин страны насчитывает 79 %.

Для республик этой группы характерна высокая занятость женщин в народном хозяйстве; женщины-специалисты этих республик составляют почти 60 % среди всех специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве. У женщин этих республик высокий образовательный потенциал, более $^1/_5$ из них имеют высшее, среднее специальное и общее образование.

Вторая группа союзных республик — Грузинская, Литовская, Молдавская, Армянская, Азербайджанская и Казахская. Женщины этой группы республик в общей численности женщин страны составляют 12,5 %. В этой группе меньший процент занятости женщин, снижается и средняя величина образовательного потенциала (исключение составляют женщины Грузии), по показателям рождаемости эта группа республик может быть отнесена к группе республик со средним уровнем рождаемости.

Третья группа — Среднеазиатские республики. Число женщин этих республик в общей численности женщин страны составляет 7,6 %, причем занятость женщин в народном хозяйстве на 13 пунктов ниже по сравнению с общесоюзной, а доля женщин-специали-

Таблица 2.4.9

Распределение союзных республик по группам в зависимости от занятости женщин в общественном производстве, образовательному потенциалу и рождаемости в 1970 г.

Группы республик	Доля женщин в общей численности рабочих и служащих	Доля женщин-специалистов с высшим и средним образованием	Доля занятых: физическим трудом	Доля занятых: умственным трудом	Средняя величина образовательного потенциала женщин	Рождаемость на 1000 населения	Повозрастные показатели рождаемости женщин в 15—49 лет	Средняя величина семьи	Число детей у матерей, занятых: физическим трудом	Число детей у матерей, занятых: умственным трудом
СССР	51,0	58,7	67,9	32,1	7,7	17,4	65,7	3,7	2,1	1,5
I группа										
Латвийская ССР	53,0	69,9	63,5	36,5	7,8	19,4	53,5	3,2	1,6	1,4
РСФСР	53,0	60,9	65,0	35,0	7,8	14,6	53,4	3,5	1,9	1,5
Эстонская ССР	53,0	60,0	62,4	37,6	7,3	15,8	59,3	3,1	1,6	1,5
Белорусская ССР	52,0	59,9	73,3	26,7	7,3	16,2	61,3	3,6	2,0	1,6
Украинская ССР	50,0	57,3	72,4	27,6	7,7	15,2	55,3	3,4	1,8	1,4
II группа										
Молдавская ССР	51,0	58,2	80,0	20,0	7,1	17,6	71,6	3,8	2,4	1,5
Литовская ССР	49,0	61,3	70,2	29,8	7,0	29,2	67,2	3,4	1,9	1,5
Казахская ССР	47,0	57,7	65,2	34,8	7,5	33,6	96,1	4,3	2,7	1,9
Грузинская ССР	43,0	52,1	67,3	32,7	8,4	23,4	73,3	4,1	2,4	1,7
Армянская ССР	41,0	48,6	67,0	33,0	8,0	34,8	92,9	5,0	3,2	2,3
Азербайджанская ССР	41,0	44,4	70,7	29,3	7,5	19,2	134,6	5,1	3,7	2,6
III группа										
Киргизская ССР	47,0	55,2	72,2	27,8	7,4	14,5	134,7	4,6	3,1	1,9
Узбекская ССР	41,0	47,2	76,1	23,9	7,3	16,2	158,5	5,3	3,6	2,1
Туркменская ССР	39,0	43,9	73,3	26,7	7,3	22,1	165,6	5,2	3,6	1,9
Таджикская ССР	38,0	43,4	77,6	22,4	7,0	30,5	166,4	5,4	3,6	1,9

стов, занятых в народном хозяйстве, с высшим и средним специальным образованием от 43 % (Таджикская ССР) и до 55 % (Киргизская ССР). Средняя величина образовательного потенциала более 7,0 лет. Около 1/4 части женщин заняты умственным трудом, причем в этих республиках по сравнению с другими удерживается очень высокий уровень рождаемости.

Изменение профессионального уровня работающих женщин-матерей. Повышение образовательного уровня женщин является основой их профессиональной подготовки и роста уровня квалификации. В годы Советской власти происходило совершенствование профессиональной подготовки всех работников, но особенно это заметно на показателях роста квалификации женщин-работниц. Если в 1925 г. их квалификация отставала от квалификации мужчин на 2,5 разряда, то в 1974 г. — на 0,8—1,3 разряда[1]. Однако, несмотря на значительные успехи в повышении профессиональной квалификации работниц, ее уровень все еще ниже, чем у мужчин[2].

Отставание профессиональной квалификации женщин приводит к преобладанию женщин на мало- и неквалифицированных работах, в ряде случаев не соответствующих особенностям женского организма[3]. Как отмечают исследователи, занимающиеся проблемами профессиональной подготовки женщин, такое отставание в значительной мере связано с выполнением женщинами семейно-бытовой функции[4].

Выполнение этой функции работающей матерью, во-первых, создает в ее профессиональном труде вынужденные перерывы из-за рождения и воспитания детей (декретные отпуска, время ухода за малолетним, а

[1] См.: *Лукашук Ю. М.* Социально-экономические проблемы использования женского труда. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 16.

[2] См.: *Сонин М. Я.* Трудовые ресурсы как фактор накопления в условиях научно-технического прогресса. — В кн.: Вопросы теории и планирования, с. 139—141; *Котляр А. Э., Турчанинова С. Я.* Занятость женщин в производстве, с. 66—84; *Янкова З. А.* Советская женщина (социальный портрет). М., 1978, с. 41.

[3] См.: Методологические основы изучения занятости населения/ Под ред. В. Г. Костакова. М., 1977, с. 62—63; *Никитенко В. В.* Демографический анализ поколений. М., 1979, с. 130—131.

[4] См., например: *Слесарев Г. А., Янкова З. А.* Женщины на промышленном предприятии и в семье. — В кн.: Социальные проблемы труда и производства. М. — Варшава, 1969, с. 423; *Сонин М. Я.* Социально-экономические и структурные проблемы занятости женщин. — В кн.: Женщины на работе и дома. М., 1978, с. 25.

также больным ребенком), что замедляет накопление профессионального опыта; во-вторых, существенно сокращает фонд свободного времени, необходимого для повышения профессионального образования; в-третьих, при сохранении одинаковой с мужчинами трудовой нагрузки в общественном производстве повышает совокупную трудовую нагрузку, что приводит к физическому и нервно-эмоциональному напряжению, в свою очередь ограничивающему физические возможности профессионального роста.

Объем и структура семейно-бытовой функции работающей женщины, как показывает анализ бюджетов времени на этапе материнства, зависят от числа и возраста детей. Степень же влияния домашней загруженности женщин-матерей на их профессиональный рост в каких-либо конкретных показателях не выявлена, поскольку исследователи ограничиваются, как правило, утверждениями общего характера об отставании профессиональной квалификации женщин от квалификации мужчин. А этот вопрос имеет, на наш взгляд, немалое теоретическое и практическое значение для решения задач демографической политики и развертывания научно-технической революции.

Кроме того, объективные возможности профессионального роста работающих женщин характеризуют одну из сторон развития важной и многочисленной социально-демографической группы населения — семейных женщин.

Для изучения влияния семейно-бытовой функции и ее составной части — рождения и воспитания детей — на профессиональный уровень и рост квалификации женщин использованы материалы выборочного обследования, проведенного в 1978 г. среди женщин—работниц химического объединения «Фосфорит» в г. Кингисеппе (Ленинградская обл.) [1].

В обследовании прослеживаются те же тенденции в изменении профессионального и квалификационного

[1] Были собраны анкеты 1322 рабочих, из них 573 женщин. Данные выкопировались из личных карточек работниц. Результаты этого обследования из-за небольшой совокупности обследованных женщин и специфичности производственных условий химического производства не могут быть распространены на всех работающих женщин, но они находятся в полном соответствии с выявленными закономерностями формирования бюджета времени женщин.

уровня женщин-работниц в целом, которые характерны и для других отраслей народного хозяйства: отставание от профессиональной квалификации мужчин, замедление профессионального роста с рождением детей, более низкий профессиональный и квалификационный уровень работниц старших возрастов и др. Профессиональный и квалификационный уровень работающих женщин-матерей несовершеннолетних детей ниже, чем у бездетных работниц. Та же тенденция сохраняется после исключения влияния различий в стаже работы на предприятии (табл. 2.4.10).

Таблица 2.4.10

Квалификационный уровень работниц с одинаковым образованием и стажем работы в зависимости от наличия детей
(% к общему числу работниц данных групп)

Образование	Квалификационные разряды*			
	6—5-й	4—3-й	2—1-й	без разряда
Неполное среднее				
имеющие детей	—	82	10	8
не имеющие детей	19	71	10	—
Полное среднее				
имеющие детей	6	88	6	—
не имеющие детей	11	81	8	—
Профессионально-техническое (ПТУ)				
имеющие детей	20	80	—	—
не имеющие детей	21	79	—	—

* Имеются в виду работницы со стажем менее 3 лет.

Матери-работницы медленнее повышают квалификацию, чем работницы без детей. Для достижения одних и тех же разрядов первые работают значительно дольше бездетных работниц. Особенно большое отставание наблюдается в достижении высших разрядов. Так, среди работниц, имеющих трехлетний стаж работы, доля первых (работниц с детьми), получающих высшие разряды, меньше почти вдвое.

Замедление роста профессиональной квалификации работницы тем заметнее, чем больше у нее число детей. Однако темпы замедляются непропорционально появлению каждого последующего ребенка. Эта особенность еще недостаточно исследована и требует углубленного изучения. Максимальное замедление

темпов роста профессиональной квалификации наступает при появлении первого ребенка (рис. 2). При появлении последующих детей темпы этого снижения менее значительны. Среди трехдетных почти нет работниц, имеющих высокую квалификацию. Такая закономерность согласуется с увеличением семейно-бытовой функции работающих женщин, которая изменяется разными темпами при появлении каждого последующего ребенка. Именно это отражается на возможностях для продолжения учебы и профессионального роста женщин. Так, по нашим расчетам на основе данных Н. М. Шишкан[1] с появлением у работающей женщины первого ребенка доля продолжающих учебу по сравнению с бездетными снижается на 15 пунктов, при появлении второго ребенка — уже только на 4 пункта, третьего — лишь на 2 пункта и четвертого — на 6,4 пункта. При этом, конечно, сказывается и

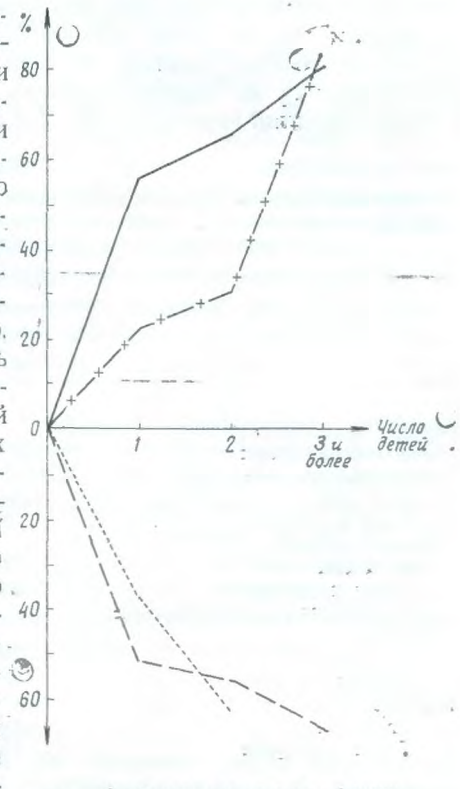

Рис. 2. Изменение времени домашнего труда, свободного времени, заболеваемости и профессионального роста работниц в зависимости от числа детей

[1] См.: *Шишкан Н. М.* Труд женщин в условиях развитого социализма, с. 143.

влияние возраста матерей, который одновременно с повышением числа детей все больше ограничивает продолжение учебы. Данные нашего обследования подтверждают ту же закономерность, проявляющуюся уже в более поздний период (табл. 2.4.11).

Таблица 2.4.11

Квалификационный уровень работниц в зависимости от возраста младшего ребенка (% к общему числу работниц данных групп по образованию женщин и возрасту ребенка)

	Квалификационные разряды			
	6—5-й	4—3-й	2—1-й	без разряда
Возраст младшего ребенка у имеющих образование:				
неполное среднее				
до 7 лет	—	86	14	—
7 лет и старше	5	86	3	6
полное среднее				
до 7 лет	2	88	10	—
7 лет и старше	23	74	3	—
профессионально-техническое (ПТУ)				
до 7 лет	28	72	—	—
7 лет и старше	26	74	—	—
Итого				
до 7 лет	10	82	8	—
7 лет и старше	15	80	2	3

Таким образом, чем старше дети, тем больше свободного времени у работающей матери, в том числе и времени, затрачиваемого на повышение профессиональной квалификации, и тем выше ее квалификационный уровень. Эта тенденция выявлена в зависимости от возраста младшего ребенка безотносительно, каким по счету в семье он является. Она отмечается для всех образовательных групп, за исключением получивших профессиональную подготовку в ПТУ.

Работницы, имеющие детей дошкольного возраста, также повышают свою квалификацию медленнее, чем работницы с детьми старше 7 лет. И в данном случае фактор более старшего возраста работниц с детьми-школьниками проявляет свое влияние слабее, чем фактор возраста детей.

Таким образом, профессиональный уровень работающих женщин на этапе материнства замедляет свой рост по сравнению с этапом бездетности.

Трудностям совмещения труда на производстве и дома работающих женщин-матерей большое внимание было уделено на XXVI съезде КПСС. Л. И. Брежнев в связи с этим сказал: «...каждому ясно, как нелегко порой сочетать обязанности матери с активным участием в производстве и общественной жизни»[1]. Он отметил, что для разрешения этих трудностей «нужны более широкие и действенные меры... Понятно, мы не можем сразу осуществить все, что хотелось бы. Но будем настойчиво искать пути решения всех этих проблем. При этом, конечно, следует внимательно учитывать особенности положения в различных республиках и регионах»[2].

Для дальнейшего улучшения положения женщин, семьи в 1981 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предусматривающее широкий комплекс дополнительных мер «по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей, с тем чтобы обеспечить рациональное сочетание общественного и семейного воспитания детей, облегчить положение работающих матерей, уменьшить различия в уровне жизни семей в зависимости от наличия детей»[3].

Эти меры включают расширение льгот по уходу матерей за грудным ребенком, мероприятия по расширению сети и совершенствованию работы детских дошкольных учреждений, по созданию более благоприятных режимов работы женщины-матери. В частности, меры, касающиеся работы детских дошкольных учреждений и создания возможностей женщинам-матерям работы неполного рабочего дня или рабочей недели, а также по скользящему графику и работы на дому, позволят уменьшить длительность перерывов в профессиональной работе женщин в связи с появлением ребенка и будут помогать повышению их профессиональной квалификации.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54.
[2] Там же, с. 55.
[3] Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1981, № 13, с. 330.

5. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Вступление большей части населения нашей страны в завершающую стадию демографического перехода ведет к тому, что для характеристики развития народонаселения на этой стадии все более важную роль приобретают не только такие показатели качества населения, как изменение образовательной и профессиональной структур, но и показатели уровня здоровья населения. В предстоящее десятилетие 80-х годов анализ здоровья как одного из основных аспектов развития народонаселения, с точки зрения его социально-экономической обусловленности и значимости для нашей страны, становится все более актуальной задачей.

Актуальность проблемы здоровья выражается также и в противоречии между ростом потребностей общества в полноценном здоровье населения и неблагоприятными сдвигами в его состоянии у различных социально-демографических групп. Являясь одним из проявлений возрастания роли «человеческого фактора» — важнейшего компонента производительных сил, рост потребностей общества в укреплении здоровья в современный период обусловлен целым рядом объективных социальных и экономических причин, в том числе снижением темпов формирования трудовых ресурсов в стране.

Известно, что производительность труда зависит от многих условий (производственных, социальных, экономических и других). Однако с точки зрения именно «человеческого фактора» она в первую очередь зависит от состояния здоровья, понимаемого в широком социальном смысле. Можно сказать, что в условиях нарастающего дефицита трудовых ресурсов одним из действенных методов его снижения является повышение уровня здоровья населения. Не случайно на XXVI съезде КПСС было подчеркнуто, что одной из основных задач экономического и социального развития страны в предстоящем десятилетии является осуществление системы мер «по увеличению продолжительности жизни и трудовой активности людей, укреплению их здоровья»[1].

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 137.

Здоровье — необходимая предпосылка полноценной жизни и одно из главных условий для проявления творческих способностей человека. Именно эту сущность здоровья выразил К. Маркс, определяя болезнь как стесненную в своей свободе жизнь[1]. И действительно, отсутствие здоровья ограничивает возможность человека наиболее полно проявить свои физические, психические и социальные качества как члена общества. Это ограничение прежде всего проявляется в снижении его трудоспособности.

Существуют различные определения «здоровья человека»[2]. Наиболее близко нашему пониманию следующее: «Здоровье — это процесс сохранения и развития психических, физиологических и биологических способностей человека, его оптимальной трудоспособности, социальной активности при максимальной продолжительности активной жизни»[3].

Для характеристики здоровья различных контингентов населения, в том числе трудоспособного возраста, используются материалы о заболеваемости, смертности, продолжительности жизни населения в сочетании с данными об инвалидности и заболеваемости с временной утратой трудоспособности. К сожалению, использование традиционных показателей заболеваемости, смертности, физического развития и производных от них не дает всесторонней оценки состояния здоровья больших групп населения[4], в том числе населения

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 64.

[2] Например, «Здоровье — это такое состояние человеческого организма, которое позволяет ему в оптимальной степени выявлять свои социальные и биологические функции: это состояние максимальной уравновешенности человека с природной и социальной средой» (*Царегородцев Г., Апостолов К.* Условия жизни и здоровье населения. М., 1975, с. 51) или «под здоровьем в общем плане понимается возможность организма человека адаптироваться к изменениям окружающей среды, взаимодействуя с ней свободно, на основе биологической, психической и социальной сущности человека» (Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М., 1975, с. 51).

[3] *Казначеев В. П.* Проблемы адаптации человека. — В кн.: Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по адаптации человека к различным географическим, климатическим и производственным условиям. Новосибирск, 1977, т. 1, с. 3.

[4] В настоящее время во всем мире ведутся поиск и разработка обобщенных индексов оценки здоровья людей, которые позволили бы наиболее полно формализовать и измерить эту важную качественную характеристику населения и ее изменение во времени.

республик и других крупных территорий. Однако значение углубленного анализа отдельных сторон изменения здоровья всего населения и отдельных социально-демографических групп этим не снижается, а даже увеличивается. Определение отдельных факторов здоровья и степень их влияния являются необходимым предварительным этапом для изучения тенденций здоровья по республикам и районам страны.

Социально-экономическая обусловленность здоровья. Выявленные исследователями некоторые закономерности изменения здоровья населения в условиях научно-технической революции показывают, что они проявляются для разных социально-демографических групп не в одинаковой мере, например, в зависимости от характера труда (физического или умственного, интенсивности, нервно-эмоционального напряжения и т. д.), его технической вооруженности, отрасли производства, от возраста и пола, семейного состояния и наличия детей, места проживания, климатических условий, состояния окружающей среды и других характеристик. Это подчеркивает важность анализа названных тенденций применительно к республикам, поскольку между последними имеется определенная дифференциация их социально-экономического развития, а следовательно, и тенденции изменения здоровья не могут быть полностью идентичными.

В силу еще имеющихся различий между республиками в уровне развития производительных сил, темпах роста общественной производительности труда (в частности, в промышленности), энерговооруженности труда, в определенной мере отражающих развитие научно-технического прогресса (табл. 2.5.1), очевидно, для республик неодинаково стоит и проблема современной адаптации работника.

Республики еще различаются по уровню занятости преимущественно физическим и умственным трудом, по возрастному составу населения и обеспеченности трудовыми ресурсами, по жилищно-бытовым условиям, медицинскому обслуживанию и ряду других условий жизни, которые в той или иной мере влияют на восстановление работоспособности и в целом на здоровье населения. К этому прибавляется влияние различий в их природно-климатических условиях.

Все перечисленные факторы создают основу для

Таблица 2.5.1

Темпы роста производительности труда в промышленности (без промышленности колхозов) за 1970—1979 гг. и энерговооруженность труда в колхозах, межколхозных сельскохозяйственных предприятиях и совхозах в 1979 г. *

	Рост производительности труда в промышленности в 1979 г. по сравнению с 1970-г.	Приходится энергетических мощностей на одного работника в сельском хозяйстве в 1979 г. (лошадиных сил)
СССР	152	22,9
Белорусская	172	17,4
Азербайджанская	163	8,8
Грузинская	157	5,7
Эстонская	156	47,2
РСФСР	153	29,4
Литовская	152	33,0
Латвийская	150	34,3
Армянская	147	10,3
Молдавская	144	13,8
Украинская	143	16,8
Киргизская	139	14,1
Казахская	138	41,7
Узбекская	135	11,8
Туркменская	133	13,3
Таджикская	126	9,9

* Народное хозяйство СССР в 1979 г., с. 122, 151.

дифференцированных уровней и тенденций здоровья населения и его отдельных групп. Вместе с тем для различных республик в силу их разной обеспеченности трудовыми ресурсами экономическое значение потерь (при одинаковой социальной их значимости) от нездоровья, в первую очередь работающего населения, имеет разную остроту в текущий период и в ближайшей перспективе. Знание тенденций здоровья населения в территориальном аспекте намного расширит возможности социалистического общества влиять на них в нужном направлении. В настоящее же время основное внимание исследователями уделяется факторам здоровья, связанным не с территориальным аспектом, а с отраслевой, профессиональной принадлежностью работников.

В период роста интенсивных факторов производства расширение и углубление механизации и автоматизации труда связано с усилением нервно-эмоционального напряжения работников и необходимостью посто-

янного совершенствования условий для полноценного восстановления работоспособности, сохранения и укрепления здоровья. Благодаря этому все большее значение приобретает всесторонний анализ процесса воспроизводства рабочей силы с точки зрения его влияния на формирование здоровья подрастающего поколения, сохранение и укрепление здоровья работающего населения.

Являясь главной частью социально-экономических условий, воспроизводство рабочей силы оказывает влияние на заболеваемость и смертность, на наш взгляд, в двух аспектах, которые необходимо разграничивать. Эти аспекты по времени могут быть отдалены друг от друга или совпадать, что влияет на скорость снижения уровня и перестройки структуры причин заболеваемости и смертности. Преобладание силы действия того или другого направления определяет и общий уровень заболеваемости и смертности.

Первое направление заключается в том, что в связи с повышением уровня жизни сокращаются заболеваемость и смертность от заболеваний, имевших массовый характер при более низком социально-экономическом уровне развития. Особенно значительно уменьшаются заболеваемость и смертность, если экономический рост совпадает с медицинскими достижениями и внедрением их в практику здравоохранения.

Второе направление связано с тем, что с развитием крупного машинного, особенно высокомеханизированного, производства возрастает потребность работника в сохранении и укреплении своего здоровья, так как на этом этапе экономического развития при меньшем в целом уровне заболеваемости и смертности населения появляются сравнительно «новые» массово распространенные виды болезней и причины смертности, что можно объяснить следующим образом.

Потребности работника под влиянием роста интенсивности труда увеличиваются. Например, большая нервная и физическая напряженность труда должна быть компенсирована лучшим питанием, жилищными условиями и более полноценным отдыхом, медицинским и культурно-бытовым обслуживанием, увеличением фонда времени для отдыха и т. д. Все названные жизненные средства и условия должны быть современного качества. Если же необходимые для восстановления работоспособности условия (т. е. уровень потребления и фонд времени) отстают от затрат сил работника (т. е. уменьшается степень удовлетворения его потребностей) и такое положение сохраняется в течение сравнительно длительного периода времени, то этот фактор начинает сказываться на здоровье, а через него и на уровне заболеваемости и смертности работающего населения. Так как рабочая сила при таких обстоятельствах восстанавливается не полностью, а процесс труда требует прежнего или даже лучшего «качества» работника, то он по состоянию здоровья через определенный период может уже не отвечать требованиям производства. Если же неполное восстановление работоспособности сохраняется длительное время, то это может приводить к ухудшению здоровья населения.

Таким образом, исследуя механизм развития народонаселения или роль процесса воспроизводства рабочей силы применительно к здоровью в широком смысле, можно выделить две составляющие: 1. Улучшение здоровья под влиянием достижений медицины и системы здравоохранения, всегда направленных на снижение уровня заболеваемости и смертности; 2. Изменение этих показателей под влиянием условий труда (степени механизации, автоматизации, нервно-эмоциональной напряженности, организации труда и т. д.) и уровня благосостояния (питание, жилищные условия, благоустройство, фонд времени и т. п.).

Надо иметь в виду, что медицинские средства по борьбе с болезнями, выработанные в одних странах, становятся доступными другим странам, что приносит быстрый эффект от снижения числа заболеваемости и смертности. И этот фактор снижения заболеваемости и смертности, на наш взгляд, необходимо отличать от изменения уровня и структуры заболеваемости и смертности под влиянием социально-экономических достижений данной страны.

Известно, что чем выше общественная производительность труда в материальном производстве, тем больше высвобождается работников из материального производства для отраслей нематериальной сферы — здравоохранения, народного образования, культурно-бытового обслуживания. Более развитое материальное производство позволяет больше производить необходимого оборудования, медикаментов и т. д. для содержа-

ния лечебных учреждений, позволяет выделять средства на медицинские научные исследования.

В социалистическом обществе в период научно-технической революции рост материально-технической базы соответственно расширяет возможности все более полно удовлетворять потребности общества и самого населения в укреплении здоровья.

Однако при анализе состояния здоровья и определении путей его улучшения на современном этапе необходимо учитывать, что научно-техническая революция формирует не только новую материально-техническую базу, но и психоэмоциональную среду, что выражается во все большем распространении сердечно-сосудистых, психоневрологических, онкологических заболеваний.

Научно-технический прогресс оказал и продолжает оказывать влияние на все стороны жизнедеятельности человека: его психическое и физическое здоровье, профессиональные качества, характер и виды труда, формы общения, взаимосвязь с окружающей средой, производственную деятельность, ритм жизни в условиях города, сельской местности, быт и т. д.

В условиях научно-технической революции, представляющей собой качественно новый этап во взаимоотношениях человека и природы, общества и природы, следует обратить особое внимание на изучение механизма адаптации современного человека к изменяющейся производственной и экологической обстановке.

На современного человека, как никогда раньше, воздействует много факторов, обусловленных научно-техническим и социальным прогрессом: усиление нервной напряженности и интенсивности труда; возрастание умственных нагрузок за счет уменьшения физических; вредные агенты, связанные с развитием атомной и химической промышленности; отходы производства, изменяющие абиотическое и биохимическое окружение человека; увеличение шума, вибрации, температуры в производственных помещениях; урбанизация.

Процесс адаптации как особое состояние жизнедеятельности человека, уровень здоровья населения, количественные и качественные показатели заболеваемости — результат сложных взаимодействий человека с окружающей средой в ее социально-историческом развитии.

Проблема адаптации человека приобретает важное значение в связи с тем, что морфофизиологические особенности человека, сформировавшиеся в течение длительного периода эволюции, не могут приспособительно изменяться с такой же быстротой, с какой изменяются технологические процессы и окружающая среда. Несоответствие во времени между этими процессами может привести к возникновению своего рода «ножниц» между биологической природой человека, т. е. между его способностью к адаптации, и изменениями окружающей среды, что проявляется в различных патологических расстройствах.

Воздействие вышеупомянутых факторов на человека коренным образом изменило структуру заболеваемости и смертности как в СССР, так и в других экономически развитых странах. Если в начале XX в. ведущими были паразитарные и инфекционные эпидемические болезни, то в настоящее время на передний план вышли сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные новообразования, нервно-психические заболевания, травматизм.

Здоровье и болезни (заболеваемость) являются существенными характеристиками состояния как отдельного человека, так и населения в целом. Оба эти противоположных состояния связаны с адаптацией, поскольку здоровье — это не только отсутствие болезни, но и способность организма и личности быстро и своевременно приспосабливаться к изменяющейся социально-психологической и природно-экологической обстановке, к выполнению различных социально-биологических, в том числе и социально-трудовых функций. Чем лучше адаптируется человек к природным и социальным факторам, тем выше показатель общественного здоровья.

Различия в заболеваемости и смертности у разных групп населения, в том числе в региональном аспекте, показывают, что они зависят не столько от физиологических особенностей человека, сколько от социально-экономических и экологических факторов. Рядом исследований установлено, что заболеваемость у подростков, совмещающих работу с учебой, выше чем у неучащейся работающей молодежи, но бытовой травматизм выше у последних; больных с гипертонической болезнью больше среди телеграфисток, чем среди лиц других профессий, а в профессиональной группе учи-

телей чаще встречаются заболевания, связанные с состоянием голосовых связок, слуха, и различные невротические расстройства; более высокая заболеваемость наблюдается у женщин в многодетных семьях; инфаркт миокарда и атеросклероз встречаются у жителей крупных городов в 3 раза чаще, чем у сельских жителей, а у людей умственного труда в 5—11 раз чаще, чем у работников физического труда и т. д.[1]

На уровень сердечно-сосудистой заболеваемости оказывают влияние многие факторы. Одним из наиболее существенных является производственный фактор, который в значительной мере зависит от характера отрасли. Так, в РСФСР заболеваемость гипертонией у работников местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий, текстильной, легкой и пищевой промышленности выше среднереспубликанских показателей. Особенно высок уровень временной нетрудоспособности в связи с болезнями сердца у работников культуры, местной и коммунальной промышленности, автотранспорта и медицинских работников. В этих же отраслях вообще наиболее высока во всей временной нетрудоспособности доля сердечно-сосудистой заболеваемости[2].

Исследователи все чаще приходят к выводу о том, что с повышением уровня индустриализации рост таких заболеваний, как гипертония, нервно-психические расстройства, язва, экзема и др., самым тесным образом связан со значительным нервным напряжением человека, т. е. с неврогенным фактором[3]. «Главными поставщиками невротических расстройств» являются эмоции. По этому поводу академик П. И. Анохин писал, что одна из ошибок современной медицины

[1] См.: *Дичев Т. Г., Тарасов К. Е.* Проблема адаптации и здоровье человека. М., 1976; *Лисицын Ю. П., Кудрявцева Е. Н.* Комплексные социально-гигиенические и клинико-социальные исследования и их перспективы. — Здравоохранение РСФСР, 1978, № 1, с. 21.

[2] См.: *Кулагина Э. Н., Введенская И. И.* Территориальные и отраслевые аспекты сердечно-сосудистой заболеваемости. — Советское здравоохранение, 1981, № 3, с. 40.

[3] См.: *Петраков Б. Д.* Психическая заболеваемость в некоторых странах XX века. М., 1972, с. 300; *Лисицын Ю. П.* Социальная гигиена и организация здравоохранения, с. 458; *Бедный М. С.* и др. Характеристика заболеваемости городского и сельского населения, с. 254; *Чазов Е. И.* Век и сердце. — Правда, 1976, 18 мая и др.

заключается в том, что она долгое время сосредоточивала свое внимание на заключительной фазе болезни, когда на уровне ряда биохимических реакций в мозговом веществе уже резко нарушены адаптационные механизмы, которые суммируют до патологии все то, что переживает человек на протяжении всей жизни: кратковременные и длительные расстройства, отрицательные эмоциональные напряжения, вызванные конфликтами в семье, на работе, утомлением, стрессами[1].

Большинство исследователей, изучающих проблему причинности в медицине, отмечает, что один и тот же фактор (скажем, психическая перенапряженность) в зависимости от добавочных условий (например, наследственная предрасположенность, особенности питания, дурные привычки) может привести к различным заболеваниям (язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки, гипертонической болезни, психическому расстройству).

Тенденция роста нервного напряжения (и, следовательно, связанных с ним заболеваний) характерна для всех экономически развитых, в первую очередь капиталистических, стран. Она прослеживается за длительный период. Так, за 1900—1975 гг. в 15 капиталистических странах (Австралия, Англия и Уэльс, Бельгия, Дания, Италия, Канада, Новая Зеландия, США, Франция, ФРГ, Швейцария, Швеция, Шотландия, Япония) нервно-психические заболевания увеличились более чем в 4 раза, из них особенно возросло число случаев неврозов — в 24 раза (табл. 2.5.2).

В отличие от капиталистических стран в социалистических странах нервно-психические заболевания встречаются намного реже, но все же они растут. На период 1965—1975 гг. в СССР в ряде городских и сельских районов на 1000 человек населения приходилось 32,1 психических заболеваний; в Югославии — соответственно 27,7—34,5; в Польше — 31,3—37,6; в Чехословакии — 36,9—42,8[2].

Закономерность роста неврогенного фактора и связанных с ним заболеваний объективно обусловлена. На

[1] См.: *Анохин П. И.* Эмоциональное напряжение как предпосылка к развитию неврогенных заболеваний сердечно-сосудистой системы. — Вестник Академии медицинских наук, 1965, с. 6—10.

[2] См.: *Петраков Б., Рыжиков Г.* Закономерности распространения психических болезней в современном мире. М., 1976, с. 34.

Таблица 2.5.2

Число нервно-психических заболеваний в 15 капиталистических странах
(на 1000 человек населения) *

	1900—1929	1930—1940	1941—1945	1956—1975
Всего нервно-психических заболеваний	30,4	42,1	66,2	127,6
в том числе:				
психозы	7,4	8,5	9,2	18,2
неврозы	2,4	5,1	27,2	58,1
расстройства личности	20,6	28,4	30,4	51,3

* *Петраков Б., Рыжиков Г.* Закономерности распространения психических болезней в современном мире, с. 19.

ритмы адаптации особо большое влияние оказывает характер труда в условиях механизации и автоматизации. Механизированный и автоматизированный труд, как известно, значительно уменьшает физическую активность работников не только интеллектуального труда (интеллигенция и ИТР), но и квалифицированных рабочих. В результате создается диспропорция между высокой активностью высших центров головного мозга и пассивностью центров, управляющих мышечной деятельностью. Такая диспропорция повышает нервно-эмоциональную напряженность и стрессовые факторы.

В этом же направлении действуют утомляемость в условиях автоматизации от монотонного труда, напряженность производственных ритмов, быстрая смена информации, конфликты в трудовом коллективе и дома, шум и профессиональные вредности, транспортная усталость, алкоголь и т. д. В капиталистических странах к этим факторам прибавляются еще и такие социально-экономические и политические факторы, как безработица, инфляция, жилищный кризис, рост преступности и т. п.

Таким образом, механизация и автоматизация наряду с огромными преимуществами (существенное облегчение физического труда, повышение производительности труда, интеллектуализация труда и др.) несет в себе и определенные отрицательные элементы. И одна из важных задач ученых — выявить эти отрицательные стороны и научиться предвидеть и по возможности предотвращать их последствия.

Нервная напряженность труда в связи с автоматизацией развивается прежде всего в отраслях с непрерывным технологическим процессом и завершенной комплексной механизацией (эти отрасли легче переводить на полную автоматизацию) — химической, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности, теплоэлектроцентралях, в металлургии, машиностроении, промышленности стройматериалов. В ряде других отраслей, где работники имеют дело со сложными механизмами или подвижными машинами, с повышенным ритмом работы и вниманием, ответственностью, характер труда похож на автоматизированный: водители тепло- и электровозов на метрополитене, шоферы автомашин, пилоты, операторы на пультах управления и диспетчеры на железных дорогах, метрополитене, аэропортах и др., а также машинисты торфоуборочных, бурильных машин, экскаваторов, трактористы на тракторах и других сельскохозяйственных машинах повышенных скоростей и мощностей, машинисты различных механизмов в строительстве и т. д.

Перечисленные виды труда вызывают у работников изменения в функциях центральной нервной системы и сердечно-сосудистой системы [1]. Это проявляется в нарастании утомления в течение рабочего дня, преобладании процесса торможения в коре полушарий мозга, замедлении восстановления биоэлектрической активности коры мозга, снижении внимания, увеличении числа ошибочных реакций работников и т. д.

Исследователи отмечают, что степень неблагоприятных изменений функций организма в процессе труда зависит прежде всего от напряженности труда, которая определяется объемом воспринимаемой и перерабатываемой информации, а также влиянием эмоциональных факторов [2].

Изменения в состоянии здоровья рабочих, занятых на механизированных и автоматизированных производствах, еще мало изучены. Для предприятий данного

[1] См.: Физиология труда; Материалы Всесоюзной конференции по физиологии труда. М., 1967; *Киколов А. И.* Умственно-эмоциональное напряжение за пультом управления. М., 1967; *Ретнев В. М.* Проблемы гигиены труда при комплексной автоматизации. Л., 1971; *Он же.* Гигиена труда на автоматизированных производствах. Л., 1974 и др.

[2] См., например: *Ретнев В. М.* Проблемы гигиены труда при комплексной автоматизации, с. 48.

типа характерно возрастание роли не только характера самого трудового процесса, но и его воздействия в сочетании с различными производственными факторами, интенсивность которых нередко не превышает установленных гигиенических нормативов. Однако и в данной ситуации отдельные факторы, в частности шум, могут оказывать неблагоприятное влияние, которое суммируется с воздействием напряженного труда. Поэтому особую значимость приобретает изучение совокупного влияния на организм работающих вредных факторов с последующей их дифференциацией.

Воздействие на организм нервно-эмоционального напряжения в сочетании с гиподинамией на фоне уменьшения интенсивности вредного воздействия химических и физических факторов обусловливает преобладание неспецифических изменений в различных системах и органах человека (неврозы, гипертоническая, ишемическая болезни и др.), отделить которые от аналогичных заболеваний по другим причинам нередко весьма сложно.

Рост механизации, автоматизации, химизации современного производства существенно влияет на окружающую среду, в которой непосредственно протекает как процесс труда, так и отдых современного человека. Это является дополнительным фактором, порожденным научно-техническим прогрессом, влияющим на изменение здоровья населения. Поэтому влияние экологического фактора в нашей стране все больше берется под контроль общества. В решениях XXVI съезда КПСС намечено «совершенствовать технологические процессы и транспортные средства с целью сокращения выбросов вредных веществ в окружающую среду и улучшения очистки отходящих газов от вредных примесей»[1].

Изучение состояния здоровья людей в условиях современного производства на обширной территории нашей страны вызывает необходимость выделять и влияние социально-демографического фактора. Это позволит всесторонне оценить пути и возможности социалистического общества управлять такой важной качественной характеристикой населения, как здоровье и работоспособность, более дифференцированно подходить к здоровью разных социально-демографических групп.

Здоровье работающих женщин-матерей в период научно-технической революции. НТР предъявляет повышенные требования к росту образования, профессионального и общекультурного уровня, сохранению здоровья женщины-матери, без которого невозможно развитие населения в целом.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 184.

От здоровья семейной женщины зависят физические возможности развития работоспособности, профессионального уровня как ее самой, так и в определенной степени формирование качественных характеристик (здоровье, воспитание и т. д.) ее детей[1]. Здоровье женщины непосредственно воздействует и на ее репродуктивную деятельность[2]. Поскольку в период НТР в нашем обществе растут требования к развитию населения, то все более усиливается и значение здоровья женщин-матерей.

Нервное напряжение и утомление работников в результате труда на сложных машинах, механизмах и т. д. может еще больше усиливаться, если и дома человек не освобождается от него. По этому поводу некоторые исследователи делают совершенно определенный вывод, что «постоянное нервно-эмоциональное напряжение на работе, если оно не прекращается и дома, постепенно может привести к перенапряженному состоянию организма. Такое состояние в дальнейшем является фундаментом для возникновения невротических состояний и сердечно-сосудистых заболеваний»[3].

Указанные обстоятельства нередко имеют место в семьях с детьми, где нагрузка родителей по уходу и воспитанию детей в современный период все увеличивается.

Исследование медиков, проведенное в 1967—1970 гг. на большом числе наблюдений с целью выявления со-

[1] См.: *Архипов Г. П., Беляева Г. Г.* Особенности здоровья родителей и детей в семьях сельских жителей. — Советское здравоохранение, 1977, № 8, с. 33—36; *Каланча Р. И.* Влияние состояния здоровья родителей на здоровье детей первого года жизни. — Советское здравоохранение, 1977, № 5, с. 41—45.

[2] См.: *Зотина Р. К.* Влияние состояния здоровья женщин на формирование семьи. — В кн.: Сборник научных работ по гигиене женского труда. Ростов-на-Дону, 1975, с. 10—11; *Маченене Л. Р.* Некоторые медико-социальные аспекты рождаемости. Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1974, с. 11.

[3] *Ретнев В. М.* Проблемы гигиены труда при комплексной автоматизации, с. 63; *Киколов А. И.* Умственно-эмоциональное напряжение за пультом управления. М., 1967.

циальной обусловленности нервных заболеваний, показывает, что у городских женщин в возрасте 21—35 лет наибольшая выраженность признаков невротических состояний связана с периодом замужества, производственной деятельности, материнства, жизненных стрессов в связи со становлением семьи, воспитанием детей. У мужчин также наибольшая невротизация приходится на возраст 26—35 лет и исследователи отмечают те же причины, что у женщин. Причем у женщин наблюдаются в 1,5 раза сильнее признаки невротических реакций по сравнению с мужчинами [1], что исследователи объясняют не только особенностями нервной системы женщин, но и нагрузкой домашними заботами и воспитанием детей.

Исследования выявляют определенное изменение не только в состоянии нервной системы, но и некоторых других показателей здоровья женщин-матерей, особенно при рассмотрении их на каждом последующем этапе жизненного цикла женщины. Тенденции по показателям здоровья женщин-матерей повторяют тенденции в области их профессионального роста. В данном случае разные качественные стороны развития этой большой социально-демографической группы порождены общей основой — нехваткой времени и увеличенной нагрузкой женщин по работе и дому.

В результате увеличения семейно-бытовой нагрузки при рождении ребенка у работающей матери происходит постепенное накопление физических и нервно-эмоциональных нагрузок, получаемых на производстве и дома, и возникает перенапряженное состояние организма, понижающее его защитные функции. Последнее может вызывать повышение заболеваемости работающих женщин-матерей по сравнению с женщинами, не имеющими детей, т. е. негативную сторону семейно-бытовой функции женщин на данном этапе.

Влияние семейно-бытовой функции на состояние здоровья работающей женщины-матери установлено рядом исследователей. Относительно подробно она исследована лишь с социально-гигиенической стороны [2].

[1] См.: Условия формирования и пути предупреждения неврозов и аномалий личности. М., 1972, с. 67—68.

[2] См.: *Козлов А. С.* Комплексное социально-гигиеническое изучение условий труда, быта и состояния здоровья женщин-работниц промышленного предприятия. — В кн.: Социально-гигиенические ис-

Требуется еще более развернутое и углубленное изучение зависимости состояния здоровья работающей женщины от ее детности (наличия, числа, очередности и возраста детей).

Для проведения такого исследования были использованы материалы выборочного обследования рабочих химического объединения «Фосфорит» в г. Кингисеппе [1], которые мы использовали также при анализе профессионального роста женщины по этапам жизненного цикла (см. гл. 2, § 4).

Несмотря на специфику условий химического производства, выявленные нами особенности влияния семейно-бытовой функции на состояние здоровья работающих женщин совпадают с тенденциями, установленными другими исследователями.

Хотя в обследовании мы не учитывали дни невыхода женщины на работу из-за болезни ребенка, дополнительный анализ показал, что удельный вес таких невыходов на работу по больничным листам составляет в среднем за два исследуемых года одну треть случаев и пятую часть дней нетрудоспособности всех рабочих предприятия по болезни и уходу за больными [2].

При рассмотрении влияния семейно-бытовой функции на состояние организма работающей женщины надо учитывать, безусловно, не только ее семейное положение и наличие детей, но и условия, в которых протекает выполнение этой функции: материальный доход семьи, квартирные условия, коммунальные удобства, качество

следования/Под ред. Ю. П. Лисицына. М., 1970, с. 56; *Волков З. А., Гурвич Е. Б.* Опыт исследований производственной и семейно-бытовой нагрузки на организм женщины. — В кн.: Вопросы эпидемиологии и гигиены в Литовской ССР. Материалы республ. научн. конференции. Вильнюс, 1978, с. 33 и др.

[1] Обследовано в 1978 г. 516 рабочих, из них 217 женщин. Данные о числе случаев нетрудоспособности по болезни и продолжительности этой нетрудоспособности брались за весь предшествующий обследованию год (т. е. 1977 г.). Учитывалась вся заболеваемость за 1977 г. в целом и с разбивкой по отдельным видам. В своем анализе мы выделили два наиболее распространенных заболевания — сердечно-сосудистое и простудное. Нетрудоспособность по уходу за больными членами семьи при сборе данных исключалась.

[2] Наши результаты согласуются с выводами исследователей о еще значительных потерях дней нетрудоспособности по уходу за больными детьми.

и регулярность питания, помощь других членов семьи, моральный климат в семье и др.[1]

Связь между семейно-бытовой функцией и состоянием здоровья женщины мы выражали при анализе изменением числа случаев и продолжительности заболеваний. В отличие от других показателей здоровья (средней продолжительности жизни и физического развития)[2] этот показатель дает представление об изменении физического состояния не за длительные периоды времени, равные продолжительности всей жизни или ее отдельных этапов, а за сравнительно короткие промежутки, в частности внутри этапа репродуктивной деятельности женщины.

У женщин-матерей, имеющих несовершеннолетних детей, заболеваемость выше, чем у бездетных женщин (при сравнении женщин одинаковых возрастных групп). Причем заболеваемость работниц, по нашим данным, в большей степени зависит от наличия детей, чем от изменения возраста женщины. Надо отметить, что заболеваемость (число случаев и длительность заболевания) женщин-матерей возрастает с увеличением числа детей.

На характер заболевания матери и его длительность влияет также и возраст детей: чем меньше по возрасту ребенок, тем работающая мать больше болеет. Это можно объяснить тем, что наличие детей дошкольного возраста увеличивает объем домашнего труда у женщины и она больше устает. Вследствие этого снижается защитная функция организма, что способствует повышению простудной заболеваемости. С возрастом ребенка и матери удельный вес простудных заболеваний уменьшается и возрастает доля сердечно-сосудистых, поскольку дети старшего возраста требуют больше нервно-психического напряжения, связанного с возрастанием воспитательной деятельности матери.

[1] Влияние названных факторов на здоровье работающей женщины см.: *Александрова М. Б., Тимофеева И. А.* Социально-гигиеническая характеристика некоторых условий быта рабочих текстильного предприятия. — В кн.: Социально-гигиенические исследования. М., 1970.

[2] См.: *Мерков А. М., Бедный М. С., Шаталов А. Т.* Социально-демографические изменения и здоровье населения. — В кн.: Общество и здоровье человека, с. 135.

Исследователи отмечают, что семейный статус работающей женщины влияет на ее самочувствие и в рабочее время. Наши данные показывают непосредственную зависимость состояния здоровья (выраженного показателями их самочувствия) работающей женщины от наличия у нее детей[1]. Особенно влияет на здоровье женщины появление в семье первого ребенка (табл. 2.5.3).

Таблица 2.5.3

Самочувствие работниц к началу и концу рабочего дня в зависимости от наличия, числа и возраста детей
(% ко всем работницам данных групп)

	Не имеющие детей	Имеющие детей						
		всего	1-го ребенка		2-х детей		3-х детей	
			всего	из них в возрасте до 7 лет	всего	из них в возрасте до 7 лет	всего	из них в возрасте до 7 лет
К началу рабочего дня								
хорошо отдохнувшие	69	33	34	33	33	23	22	—
умеренно отдохнувшие	31	66	66	67	63	62	78	—
не отдохнувшие	—	1	—	—	4	15	—	—
К концу рабочего дня								
сильно уставшие	—	27	19	16	36	33	33	—
умеренно уставшие	89	73	81	84	64	67	67	—
не уставшие	11	—	—	—	—	—	—	—

Послерабочий отдых женщин также зависит от наличия у нее детей, их возраста. В каждой возрастной группе работницы с детьми отдыхают дома хуже, чем их ровесницы без детей (табл. 2.5.3), и чем старше дети, тем мать лучше отдыхает дома и меньше устает на работе. Эта тенденция сохраняется у работниц с любым числом детей. Работницы, не отдохнувшие дома, — это, как правило, матери детей дошкольного возраста.

Самочувствие женщин перед началом работы еще в большей степени зависит от их домашнего отдыха, детности, числа и возраста детей.

Самочувствие женщин начинает изменяться уже после замужества, когда появляется своя семья, до-

[1] См.: *Котляр А. Э., Турчанинова С. Я.* Занятость женщин на производстве, с. 123.

машнее хозяйство. Так, по данным А. Э. Котляра и С. Я. Турчаниновой, самочувствие к концу рабочего дня лучше у незамужних, чем у вдов и разведенных: если среди незамужних умеренную усталость испытывает 61 %, то среди замужних — 49 % и среди вдов и разведенных — 47 %. Замужние, вдовы и разведенные чаще чувствуют сильную усталость — 49 %, а незамужние значительно реже — 31 % [1].

При переходе к следующему — материнскому этапу жизни с появлением детей самочувствие замужней работающей женщины перед началом и к концу работы на производстве ухудшается, причем наиболее заметно с появлением первого ребенка. Увеличение домашнего труда с появлением в семье первого ребенка, очевидно, приводит и к росту заболеваемости женщин, имеющих первого ребенка, по сравнению с работницами без детей. С появлением первого ребенка увеличивается длительность заболеваний женщин-матерей по сравнению с бездетными. Это изменение на первом этапе материнства оказывается более заметным, чем при рождении второго или третьего ребенка.

Совмещение женщиной-матерью работы в общественном производстве и ведения домашнего хозяйства в современный период ускорения технической вооруженности, интеллектуализации труда, роста нервно-эмоционального фактора приобретает более актуальное значение, чем прежде. Именно поэтому XXVI съезд КПСС обратил внимание на необходимость усиления «заботы о семье, молодоженах и прежде всего о женщине» [2].

Социально-экономическое значение снижения заболеваемости. В современных условиях в системе социальных ценностей здоровье является не только личным достоянием человека, но и общественным богатством, одним из показателей и составляющих элементов уровня благосостояния населения.

На XXV и XXVI съездах партии особое внимание было уделено вопросам здоровья советского человека: «Характерная черта нашего общества — забота о здоровье людей... На первый план сегодня выдвигается повышение качества медицинского обслуживания, а

[1] См.: *Котляр А. Э., Турчанинова С. Я.* Занятость женщин на производстве, с. 123.

[2] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54.

оно определяется применением в медицинской практике научно-технических достижений современных методов диагностики и лечения, эффективных лекарственных препаратов» [1].

В условиях научно-технического прогресса возрастает социально-экономическая ценность здоровья человека. Чем выше технический уровень производства и профессиональный уровень трудящихся, тем больший социальный и экономический ущерб наносит болезнь человека обществу и самому заболевшему.

Среди комплекса факторов, влияющих на уровень производительности труда, а тем самым и на социально-экономический прогресс общества, большую и все возрастающую роль играют здоровье трудящихся, уровень их трудоспособности, особенно в связи с меньшей обеспеченностью в 80-е годы трудовыми ресурсами. «В условиях 80-х годов особое значение приобретает бережное, экономное отношение к трудовым ресурсам. Это — дело сложное, требующее решения многих задач экономического, технического, социального, воспитательного характера» [2].

Следует подчеркнуть возрастающую роль экономического аспекта здоровья как важной качественной характеристики населения. При этом особенного внимания заслуживает работоспособность экономически активного населения.

Состояние здоровья этой части населения все больше будет влиять на функционирование трудовых ресурсов. Совершенно очевидно, что чем меньше дней теряется из-за временной нетрудоспособности, чем меньше работников выходит на инвалидность и, тем более, чем меньше умирает в работоспособном возрасте, тем быстрее растет общественная производительность труда, эффективнее развивается производство.

От доли болеющих и нуждающихся в медицинской помощи в немалой степени зависят расходы общества на содержание соответствующего контингента медицинских работников, на строительство необходимой сети учреждений здравоохранения и сопряженных со здравоохранением других отраслей производства.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 105—106.

[2] Там же, с. 41.

В современных условиях значение здоровья трудящихся как фактора экономического роста возрастает прежде всего в связи со всесторонней интенсификацией общественного производства.

Исключительно важное значение в условиях интенсификации производства приобретает рациональное использование рабочего времени, изыскание резервов экономии, борьба с различными непроизводительными целодневными и внутрисменными потерями. Главным резервом в материальном производстве нашей страны является снижение заболеваемости работников с временной потерей трудоспособности. Невыходы на работу в связи с болезнью составляют до $^3/_4$ всех невыходов на работу (без учета очередных отпусков). Состояние здоровья сказывается и на использовании внутрисменного фонда рабочего времени, отражается на работоспособности, а следовательно, и на производительности труда.

Экономическое значение здоровья работников можно рассматривать в трех аспектах: 1) народного хозяйства; 2) предприятия; 3) семьи. На каждом из этих уровней есть свои экономические показатели и критерии оценки, тесно взаимосвязанные между собой. Наиболее четко это проявляется в связи с трудоспособностью. Временная или полная утрата трудоспособности в результате заболеваемости приносит экономический ущерб самому больному, предприятию, обществу.

Народнохозяйственная экономия в результате снижения заболеваемости трудящихся связана прежде всего с сокращением потерь рабочего времени из-за болезни. Несмотря на большие успехи в области охраны здоровья трудящихся, потери рабочего времени по болезни еще остаются большими, что приносит значительный экономический ущерб, отрицательно сказывается на развитии общественного производства. Данные статистики показывают, что ежегодно из-за болезней теряется примерно 320—330 тыс. среднегодовых работников, что в 1974 г., например, означало «недополучение» страной продукции на 2,5—3 млрд. руб.[1] Таким образом, здоровье как фактор производительности труда должно быть признано и одним из критериев эффективности общественного производства. При таком подходе здоровье людей должно учитываться как один из важнейших резервов людских ресурсов, что особенно актуально в условиях дефицита рабочей силы.

[1] Советское здравоохранение, 1977, № 10, с. 15.

Данные, характеризующие заболеваемость работников отдельных предприятий различных отраслей народного хозяйства в рабочих днях, позволяют сделать вывод, что из 100 работающих примерно 2—6 условно-годовых единиц в течение года не работают из-за болезни[1]. Если принять в качестве усредненного показателя 3, то, например, в 1979 г. из 99,2 млн. рабочих и служащих[2] (без учета занятых в сельском хозяйстве) было выключено из народного хозяйства около 3 млн. человек.

При сохранении такой ситуации каждый трудящийся, достигший 16 лет, потеряет по болезни за весь период труда более года. Если эти данные перенести на лиц, вступающих в трудоспособный возраст в 1980—1985 гг., то общие трудовые потери этой когорты за весь трудоспособный период составят миллионы условно-годовых работников.

Значительное место среди причин смертности и заболеваемости занимают болезни сердечно-сосудистой системы. Необходимо учитывать, что продолжительность временной нетрудоспособности при сердечно-сосудистых заболеваниях больше по сравнению с другими болезнями: например, в 1977 г. при гипертонической болезни — на 16,4 %, а при ишемической болезни сердца — на 77,6 %[3].

Заболеваемость сердечно-сосудистыми болезнями и их удельный вес в общей временной нетрудоспособности в различных республиках, краях, областях страны существенно различаются. Так, если в среднем по СССР за 1974—1977 гг. временная нетрудоспособность в днях в связи с сердечно-сосудистыми заболеваниями составляла 6,78 % от временной нетрудоспособности по всем болезням, то в РСФСР — 7,26 %.

[1] См.: *Анохин А. В.* Медицинская демография и проблема трудовых ресурсов. — Здравоохранение РСФСР, 1978, № 6, с. 10—11.

[2] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1979 г., с. 387.

[3] См.: *Кулагина Э. Н., Введенская И. И.* Территориальные и отраслевые аспекты сердечно-сосудистой заболеваемости. — Советское здравоохранение, 1981, № 3, с. 39.

Экономические потери от заболеваемости включают недопроизведенную новую стоимость, выплаты пособий по временной нетрудоспособности за счет средств социального страхования и затраты государства на амбулаторное и стационарное лечение больных. В 1979 г. один работающий в народном хозяйстве нашей страны за фактически отработанный рабочий день производил на 14,8 руб. национального дохода, а среднедневные выплаты по листкам временной нетрудоспособности составляли около 6 руб. Отсюда экономические потери (по данным Э. Н. Кулагиной и И. И. Введенской), обусловленные одним случаем заболевания гипертонической болезнью, при продолжительности временной нетрудоспособности 13,5 дня составляют 210 руб., а потери при ишемической болезни сердца, средняя длительность нетрудоспособности которой 20,5 дня, достигают 320 руб. (без учета затрат на лечение). В то же время значительная часть больных сердечно-сосудистыми заболеваниями нуждается в стационарном лечении, стоимость которого возрастает. Так, стоимость одного койко-дня в сердечно-сосудистых отделениях многих больниц составляет более 10 руб. Таким образом, снижение заболеваемости даже от двух причин — гипертонической и ишемической болезни сердца — имеет не только большое медицинское, социальное, но и экономическое значение.

Неблагоприятные сдвиги в состоянии здоровья являются причиной значительных профессиональных ограничений подрастающего поколения, причем рост профессиональных ограничений отмечается в целом ряде массовых профессий. Так, по данным ленинградских ученых, к работе судосборщиками не допускались 35 % юношей и девушек, столько же — к специальности маляра и штукатура, более 15 % — к работе операторами ЭВМ; 15 % подростков не имели допуска к работе радиомонтажниками, сборщиками радио и телефонной аппаратуры. Более 42 % девушек не допускались к профессиям швейного производства [1].

В последние годы наряду с углублением изучения профессиональных заболеваний все большее значение приобретает выяснение роли конкретных производственных условий в формировании общей заболеваемости работающих и заболеваемости с временной утратой трудоспособности. Изучение здоровья коллектива конкретного предприятия является весьма важным условием для выявления закономерностей, свойственных формированию уровня здоровья специфических производственных групп, что позволяет наметить пути профилактики их заболеваемости.

Поскольку промышленные рабочие являются ведущей общественной группой, проводится углубленное изучение заболеваемости рабочих различных отраслей промышленности с целью выработки рекомендаций по организации медицинского обслуживания и профилактике заболеваемости.

Исследование, проведенное на Рязанском картонно-рубероидном заводе [1], показало, что динамика заболеваемости с временной утратой трудоспособности за период с 1970 по 1976 г. имела неблагоприятную тенденцию. Эта тенденция определялась прежде всего ростом заболеваемости гриппом и острыми респираторными заболеваниями, болезнями нервно-периферической системы, костно-мышечной системы, инфекциями кожи и подкожной клетчатки. Исследование показало, что заболеваемость с временной утратой трудоспособности является серьезным экономическим фактором, приносящим большие потери государству и предприятию. Так, экономический ущерб вследствие заболеваемости на картонно-рубероидном заводе составил за 3 года более 2 млн. руб. Экономический урон от повышения уровня только простудных заболеваний составил около 120 тыс. руб.

В исследовании, проведенном С. Ф. Григорьевым [2], также сделана попытка проанализировать экономические аспекты заболеваемости с временной утратой трудоспособности на ведущих заводах Томска. Так, экономический ущерб на манометровом заводе (недовыпуск товарной продукции) за каждые 3 года по при-

[1] См.: *Толоконцев Н. А.* Проблемы здоровья с социально-экономических позиций. — Советское здравоохранение, 1981, № 7, с. 13.

[1] См.: *Анохин Л. В., Спицына Т. Я.* Изучение влияния производственно-профессиональных факторов на заболеваемость с временной утратой трудоспособности. — Здравоохранение РСФСР, 1980, № 1, с. 16—18.

[2] См.: *Григорьев С. Ф.* Временная нетрудоспособность по болезни и экономика промышленных предприятий. — В кн.: Социально-гигиенические аспекты заболеваемости населения. Томск, 1975, с. 269—272.

чине болезни рабочих превышал 1 млн. руб. На заводе режущих инструментов «ТИЗ» — около 2,5 млн. руб., а на ГПЗ-5 ущерб ежегодно исчисляется 900—950 тыс. руб. К этим суммам надо добавить сотни тысяч рублей, выплачиваемых из средств соцстраха. Если на указанных предприятиях сократить заболеваемость до уровня среднесоюзных показателей, что соответствовало бы снижению на 15—20 %, то экономический эффект дополнительно произведенной товарной продукции выразился бы суммой в 300—350 тыс. руб.

Заболеваемость сказывается не только на выпуске продукции. Она заметно влияет и на производительность труда в целом по предприятию. На заводах режущих инструментов и манометровом показатели производительности труда колеблются в зависимости от потерянных рабочих дней по различным причинам от 7 до 18 %.

Одним из резервов повышения производительности труда является также снижение заболеваемости детей, которое влечет за собой сокращение временной нетрудоспособности матерей в связи с уходом за больными детьми. Удельный вес временной нетрудоспособности матерей в связи с уходом за больными детьми довольно значителен. Так, в 1976 г. в промышленности Калининской области он составил 14,3 % всей временной нетрудоспособности[1]. Нетрудоспособность же по уходу за детьми особенно велика среди работниц текстильной и легкой промышленности в связи со значительным преобладанием женщин в этих видах производства.

Значительна пока и заболеваемость такими инфекционными заболеваниями, как ветряная оспа, эпидемический паротит, скарлатина и корь. Стоимостное значение экономических потерь от одного случая заболеваемости каждой из указанных инфекций составляет несколько десятков рублей. В городах среднегодовая нетрудоспособность матерей в связи с инфекционными заболеваниями детей, в целом по стране превышает 7 млн. дней. В детских учреждениях и школах страны ежегодно не используется около 30 млн. место-дней. Суммарные же экономические потери от заболеваемости указанными инфекциями превышают 100 млн. руб. в год[1].

[1] См.: *Готлиб В. О.* и др. Материалы о временной нетрудоспособности матерей в связи с уходом за больными детьми в Калининской области. — Советское здравоохранение, 1978, № 6, с. 54.

В результате страна несет значительный экономический ущерб из-за недовыпущенной продукции в связи с нетрудоспособностью матери, ухаживающей за больным ребенком.

Признавая большую, прежде всего социальную, а также экономическую значимость здоровья подрастающего поколения, XXVI съезд КПСС наметил в одиннадцатой пятилетке больше внимания уделять «предупреждению заболеваний, диспансеризации населения, прежде всего детей»[2].

Существующий уровень временной нетрудоспособности далек от минимально возможного. Зачастую на предприятиях одной и той же отрасли промышленности, имеющих сходный возрастно-половой состав работающих и ряд других общих характеристик, показатели заболеваемости колеблются в довольно широких пределах. Практика показывает, что принципиально возможно путем реализации комплекса мероприятий социального, организационного и медицинского характера снизить уровень трудовых потерь на предприятиях с максимальными показателями до среднеотраслевых. Расчеты, основанные на примере заводов синтетического каучука, свидетельствуют не только о реальности этого, но и о полученном при этом весьма ощутимом эффекте.

Изменение показателей трудовых потерь на заводах синтетического каучука *

	1962 г.	1972 г.
Число дней нетрудоспособности на 100 работающих:		
максимальный уровень	895,8	750,6
среднеотраслевые показатели	786,9	640,3
минимальный уровень	489,7	586,5
Среднеотраслевые трудовые потери за год, условно-годовые рабочие	944	768

* *Анохин А. В.* Медицинская демография и проблема трудовых ресурсов. — Здравоохранение РСФСР, 1978, № 6, с. 12.

[1] См.: *Ткачева М. Н., Лобанова Е. А., Хроменкова В. П.* Об оценке экономических потерь, связанных с заболеваниями некоторыми детскими капельными инфекциями. — Советское здравоохранение, 1978, № 3, с. 34—37.

[2] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 106.

Как видно, среднеотраслевые показатели числа дней нетрудоспособности по всем причинам за 10 лет заметно снизились за счет значительного уменьшения заболеваемости на предприятиях с повышенным уровнем временной нетрудоспособности. Это дало эффект в виде сохранения десятков тысяч рабочих дней.

Таким образом, приведенные расчеты свидетельствуют о существенном влиянии уровня здоровья населения на экономику страны.

Временная нетрудоспособность колхозников также является одной из основных причин потерь рабочего времени в сельском хозяйстве. Экономический ущерб от одного дня временной утраты трудоспособности работника совхоза Казахстана в 1969—1971 гг. составил в среднем 20,36 руб., включая среднегодовую выработку, выплаты по соцстраху и расходы на лечение. Общие материальные потери за указанные годы в животноводческих совхозах Кокпетинского района Семипалатинской области составили 1032 тыс. руб. В связи с заболеваемостью совхозы недодали продукции почти на 700 тыс. руб.[1]

Заболеваемость механизаторов и животноводов по сравнению с другими профессиональными группами выше. При этом животноводы чаще болеют ОРЗ, что свидетельствует о воздействии на них неблагоприятных метеорологических факторов, у механизаторов наиболее высок уровень травматизма. На долю травматизма (бытового и производственного) у работников 10 совхозов Тульской области в среднем за 1963—1965 гг. пришлось 14,7 % всех случаев и 20,8 % всех дней нетрудоспособности[2].

На уровень сельскохозяйственного травматизма оказывают влияние многие факторы, особенно условия труда, соблюдение техники безопасности, состояние сельскохозяйственной техники, дорог и организация движения, организация медицинского обслуживания тружеников села. Особое внимание должно уделяться борьбе с алкоголизмом, который нередко является причиной травматизма не только в быту, но и на производстве. По данным Н. Я. Копыт[1], уровень травматизма у рабочих совхозов, употребляющих алкоголь, выше, чем у рабочих, которые не употребляют алкоголь. На 100 мужчин, употребляющих алкоголь, приходится 6,1 случая временной нетрудоспособности по поводу травм, а на 100 мужчин, не употребляющих его или употребляющих редко, — только 1,9 случая.

Изучение временной нетрудоспособности чабанов и представителей других профессиональных групп рабочих восьми совхозов Бухарской области за 1976—1978 гг. показало[2], что особенностью структуры заболеваемости является то, что наибольший удельный вес у обеих производственных групп занимают болезни желудочно-кишечного тракта. Чабаны чаще страдают заболеваниями печени, поджелудочной железы, кишечными инфекциями, заболеваниями глаз, но реже — туберкулезом, болезнями органов дыхания, системы кровообращения. У них реже встречаются несчастные случаи, отравления и травмы, болезни кожи, костно-мышечной системы. Причинами относительно высокого уровня заболеваемости желудочно-кишечного тракта и органов дыхания являются сезонность сельскохозяйственных работ, недостаточно хорошие санитарно-гигиенические условия труда и быта, отсутствие регулярного рационального питания.

Надо отметить, что представление о состоянии здоровья основной трудоспособной части населения, занятой в общественном производстве, дает не только заболеваемость с временной утратой трудоспособности, но и данные по инвалидности. Социально-гигиеническое значение инвалидности определяется тем значительным ущербом, который она наносит здоровью населения и экономике страны. Так, по Краснодару в 1971 г. инвалидность сокращала период трудоспособности у мужчин на 3,06 года, а у женщин — на 1,53 года[3]. В 1971 г. уровень первичной инвалидности

[1] См.: *Петров П. П., Смольникова Л. Г., Зражевский В. Н.* Заболеваемость с временной утратой трудоспособности длительно и часто болеющих работников совхозов и ее экономическая оценка. — Советское здравоохранение, 1978, № 5, с. 32.

[2] См.: *Копыт Н. Я.* Опыт организации медико-санитарной помощи рабочим совхозов. М., 1971, с. 79—82.

[1] См.: *Копыт Н. Я.* Опыт организации медико-санитарной помощи рабочим совхозов, с. 91.

[2] См.: *Менликулов П. Р.* Заболеваемость чабанов отгонных пастбищ. — Советское здравоохранение, 1981, № 3, с. 31.

[3] См.: *Нестеров В. А.* Статистика инвалидности. М., 1977, с. 150.

составил 37,9 на 10 000 работающих (44,2 — у мужчин, 32,2 — у женщин). Основные различия в структуре причин инвалидности мужчин и женщин в Краснодаре определяли травмы и новообразования [1].

(% к итогу)

Причины инвалидности	Мужчины	Женщины
Травмы	20,2	8,7
Болезни системы кровообращения	20,1	23,9
Новообразования	10,5	24,6
Болезни нервной системы и органов чувств	9,9	7,2
Болезни органов пищеварения	9,0	4,2
Психические расстройства	7,2	10,2

При сравнении показателей общей инвалидности (на 10 000 работающих) оказалось, что у рабочих и служащих, включая работающих в совхозах, эти показатели выше у мужчин, а у колхозников — наоборот. В целом же уровень общей инвалидности при всех без исключения заболеваниях у колхозников ниже, чем у рабочих и служащих.

Одним из важнейших факторов, определяющих социальную значимость инвалидности, является возраст, в котором она наступает. При этом обращает на себя внимание высокий процент инвалидов пенсионного возраста среди колхозников. Если у рабочих и служащих сельской местности он составил 25,8 %, у рабочих совхозов — 20,8, рабочих и служащих Краснодара — 29,0, Майкопа — 19,3 %, то у колхозников Краснодарского края — 45,4 % [2]. Исследование В. А. Нестерова показало, что снижение инвалидности является одной из важнейших государственных задач. Предупредить инвалидность — значит сохранить здоровье трудящихся, увеличить производительные силы страны и сократить расходы на социальное обеспечение и медицинское обслуживание инвалидов.

Улучшение здоровья населения, особенно работающего, и сокращение в связи с этим экономических потерь — одна из важнейших задач предприятий и учреждений, профсоюзных организаций, органов здравоохранения. В число мер, намеченных XXVI съездом КПСС «по последовательному повышению народного благосостояния, созданию все более благоприятных условий для всестороннего развития личности, высокопроизводительного труда» [1], включены и меры для «укрепления здоровья и улучшения отдыха советских людей» [2].

[1] См.: *Нестеров В. А.* Статистика инвалидности. М., 1977, с. 59—60.

[2] См. там же с. 142.

6. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ (ОПЫТ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ)

Исследование механизма взаимосвязи экономических и демографических процессов является важным элементом анализа проблем демографической политики СССР, поскольку именно развитие экономики оказывает определяющее влияние на интенсивность демографических явлений. Однако анализ этих взаимосвязей даже только с позиций определения эффективности экономических мер демополитики связан с целым рядом проблем.

Характер связи экономических и демографических явлений в нашей стране исторически менялся. В дореволюционный период, когда была высокая неограничиваемая рождаемость и высокая смертность, малая миграционная подвижность населения, слабая динамичность демографических структур и функций семьи, такие бедствия, как война, голод, эпидемии, резко ухудшали экономические условия и вели к росту смертности всего населения. Временное и относительное улучшение экономического положения приводило к некоторому снижению смертности, но мало сказывалось на изменении и без того высокой интенсивности рождаемости. В таких условиях различия в степени влияния того или иного экономического фактора на рождаемость были несущественными. Потребовался качественный скачок в социально-экономическом изменении общества, семьи, роли женщин в обществе, чтобы характер этих связей изменился.

Важной особенностью современных связей экономических и демографических процессов является то, что в современных условиях активно функционирует специфический механизм изменений репродуктивного по-

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 103.

[2] Там же.

ведения, который заключается в изменении экономических явлений и ведет сначала к образованию новых стандартов демографического поведения, а затем к изменению самого характера демографических процессов. Все это приводит к появлению лага времени между экономическими и демографическими изменениями, причем величину этого лага исчислить достаточно трудно. Это существенно осложняет выбор наиболее эффективного комплекса мер демографической политики.

Другим важным обстоятельством является то, что характер влияния экономических факторов на демографические процессы имеет определенные специфические черты в условиях высокоразвитой в целом по стране экономики, но разного режима воспроизводства населения.

В районах с низкой рождаемостью влияние отдельных социально-экономических факторов (уровень доходов, обеспеченность жильем, уровень образования и др.) может меняться во времени, поэтому очень важно установить именно изменение во времени роли этих факторов. Исследования такого рода должны проводиться с помощью математических моделей, построенных с учетом динамического фактора.

В районах с высокой рождаемостью очень важно выявить «накопление» влияния факторов, способствующих формированию новых стандартов репродуктивного и миграционного поведения, отвечающих переходу к новому, более низкому уровню рождаемости.

В данном исследовании делается попытка проанализировать в региональном аспекте влияние экономики на эволюцию процессов рождаемости. В данном случае была поставлена задача выделить из системы социально-экономических факторов основные элементы, определить значение этих элементов для формирования уровня рождаемости населения республик Советского Союза с разным типом рождаемости.

Задача решалась методом факторного анализа. В современной литературе встречается немало работ, подтверждающих зависимость рождаемости от набора факторов, объединенных общим понятием «социально-экономические факторы». Однако суть этих работ заключается в том, чтобы показать или подтвердить наличие связи между числом рожденных детей у когорты

женщин и факторами, влияющими на формирование их рождаемости, а причины, вызывающие действие данных факторов, практически не исследовались.

Особенность данного исследования заключается в том, что влияние комплекса факторов на формирование процесса рождаемости рассматривалось в динамике за период его интенсивного изменения (1960—1975 гг.) по всем республикам СССР. Именно в 60-х годах начинается массовое снижение рождаемости в республиках.

Задача выявления зависимости уровня рождаемости в республиках с разным типом рождаемости от существующих в них экономических, социальных и культурных условий исследовалась с помощью факторного анализа. Кроме того, необходимо было определить основные факторы, которые непосредственно оказывают влияние на изменение уровня рождаемости.

Для решения задачи были выделены группы параметров, характеризующие:

1. *Уровень экономического развития,* который выражается показателями:

величиной национального дохода (в неизменных ценах) в среднем на душу населения (x_2);

величиной национального дохода в среднем на одного трудоспособного человека (x_3);

величиной национального дохода, созданного в промышленности на одного трудоспособного человека (x_4);

средней величиной национального дохода в сельском хозяйстве на одного трудоспособного человека (x_5);

долей занятого населения в сельском хозяйстве во всем занятом населении республики (x_6) %;

долей городского населения республики (x_7), %.

2. *Уровень социального развития республик* в модели определяется структурой трудовых ресурсов и выражается в модели следующими величинами:

средней численностью врачей всех специальностей на 10 000 населения (x_8);

долей женщин в общей численности трудовых ресурсов (x_9);

объемом бытовых услуг (в рублях) на душу населения (x_{10});

долей занятых в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании в общей численности занятых (x_{11}).

3. *Уровень культурного развития* условно характеризуется следующими величинами:

средней численностью специалистов с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием на тысячу населения, занятого в народном хозяйстве (x_{12});

долей женщин в общей численности научных работников (x_{13});

средней численностью студентов высших учебных заведений в расчете на 1000 населения (x_{14}).

В качестве измерителя уровня рождаемости в республике использовался специальный коэффициент рождаемости женщин — число рождений, приходящихся на 1 000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет (x_1). Всего было взято 14 исходных признаков.

Эта задача решалась методом главных компонент. Предварительно рассчитанная матрица парных корреляций позволяет оценить структуру линейно-корреляционных зависимостей в системе показателей, степень их репрезентативности (табл. 2.6.1).

При существующей в настоящее время неоднородности в экономическом развитии республик и для осуществления программы дальнейшего выравнивания уровней необходимо выбрать из системы социально-экономических показателей такие, которые достаточно надежно и полно давали бы характеристику уровня развития экономики республики. Для этого был проведен корреляционный анализ.

Корреляционный анализ. Он показал, что выбранные признаки имеют определенную зависимость между собой. Так, уровень рождаемости в республиках имеет тесную отрицательную связь с долей женщин, занятых в производстве ($r_{1,9} = 0{,}85$) [1], с уровнем экономического развития — в данном случае величиной национального дохода на душу населения ($r_{1,2} = -0{,}58$) и с уровнем социального развития — численностью врачей всех специальностей ($r_{1,8} = -0{,}61$). С остальными показателями связь проявляется незначительно.

Показатель величины национального дохода на душу населения тесным образом коррелирует с показателем национального дохода в расчете на одного трудоспособного ($r_{2,3} = 0{,}98$), индексом промышленного развития

[1] r — коэффициент корреляции между отдельными признаками.

Таблица 2.6.1

Матрица корреляции

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9	x_{10}	x_{11}	x_{12}	x_{13}	x_{14}
x_1	1,000													
x_2	—0,577	1,000												
x_3	—0,445	0,980	1,000											
x_4	—0,165	0,550	0,616	1,000										
x_5	—0,343	0,713	0,729	0,209	1,000									
x_6	0,166	—0,293	—0,265	0,017	—0,304	1,000								
x_7	—0,496	0,755	0,736	0,193	0,623	—0,384	1,000							
x_8	—0,612	0,754	0,714	0,362	0,568	—0,344	0,764	1,000						
x_9	—0,853	0,690	0,613	0,318	0,448	—0,101	0,463	0,527	1,000					
x_{10}	—0,467	0,890	0,896	0,620	0,649	—0,155	0,525	0,696	0,626	1,000				
x_{11}	—0,298	0,564	0,549	0,254	0,468	—0,528	0,723	0,832	0,179	0,488	1,000			
x_{12}	—0,041	0,599	0,684	0,430	0,558	—0,064	0,481	0,607	0,193	0,698	0,520	1,000		
x_{13}	—0,188	0,513	0,557	0,406	0,440	0,087	0,293	0,362	0,377	0,535	0,216	0,550	1,000	
x_{14}	—0,329	0,608	0,662	0,419	0,558	—0,117	0,555	0,653	0,340	0,576	0,484	0,689	0,402	1,000

($r_{2,4} = 098$), долей городского населения ($r_{2,7} = 0{,}78$), численностью врачей всех специальностей ($r_{2,8}=0{,}75$), объемом бытовых услуг ($r_{2,10} = 0{,}89$). В незначительной, но ощутимой степени существует зависимость с показателями, характеризующими уровень развития культуры. Коэффициент корреляции между данным показателем и численностью специалистов с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием составляет 0,599; с численностью студентов высших учебных заведений $r_{2,14}=0{,}61$. С коэффициентом рождаемости связь показателя национального дохода на душу населения отрицательная и недостаточно тесная ($r_{2,1}= =-0{,}58$).

Это все дает основание считать, что величина национального дохода на душу населения является обобщающей и надежной характеристикой экономического, социального и демографического развития республики.

Подобным же по надежности измерителем является величина национального дохода, созданного в промышленности в расчете на одного трудоспособного. Данный показатель также можно использовать в качестве обобщающей характеристики экономического развития республики. Такого же рода показателем является доля городского населения, которая также аккумулирует в себе влияние экономических, социальных и демографических признаков.

Для характеристики культурного развития можно использовать показатель численности студентов высших учебных заведений на 1000 человек населения. Он имеет положительную связь с национальным доходом в расчете на душу населения и в расчете на одного трудоспособного в промышленности ($r_{14,3}=0{,}608$ и $r_{14,4}= =0{,}662$), с численностью врачей ($r_{14,8}=0{,}65$), с численностью специалистов с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием ($r_{14,12}=0{,}69$), с объемом бытовых услуг и индексом промышленного развития.

Перечисленные признаки в дальнейшем можно использовать автономно и в качестве показателей, надежно характеризующих уровни социально-экономического развития республик.

Не вдаваясь в суть расчета факторных нагрузок на основании преобразования множества коэффициентов корреляции между 14 исходными признаками, было по-

Таблица 2.6.2

Матрица факторных нагрузок

		a_1k	a_2k	a_3k
Число рождений на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет	x_1	—0,056	0,229	0,923
Национальный доход на душу населения	x_2	—0,659	—0,445	—0,537
Национальный доход в расчете на одного трудоспособного	x_3	—0,758	—0,416	—0,404
в том числе:				
в промышленности	x_4	—0,717	0,058	—0,156
в сельском хозяйстве	x_5	—0,520	—0,493	—0,274
Доля занятого населения в сельском хозяйстве	x_6	—0,186	0,777	0,064
Доля городского населения	x_7	—0,339	—0,729	—0,362
Численность врачей	x_8	—0,460	—0,679	—0,391
Доля занятости женщин	x_9	—0,293	—0,073	—0,918
Объем бытовых услуг	x_{10}	—0,770	—0,278	—0,421
Доля занятых в жилищно-коммунальном хозяйстве	x_{11}	—0,299	—0,859	—0,043
Среднее число специалистов с высшим образованием	x_{12}	—0,834	—0,357	—0,135
Доля женщин в науке	x_{13}	—0,744	—0,054	—0,161
Численность студентов в вузах	x_{14}	—0,663	—0,397	—0,124

лучено три общих для них фактора, которые достаточно точно описывают всю исходную информацию (табл. 2.6.2), так как суммарная дисперсия составляет 68,77%. Причем первый фактор выбирает наибольшую дисперсию между исходными признаками. При этом от анализа взаимосвязанных исходных признаков переходим к анализу статистически независимых обобщенных характеристик, таких, как $f_{ji} = \sum_{k=1}^{14} a_{jk}\widetilde{x}_{ki}$, где $i= = 1,...,15$ (i — порядковый номер республики); j — порядковый номер фактора, $j=1, 2, 3$; k — номер признака, $k = 1, ..., 14$.

Исследование социально-экономического и демографического развития республик Советского Союза с помощью факторного анализа позволило выделить три ведущих фактора их развития, обнаружить основные закономерности, количественно подтвердить схему, объясняющую снижение рождаемости в республиках СССР за период 1960—1975 гг., и наметить перспективу их дальнейшего демографического развития.

Из полученной матрицы факторных нагрузок (табл. 2.6.2) видно, что наибольшее значение факторной нагрузки при первом факторе испытывают следующие признаки: численность специалистов с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием ($a_{1,12}$ = = —0,8); национальный доход в расчете на одного трудоспособного ($a_{1,3}$ = —0,76); объем бытовых услуг, оказываемых населению ($a_{1,10}$ = —0,77); национальный доход, созданный в промышленности на одного трудоспособного ($a_{1,4}$ = —0,72); национальный доход на душу населения ($a_{1,2}$ = 0,66). Данные признаки характеризуют изменения качественного состава трудовых ресурсов в сторону повышения его образовательного уровня, что является важным фактором роста производительности труда.

Это дает основание предполагать, что изменение структуры трудовых ресурсов является следствием изменения структуры производства, в частности промышленного производства. Правомерность подобного предположения подтверждает высокая нагрузка первого показателя национального дохода, созданного в промышленности в среднем на одного трудоспособного и сравнительно низкое значение этого признака для сельского хозяйства (индекс сельскохозяйственного производства), где труд в силу своей специфики еще недостаточно механизирован, особенно в животноводстве.

Изменение качественного состава трудовых ресурсов, приводящее к радикальному изменению функций и квалификации работника, изменение в структуре производства, обособление науки в отрасль производства и превращение ее в производительную силу является основным источником преобразования техники, технологии и предметов потребления, тем самым важным фактором роста производительности труда.

Рост общественной производительности труда выражается уровнем национального дохода в расчете на одного трудоспособного, а также уровнем национального дохода, созданного в промышленности, которыми условно можно заменить показатели роста технической вооруженности труда и появления новых современных отраслей производства, т. е. они являются именно теми показателями, которые характеризуют научно-технический прогресс.

Таким образом, *первый фактор* можно интерпретировать как *уровень развития производительных сил в условиях научно-технического прогресса*. В пользу принятого предположения свидетельствуют низкие нагрузки данного фактора по показателям, не связанным прямо с научно-техническим прогрессом, повозрастного коэффициента рождаемости, доли занятого населения в сельском хозяйстве, доли занятых женщин в народном хозяйстве, удельного веса населения, занятого в жилищно-коммунальном хозяйстве.

Правильность принятого предположения подтверждается значениями *второго фактора — структуры трудовых ресурсов*. Вследствие технического прогресса создаются объективные предпосылки для перераспределения трудовых ресурсов в пользу сферы услуг, в результате технического прогресса, повышения уровня механизации всех отраслей общественного производства и продолжающегося разделения труда происходят существенные изменения в профессиональном составе трудовых ресурсов.

Именно вследствие научно-технического прогресса происходит увеличение доли населения, занятого в жилищно-коммунальном хозяйстве, снижается доля населения, занятого в сельском хозяйстве, растет удельный вес городского населения. По второму фактору наибольшую нагрузку испытывают: занятость в жилищно-коммунальном хозяйстве ($a_{2,11}$ = —0,86); доля занятого населения в сельском хозяйстве ($a_{2,5}$ = —0,78); доля городского населения ($a_{2,7}$ = —0,73); численность врачей всех специальностей на 1000 населения ($a_{2,8}$ = —0,68). Таким образом, вторым компонентом в системе показателей экономического, социального и демографического развития является структура трудовых ресурсов.

Третий фактор можно определить как *фактор рождаемости*. Высокая отрицательная зависимость его от показателя занятости женщин в народном хозяйстве подтверждает гипотезу, что вовлечение женщин в общественное производство является ведущим фактором снижения рождаемости.

Рост производительных сил в условиях научно-технического прогресса создает предпосылки перераспределения трудовых ресурсов из сельскохозяйственного производства в промышленное, приводящее к росту городского населения и перераспределению работников из сферы материального производства в непроизводствен-

ную сферу (в том числе здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание).

Рост производства в условиях научно-технического прогресса, изменения в структуре народного хозяйства и трудовых ресурсов ускоряют процесс вовлечения женщин в общественное производство.

Факторный анализ подтверждает, что в союзных республиках за период 1960—1975 гг. основными причинами снижения рождаемости были научно-технический прогресс в производстве, качественное улучшение структуры трудовых ресурсов и вовлечение женщин в общественное производство.

Если иметь в виду (при отсутствии других показателей в данной модели), что изменение структуры трудовых ресурсов в условиях научно-технического прогресса приводит к увеличению численности работников более квалифицированного труда (специалистов с высшим и средним специальным образованием, численности студентов, численности врачей), расширению сферы обслуживания (росту объема бытовых услуг) и увеличению доли занятых в жилищно-коммунальном хозяйстве, то все это в конечном итоге меняет структуру потребностей населения, в том числе и потребностей в детях.

Для количественной оценки каждого из трех факторов в динамике по каждой республике была рассчитана матрица значений данных факторов, т. е. значение каждого обобщенного показателя по республикам: уровня развития производительных сил в условиях научно-технического прогресса (первый фактор), структуры трудовых ресурсов (второй фактор) и уровня рождаемости (третий фактор).

Распределение республик по значению факторов (табл. 2.6.3) подтверждает существование зависимости между уровнем развития производительных сил в условиях научно-технического прогресса и уровнем рождаемости, однако наиболее отчетливо она проявилась к 1975 г., хотя первоначально заметной зависимости между факторами не наблюдалось. Все три фактора до 1965 г. включительно между собой не были взаимосвязаны. Исключение составляли лишь две республики — Латвийская ССР и Эстонская ССР, в которых начиная с 1960 г. значение всех трех факторов было максимальным, и высокому уровню развития производительных

Таблица 2.6.3

Значение факторов

	1-й фактор				2-й фактор				3-й фактор			
	1960	1965	1970	1975	1960	1965	1970	1975	1960	1965	1970	1975
СССР	—450,9	—632,9	—844,5	—1006,2	—97,2	—122,2	—144,1	—235,7	6,5	—9,6	—57,6	—98,5
РСФСР	—470,8	—633,8	—808,4	—933,5	—57,1	—68,1	—105,5	—130,3	16,6	5,0	—19,2	—35,5
Украинская ССР	—390,8	—530,4	—754,8	—842,3	—21,3	—30,4	—53,0	—170,9	23,8	19,7	11,1	—60,9
Белорусская ССР	—477,4	—611,2	—738,7	—826,4	—26,5	—21,6	—20,6	—47,2	89,5	103,4	107,7	99,7
Узбекская ССР	—480,6	—533,9	—763,6	—828,0	—31,2	—46,8	—35,0	—65,1	62,6	61,7	7,3	32,5
Казахская ССР	—426,2	—554,5	—756,8	—837,6	—44,6	—50,3	—33,1	—70,0	71,2	74,7	61,2	38,7
Грузинская ССР	—484,1	—575,4	—729,3	—785,3	—79,4	—76,1	—54,0	—92,8	79,5	102,0	97,2	68,9
Азербайджанская ССР	—438,9	—627,7	—937,8	—1089,8	—28,4	—37,4	—12,2	—60,5	—20,9	—41,6	—86,2	—115,1
Литовская ССР	—324,2	—460,0	—562,6	—653,3	1,7	2,8	—20,3	—24,8	49,0	35,3	33,3	1,3
Молдавская ССР	—584,4	—761,6	—1004,5	—1177,0	—93,6	—114,9	—145,6	—221,4	—10,5	—42,6	—100,5	—152,5
Латвийская ССР	—450,9	—631,6	—755,8	—781,3	—25,7	—28,5	—47,7	—45,7	74,3	118,6	66,1	85,3
Киргизская ССР	—392,5	—495,3	—645,2	—827,7	—19,1	—37,1	—30,0	—36,0	80,6	101,3	115,2	143,6
Таджикская ССР	—473,0	—567,4	—717,7	—849,9	—73,7	—115,7	—174,1	205,4	105,2	88,7	46,7	18,1
Армянская ССР	—571,3	—678,0	—784,4	—784,6	—31,2	—25,4	—27,6	—217,5	68,3	82,5	83,0	75,1
Туркменская ССР	—583,7	—776,9	—1000,7	—1172,0	—68,0	—106,7	—135,6	—	—25,2	—51,4	—99,9	—144,0
Эстонская ССР												

сил республик соответствовали высокое значение фактора трудовых ресурсов и самый низкий уровень рождаемости.

Анализ значения всех трех факторов показывает, что уровень развития производительных сил, структура трудовых ресурсов в республиках не одинаковы. Если по первому фактору республики различаются незначительно, то по значению второго фактора различия существенны. Так, например, уровень развития производительных сил в условиях научно-технического прогресса в РСФСР и Узбекской республике в 1960 г. был практически одинаков. В то же время значение второго структурного фактора в РСФСР было в 3,7 раза выше, чем в Узбекской ССР, и в 15 раз выше значение третьего фактора.

По мере развития республик значение их факторов возрастает, но неравномерно. Так, в РСФСР значение первого фактора к 1975 г. возросло в 2,2 раза; второго фактора — в 2,4 раза, а в Туркмении, занимавшей в 1960 г. третье место по значению первого фактора, это увеличение составило всего 1,3 раза. В Узбекской ССР значение первого фактора возросло в 1,7 раза, а второго — в 1,8 раза. В 1975 г. РСФСР и Узбекская республика по структуре трудовых ресурсов различались уже в 5 раз.

Тем не менее за рассматриваемый период значение первых двух факторов во всех республиках возросло, и одновременно с этим к 1975 г. уменьшилось значение третьего фактора практически во всех республиках. Исключение составляет Таджикская ССР, в которой значение третьего фактора равномерно возрастало. Во всех республиках Средней Азии уменьшение значения третьего фактора начинается после 1970 г. и с этого времени начинает функционировать зависимость: повышение уровня развития производительных сил сопровождается повышением качества трудовых ресурсов, что приводит к снижению уровня рождаемости в республиках. Даже независимо от существующего уже в республиках Прибалтики, РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР низкого уровня рождаемости она продолжает снижаться (в данном случае речь идет о значении третьего фактора), причем темп снижения остается неизменным. В Киргизской и Таджикской ССР значение третьего фактора возрастает и адекватной реакции на увеличение

первых двух факторов здесь не наступает, как это имело место во всех республиках.

Если судить по значению первого и второго фактора, т. е. уровню научно-технического прогресса и структуры трудовых ресурсов, то их значение достигло того уровня, при котором началось снижение рождаемости в республиках Прибалтики, РСФСР, Украины и Белоруссии, однако соответственной реакции коренного населения Среднеазиатских республик не наступило. По-видимому, коренное население, которое в большинстве еще не приспособилось к изменившимся условиям экономики, развитие которой происходило чрезвычайно интенсивно, еще полностью не включилось в процесс современного производства, требующего притока квалифицированных работников, качественно изменяющих состав трудовых ресурсов, что приводит к изменению стандартов демографического поведения.

К сожалению, данное обстоятельство не позволяет в рамках модели определить «порог», с которого происходит переход к низкой рождаемости в республике, что было бы весьма важно. Однако удалось обнаружить закономерность, что чем выше темп научно-технического прогресса и изменения структуры трудовых ресурсов, тем отчетливее и быстрее совершается переход к низкой рождаемости. Так, высокий темп научно-технического прогресса в Армянской ССР сопровождался и высоким темпом перехода данной республики к низкой рождаемости. Аналогичен процесс перехода и в республиках Прибалтики, РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. Значительно медленнее перестраивается экономика республик Средней Азии. Соответственно и более статичны показатели третьего фактора по данным республикам. Поэтому можно предполагать, что переход к низкой рождаемости в республиках Средней Азии будет совершаться быстрее по мере возрастания темпа научно-технического прогресса.

Снижение рождаемости в республиках Средней Азии, зафиксированное факторным анализом, с 1975 г. продолжается. Фактически уровень рождаемости в данных республиках начал снижаться именно с этого периода. Так, в Узбекской ССР рождаемость до 1970 г. увеличивалась аналогично тому, что показал факторный анализ. Затем после 70-х годов в республике начинается снижение рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости

в 1970 г. составлял 5,6; в 1972 г.— 5,8; в 1975 г.— 5,7; в 1978 г.— 5,2 и в 1979 г.— 5,1 рожденных детей [1].

Таким образом, проведенный факторный анализ позволил определить ведущие факторы снижения рождаемости, происходившего в республиках СССР за период с 1960 по 1975 г. Дальнейшее снижение рождаемости, которое продолжается в союзных республиках, подтверждает полученные выводы, сделанные на основе факторного анализа. Согласно проделанному анализу основными факторами снижения рождаемости были научно-технический прогресс в производстве, качественное улучшение структуры трудовых ресурсов и вовлечение женщин в общественное производство, т. е. уровень развития производительных сил через структуру трудовых ресурсов и через занятость женщин оказывал воздействие на уровень рождаемости. Это влияние в рассматриваемый период выражалось обратной зависимостью и послужило основной причиной снижения рождаемости.

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1978, с. 238. Рассчитано по: Вестник статистики, 1979, № 11, с. 65; 1980, № 11, с. 83.

Глава 3

О ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ НА ПЕРСПЕКТИВУ

Исследование за длительный период демографического развития страны в целом и в союзных республиках в отдельности с позиции социально-экономической обусловленности этого развития и объективной неизбежности его изменения путем последовательного прохождения стадий демографического перехода позволяет обосновать на перспективу тенденции развития народонаселения в региональном аспекте.

Основываясь на выявленных закономерностях, можно определить возможный вариант долгосрочного демографического развития СССР, который исходит из пока недостаточно управляемого процесса воспроизводства населения.

Существующие в советской демографии методы прогноза населения еще далеко не в полной мере учитывают социально-экономическое влияние на демографические процессы рождаемости и смертности (хотя и признают это влияние) и выступают как чисто демографические. Очевидно, это обстоятельство, как и недостаточное обобщение закономерностей развития народонаселения за длительный период в региональном разрезе, ограничивало возможности определения перспектив демографического развития республик.

На протяжении всего рассматриваемого в данном исследовании периода демографическое прогнозирование связано с совершенствованием методики прогноза и повышением его точности. Предпринятая нами попытка построить вариант долгосрочных тенденций воспроизводства населения республик отличается от традиционного прогнозирования (что наглядно видно из его сопоставления с существовавшими методами начиная с 20-х го-

дов), т. е., как правило, прогнозирования населения страны в целом и практически вне связи с социально-экономическими тенденциями.

Проведенная нами работа по определению долгосрочных демографических тенденций по республикам на перспективу отличается от существующих исчислений на базе методов прогнозирования тем, что она не предполагает точное количественное вычисление показателей процессов воспроизводства населения, общей численности и состава населения республик, а должна дать лишь оценку их генеральных тенденций.

Этот подход дает ориентировочные параметры и сроки (предстоящие десятилетия XX и начала XXI в.) изменений темпов прироста населения, наступления относительной стабилизации роста численности, изменений в соотношении различных возрастных групп.

Предлагаемый нами подход к определению будущих тенденций развития населения республик не исключает, а скорее дополняет прежние методы прогнозирования. Представляется, что определение тенденций воспроизводства населения по республикам может служить основой для последующего, более точного демографического расчета сложившимися традиционными методами прогноза.

Долгосрочные тенденции развития населения по республикам на перспективу, на наш взгляд, еще раз подтверждают необходимость управления ими с учетом выявленных тенденций. Управление демографическими процессами должно основываться на комплексной долгосрочной программе развития народонаселения, к разработке которой приступают советские ученые исходя из указаний XXVI съезда КПСС.

Задачи современного исторического этапа развития нашей страны, связанные с необходимостью научно обоснованного управления демографическими процессами как важными и сложными социальными процессами, значительно отличаются от тех задач, которые ставились перед демографическим прогнозом на протяжении почти всего предшествующего периода существования Советского государства.

Демографический прогноз в основном имел краткосрочный (5 лет) и среднесрочный (30 лет) характер и почти исключительно служил практическим целям народнохозяйственного планирования. Рассчитывая на

перспективу общую численность населения, отдельные его возрастные контингенты и возрастно-половую структуру населения по стране в целом и отдельным регионам, уровень рождаемости и смертности, демографический прогноз должен был давать важную исходную базу для экономического и социального планирования, в первую очередь в области роста материального благосостояния и оценки потенциальных трудовых ресурсов. Эта практическая направленность прогноза особенно большую роль играла в период становления планового хозяйства, когда при отсутствии опыта централизованного планирования обоснованность планов во многом зависела от надежности расчетных базовых показателей. Именно поэтому уже в первые десятилетия Советского государства главное внимание уделяется вопросам повышения точности демографических расчетов. История демографического прогноза в нашей стране показывает это со всей очевидностью.

1. ПЕРВЫЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИСЧИСЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СССР (20—30-е ГОДЫ)

Происходившие в 20—30-х годах изменения в демографическом развитии страны — темпах роста населения, уровне рождаемости и смертности, возрастно-половом составе населения — необходимо было учитывать уже при разработке первых планов развития народного хозяйства и культурного строительства на ближайшие годы и прогнозов на более отдаленную перспективу[1]. Прогнозирование населения, выполнявшееся по заданиям правительственных органов, уже в первые годы Советской власти становится неотъемлемой частью всего социально-экономического планирования и управления общественными процессами.

Ограниченность статистической базы не позволяла ведущим демографам 20—30-х годов разрабатывать точные прогнозы населения по стране в целом, тем более с учетом региональных различий. Отсутствие подробных и надежных сведений сказывается и на возможности

[1] Историю современного экономического прогнозирования, как известно, начинают ленинский «Набросок плана научно-технических работ» и разработанный по инициативе В. И. Ленина в 1920—1922 гг. план ГОЭЛРО.

современного анализа демографического развития регионов страны за тот период.

Демографы, руководившие разработкой прогнозов населения (С. Г. Струмилин, С. А. Новосельский, В. В. Паевский, М. В. Птуха, А. П. Хоменко и др.), несмотря на очень высокий профессиональный уровень, не могли в тот период до конца оценить и предвидеть изменения в уровне рождаемости и смертности, возрастной структуре населения, в темпах роста населения как по стране в целом, так и по некоторым ее крупным районам, например по Украине. Ограниченность статистической информации и еще недостаточно глубокое проникновение исследователей в закономерности демографического развития отразились на точности прогнозов населения.

Тем не менее проведенная в 20—30-х годах работа по составлению перспективных расчетов населения и сейчас представляет значительную методическую и информационную ценность.

Первые советские демографические прогнозы позволили заглянуть в будущее на много лет вперед, и в самом начале развития социалистической экономики показали перспективы трудового баланса, помогли наметить реальную программу ликвидации неграмотности и осуществления всеобщего начального обучения в стране.

Но для того чтобы не быть пустой абстракцией, демографическое прогнозирование должно опираться на достоверные данные о численности и структуре населения. Для получения таких данных надо было в кратчайшие сроки организовать проведение переписей населения и наладить текущий учет. В. И. Ленин, понимая необходимость и значение развития советской статистики, 25 июля 1918 г. подписал Положение о создании государственной статистики.

В исключительно трудных условиях гражданской войны, голода, хозяйственной разрухи велись большие статистические работы: в 1920 г. была проведена перепись по демографическому и профессиональному составу населения, а также сельскохозяйственная перепись, в 1923 г. — городская перепись населения, сочетавшаяся также с переписью промышленных и торговых предприятий. Материалы этих переписей использовались не только для повседневных нужд государственного управления, но и для перспективного планирования. Например, в процессе составления плана ГОЭЛРО широко применялись данные переписи 1920 г.

Многие документы свидетельствуют о том, как внимательно следил В. И. Ленин за ходом работ по подготовке и проведению переписи 1920 г. Дело переписи, говорилось в телеграмме губернским организациям от 28 июля 1920 г., подписанной В. И. Лениным, не ведомственное дело, а дело республики, дело всех советских учреждений. 12 сентября 1920 г. В. И. Ленин в телеграмме губернским организациям писал, что данными переписи будет положена основа советского строительства. Проведение этой переписи в чрезвычайно тяжелых условиях столкнулось с огромными трудностями прежде всего по организации материально-технической базы переписи. Эти трудности были преодолены благодаря личному вмешательству В. И. Ленина [1].

На базе переписи 1920 г. было сделано первое в нашей стране перспективное исчисление населения на 1921—1941 гг. По указанию С. Г. Струмилина расчеты были выполнены в 1921—1941 гг. в Госплане. Результаты были изложены и проанализированы С. Г. Струмилиным в статье «Наши трудовые ресурсы и перспективы» [2].

В отношении исходных данных расчетов многое оставляло желать лучшего. Собранные сведения не охватывали всего населения из-за продолжавшейся гражданской войны и борьбы с интервентами. Остался непе-

---

[1] Вот как эту роль В. И. Ленина в деле подготовки переписи описывает первый управляющий ЦСУ и председатель комиссии по переписи П. И. Попов: «Не было бумаги, — Владимир Ильич сделал распоряжение, и фабрики, работавшие для газет, занимались производством бумаги для переписи. Но фабрики, на которые было возложено производство бумаги для переписи, не могли производить работы за отсутствием продовольствия для рабочих, дров для отопления, сукна для машин и кирпича (оказывалось, что без кирпича фабрики не могли работать). И вот, по предложению Владимира Ильича, Совет Народных Комиссаров создает комиссию под моим председательством, которой дается право требовать от всех учреждений то, что необходимо для работы фабрик, а учреждения обязаны были немедленно выполнять требования комиссии. Только с помощью Владимира Ильича я мог отвоевать у Наркомпроса учителей для производства переписи. Не было денег, — Владимир Ильич достал их. Да, перепись 1920 г. всецело ему обязана своим осуществлением» (*Гозулов А. И.* Переписи населения. М., 1936, с. 241).

[2] *Струмилин С. Г.* Наши трудовые ресурсы и перспективы. — Хозяйственное строительство. М., 1922, вып. 2, с. 34—45.

реписанным огромный массив населения, находящегося на территории военных действий: Белоруссия, Волынская и Подольская губернии, Закавказье, Крым, некоторые нагорные полосы Северного Кавказа (в частности, весь Дагестан), отдельные районы Туркестана, Киргизии и Дальнего Востока. Не были переписаны также некоторые местности европейской части РСФСР и Украины. Не было описано население бывших территорий Бухарского и Хивинского ханств, где Советская власть к тому времени не успела утвердиться [1]. В ряде местностей вместо полной переписи в 1921 г. производился краткий учет (например, в Подольской и Запорожской губерниях Украины, в Крыму).

Хотя по территориям, не охваченным и этими дополнительными учетами, производилось ориентировочное исчисление, все же, как отмечает Ю. А. Корчак-Чепурковский, «в его результатах и после исправлений был некоторый недоучет числа живущих» [2]. Кроме того, «за время мировой и гражданской войн система учета родившихся и умерших нарушилась и никаких статистических разработок по естественному движению населения не проводилось» [3].

Поэтому С. Г. Струмилину пришлось опираться исключительно на дореволюционные данные, иногда весьма отдаленные. В частности, для учета будущих утрат от смертности была использована полная таблица дожития, исчисленная в 1916 г. С. А. Новосельским по данным 1896—1897 гг. по 50 губерниям Европейской России. Будущие рождения определялись исходя «из нормальной рождаемости на тысячу наличных душ брачного возраста (18—49 лет)» [4]. Изменение возрастного состава в разные годы не учитывалось. Смертность и рождаемость для всех будущих лет принимались исключительно по дореволюционным уровням (без какой-либо попытки приблизить их к уровням советского периода). Итак, в методологическом плане, с современной точки зрения, работа была так же далека от совершенства, как и исходные данные.

[1] По оценке А. И. Гозулова перепись 28 августа 1920 г. охватила лишь 72% населения (см.: *Гозулов А. И.* Переписи населения земного шара. М., 1970, с. 7).

[2] *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования. М., 1970, с. 292.

[3] Там же.

[4] *Струмилин С. Г.* Наши трудовые ресурсы и перспективы. — Хозяйственное строительство, вып. 2, с. 37.

Вот что писал С. Г. Струмилин по этому поводу: «Приведенный расчет, разумеется, имеет весьма условное значение. Нормы смертности и рождаемости, принятые нами условно при исчислении за неизменные, на деле довольно заметно меняются с изменением экономики страны» [1]. Тем не менее многое в этой работе представляет несомненный интерес, например попытка С. Г. Струмилина выяснить отдаленные последствия событий периода империалистической и гражданской войн на будущую ожидаемую численность населения.

Для этой цели, исходя из возрастно-полового состава населения по переписи 9 февраля 1897 г., по 50 губерниям европейской части России была определена общая численность населения на 1 января 1914 г. и рассчитана по «нормальному» годовому приросту, равному 1,7%, численность населения на 28 августа 1920 г. Затем на эту же дату была рассчитана «нормальная» возрастная пирамида мужской и женской части населения. Комментируя эту пирамиду, Ю. А. Корчак-Чепурковский писал: «Увеличивающаяся разность между результатами перспективных исчислений «фактического» и «нормального» населения позволила тогда определить влияние происшедших бурных событий на перспективы дальнейшего роста населения страны» [2]. Однако не все расчеты по «нормальному» возрастному составу были отражены в конкретных числах, к сожалению, часть их приведена лишь в графиках на 1921, 1931 и 1941 гг.

На точность прогноза сильно повлияла недостаточная достоверность базовых данных. Вот что писал об этом в статье 17 декабря 1926 г. Н. Осинский: «Счет, который ведется от переписи 1920 г., есть счет от числа заведомо неполного и неточного... в результате такого незнания точной цифры народонаселения получается неточность всех наших расчетов, планов, программ» [3].

Итоги переписи 1926 г. подтвердили это высказывание. Так, вместо 142,2 млн. предполагаемого населения перепись 1926 г. показала 147,0 млн., т. е. на 4,8 млн.

[1] *Струмилин С. Г.* Наши трудовые ресурсы и перспективы. — Хозяйственное строительство, вып. 2, с. 39.

[2] *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 293.

[3] Правда, 1926, 17 дек.

больше (на 3,4%) предсказываемого числа. Если принять во внимание, что в позднейших публикациях ЦСУ СССР общая численность населения страны на дату переписи 1920 г. принималась в 136,8 млн. человек [1] (а не 132,8 млн., как считал С. Г. Струмилин), то часть этого прироста следует отнести за счет явной неполноты данных переписи.

Ю. А. Корчак-Чепурковский сопоставил рассчитанную С. Г. Струмилиным численность населения на 1 января 1927 г. с материалами переписи 17 декабря 1926 г. и проанализировал причины расхождения. В приводимой выдержке из его таблицы видно, что наибольшая погрешность пришлась на возраста 0—15 и 50 лет и старше (табл. 3.1.1).

Таблица 3.1.1

Расчетные данные о численности населения СССР на 1 января 1927 г. и фактические итоги переписи населения 1926 г., млн. человек *

Возраст	На 1/I 1927 г. (расчет)	Перепись 1926 г.	Отклонение расчетных данных от переписи населения	
			млн. человек	%
0—15	53,2	58,2	—5,0	—8,6
16—49	67,7	69,7	—2,0	—2,9
50 и более	21,3	19,2	+2,1	+10,2
Всего	142,2	147,1	—4,9	—3,3

* *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 294.

Преувеличение количества лиц пожилого возраста можно, по-видимому, объяснить повышенной смертностью стариков в голодные годы 1921—1922 гг. Недоучет детей и подростков объясняется тем, что с 1923 г. рождаемость населения СССР превысила довоенный уровень, а детская смертность резко упала [2]. Это составило, по словам В. Г. Михайловского, «неожиданный избыток против всех прежних норм и расчетов» [3].

[1] См.: *Подъячих П. Г.* Население СССР. М., 1961, с. 14.
[2] См.: *Гозулов А. И.* Переписи населения. М., 1936, с. 247.
[3] *Михайловский В. Г.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1926, с. 7.

В нашей демографической литературе этот первый прогноз признается весьма удачным, хотя и имеются некоторые разночтения. Например, А. Вострикова дает следующую оценку: «По перспективному расчету, опубликованному С. Г. Струмилиным, численность населения СССР на середину 1938 г. была определена в 169,8 млн. человек. Будущее население исчислялось С. Г. Струмилиным без Дальнего Востока и части Средней Азии (Хивы и Бухары). Численность жителей этих районов страны составляла около 5 млн. человек. Следовательно, с учетом этой поправки к середине 1938 г. по прогнозу население СССР должно было составить около 175 млн. человек. Фактически по данным переписи на 17 января 1939 г. (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.) население СССР составило 170,6 млн. человек, а исходя из этого на середину 1938 г.— 168,7 млн. человек. Как видим, прогноз, сделанный на длительный период времени, разошелся с фактической численностью населения всего лишь на 3,5%» [1].

В данном случае учтено расширение территории, а также то, что переписи 1920 и 1939 гг. были произведены на разные даты — 28 августа и 17 января. Однако опущено существенное обстоятельство, а именно то, что «голод 1920—1921 гг. и свирепствовавшие в течение ряда лет эпидемии сыпного и возвратного тифов стоили нескольких миллионов человек» [2].

Комментируя в 1963 г. свой же перспективный расчет, С. Г. Струмилин писал: «Предусматривать в перспективных расчетах динамики населения поправки на такие экстраординарные возможности, как изменение границ или небывалый голод и мор, не входило, конечно, в задачи народнохозяйственного планирования двадцатых годов» [3]. Приняв число жертв неурожая и эпидемий равным прибавке населения в результате расширения территории СССР (5 млн. человек), С. Г. Струмилин взаимно погасил эти две важнейшие поправки и оставил поправку на различие в датах переписей. «Эта разница составляет без малого 5 месяцев, или 0,4 года. Население СССР на 28 августа 1938 г. по нашему ис-

[1] *Вострикова А.* Перспективные расчеты населения в СССР. — Вестник статистики, 1961, № 1, с. 34.
[2] *Гозулов А. И.* Переписи населения, с. 247.
[3] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. М., 1964, т. 3, с. 34.

числению достигало 168,8 млн. душ, годовой прирост — 2,5 млн., а за 0,4 года — 1,0 млн. Стало быть, наш расчет на 17 января 1939 г. дает 170,8 млн. душ, а перепись на ту же дату показала 170,6 млн. душ. И значит, ошибка плановиков первого призыва в этом случае не превышала 0,3 млн., или менее 0,2%»[1].

Вряд ли эту оценку можно признать правильной, и вот почему. Перепись 17 декабря 1926 г. показала 147,0 млн. человек. Эта цифра отразила все изменения, происшедшие с населением в 1921—1926 гг. Предполагаемая численность населения по расчету С. Г. Струмилина на 28 августа 1926 г.— 142,2 млн. Учитывая это, Ю. А. Корчак-Чепурковский по разнице в 4,8 млн. скорректировал струмилинский расчет и оценил точность прогноза. Его оценка выглядит так: «...к 1939 г. население СССР должно было бы составить примерно $169{,}8+4{,}8\times(169{,}8:142{,}2)=175{,}5$ млн. Переписью же учтено 170,6 млн., а это значит, что погрешность расчета на 1 января 1939 г. достигла 4,9 млн. (2,9%)»[2].

Принимая во внимание недостатки и достоинства рассмотренных выше оценок, точность первого советского перспективного исчисления, следует определять, на наш взгляд, так:

а) с 28 августа по 17 декабря 1926 г. (за 0,3 года) население в 142,2 млн. увеличилось бы примерно до 143,0 млн.;

б) разница между приведенными к одной дате фактическими и расчетными данными составляет 4 млн. (147,0 — 143,0);

в) считая эту ошибку «внешней», скорректируем расчет на 28 августа 1926 г. так: $142{,}2+4{,}0=146{,}2$ (млн. человек);

г) предполагаемый темп роста населения за период с 28 августа 1926 г. по 28 августа 1938 г. должен был равняться 1,1941 (169,8 : 142,2);

д) умножая скорректированную численность населения на «струмилинский темп роста», получаем: $146{,}2\times\times1{,}1941=174{,}6$ (млн. человек);

е) полагая прирост с 28 августа 1938 г. по 17 января 1939 г. (за 0,4 года) равным 1 млн., получаем на

[1] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. М., 1964, т. 3, с. 34.

[2] *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 294.

17 января 1939 г. скорректированную расчетную численность в 175,6 млн. человек;

ж) эта величина превышает данные переписи на 5 млн. человек (175,6 — 170,6), т. е. на 2,93%.

Предполагаемая оценка также построена на некоторых допущениях. Однако следует отметить, что расхождения в оценках точности не имеют принципиального значения, и первый советский демографический прогноз можно, бесспорно, признать удачным.

Работы по перспективным исчислениям населения производились советскими демографами также в конце 20-х — начале 30-х годов. В основе своей они имели данные переписи 17 декабря 1926 г. По мнению А. И. Гозулова, эта перепись была одной из лучших в мировой практике по полноте, качеству, по строгой системе организации и разработки[1]. Она дала богатейший материал для построения отдельных разделов плана народного хозяйства и культурного строительства первой пятилетки, и в период, ближайший к переписи, широко использовалась для планово-хозяйственных расчетов.

Очень высоко оценивал значение этой переписи Б. Бабынин: «Перепись 1926 г. в известном смысле открывает новую эру для перспективного планирования, поскольку, конечно, речь идет о демографических его предпосылках, ибо она не только дает удовлетворительное повозрастное распределение населения, но и в комбинации с данными статистики естественного движения населения позволяет конструировать новые коэффициенты смертности, долженствующие заменить собою прежние»[2].

После переписи 1926 г. представилась возможность выполнить перспективные расчеты населения, опираясь на материалы советской демографической статистики. Для Советского Союза в целом такие расчеты выполнены были С. А. Новосельским и В. В. Паевским в Демографическом институте АН СССР (в 1933 г.), а для Украинской ССР — под руководством академика М. В. Птухи в Демографическом институте АН УССР (в 1930 и 1932 гг.). Перспективный расчет для выяснения предстоящей динамики трудовых ресурсов УССР на 1927—1932 гг. был выполнен под руководством

[1] См.: *Гозулов А. И.* Переписи населения, с. 272.

[2] *Бабынин Б.* Демографические предпосылки перспективного планирования. — Плановое хозяйство, 1928, № 8, с. 316.

Ю. А. Корчак-Чепурковского в ЦСУ УССР в 1928 г. В 1931 г. население УССР на вторую пятилетку исчислил А. П. Хоменко.

Перспективные исчисления населения для РСФСР в 1926—1928 гг. производились Б. Бабыниным. К этому времени новые таблицы смертности еще не были рассчитаны, и Б. Бабынин занялся изысканием поправок к дореволюционной таблице дожития С. А. Новосельского по 50 губерниям Европейской России за 1896—1897 гг., причем рассчитал их далеко не лучшим образом. Свою методологию он мотивировал так: «К сожалению, соответствующая работа (новые таблицы смертности.— *В. Е.*) имеет быть законченной еще лишь года через полтора. Между тем составление перспективного плана народного хозяйства и культурного строительства ввиду определенных директив правительства не терпит отлагательства, а перспективная динамика населения подлежит при этом выявлению в первую очередь. И приходится выбирать одно из двух: или довольствоваться лишь грубыми прикидками, могущими скомпрометировать весь план, или, как это предпочитаем мы, попытаться *методом последовательных приближений* найти такую систему коэффициентов, которая позволила бы с достаточной для планирования мерой точности выявить перспективы движения населения по отдельным возрастным категориям и притом в районном разрезе» [1].

Однако Ю. А. Корчак-Чепурковский считал, что Б. Бабынин имел под рукой все материалы для расчета краткой таблицы дожития по РСФСР за 1926 г., при помощи которой следовало бы производить передвижки населения, и поэтому его работы «не представляют собой интересов из-за низкого научного уровня их выполнения» [2]. Отрицательную оценку работам Б. Бабынина дали В. В. Паевский: «...работы этого автора ввиду грубости приемов не имеют интереса» [3] и М. В. Птуха: «... его методология имеет немало спорных моментов» [4].

В 1930 г. на 19-й сессии Международного статистического института был представлен доклад М. В. Птухи

[1] *Бабынин Б.* Демографические предпосылки перспективного планирования. — Плановое хозяйство, 1928, № 8, с. 316.

[2] *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 308.

[3] *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970, с. 100.

[4] *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения, с. 444.

«Население Украины до 1960 г.». К сожалению, русского текста этой работы нет. Доклад был напечатан в «Бюллетене Международного статистического института» (вып. 3. Гаага, 1931, т. 25, с. 59—88) на французском языке. Расчеты М. В. Птухи базировались на следующих исходных данных: а) численность народонаселения в УССР на 1 января 1927 г.; б) коэффициенты смертности за 1925—1926 гг.; в) коэффициенты рождаемости за 1929 г.

Для получения численности населения на 1 января 1927 г. к данным переписи 17 декабря 1926 г. был прибавлен естественный прирост за 15 дней, распределенный между возрастными группами пропорционально их величине. Предварительным выравниванием устранена аккумуляция на 5 и на 0 [1].

Особые затруднения вызвали детские возраста. Сравнение чисел переписи для детей первых трех возрастных групп и сведений о рождениях в 1924—1925 гг. без умерших 0—2 лет показало расхождение на 11—12%. Было высказано мнение, что причина этого — дефекты переписи. Однако М. В. Птуха, считая организацию переписи в УССР достаточно хорошей, пришел к выводу, что причина расхождений — «несовершенная регистрация рождений и особенно умерших малых детей» [2]. Поэтому за основу дальнейших исчислений он взял числа переписи. Для чисел детей первых четырех лет потребовалось дополнительное выравнивание, так как в группе 3—4 года их насчитали непропорционально много. Общая численность детей была распределена по следующим возрастным группам: 0—1, 1—2, 2—3 и 3—4 года на основании чисел новорожденных, причем, учитывая пропуски регистрации рождений 1923 г., их увеличили на 10%.

Для учета будущих потерь от смертности была использована рассчитанная Ю. А. Корчак-Чепурковским таблица дожития населения УССР за 1925—1926 гг., причем в нее были внесены поправки в отношении «малых» детей.

Для определения будущих чисел родившихся М. В. Птуха рассчитал коэффициенты рождаемости по пяти-

[1] Выравнивание было сделано в ЦСУ УССР Ю. А. Корчак-Чепурковским.

[2] *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения, с. 445.

летним интервалам возраста матери за 1929 г. Это было сделано следующим образом. Он распределил общее количество родившихся в 1929 г. по пятилетним группам возраста матери пропорционально последним имевшимся в то время данным за 1928 г., затем передвижкой чисел живущих по таблице дожития 1925—1926 гг. исчислил среднегодовую численность женщин по пятилетним возрастным группам за 1929 г. и, наконец, разделив соответствующие показатели друг на друга, получил повозрастные коэффициенты рождаемости.

Все дальнейшие расчеты чисел живущих проводились по одногодичным интервалам возраста погодно до 1 января 1961 г., а для расчета количества родившихся указанные пятилетние коэффициенты рождаемости были применены к каждому календарному году в отдельности.

По расчетам М. В. Птухи при сохранении неизменной смертности 1925—1926 гг. и рождаемости 1929 г. общая численность населения Украины за 1930—1960 гг. должна была изменяться так.

Таблица 3.1.2

Предполагаемая численность населения УССР в 1930—1960 гг. *

Годы	Общая численность на начало года, человек	Прирост за 5 лет	
		человек	%
1930	30 651 693	2 582 869	8,43
1935	33 234 562	2 690 853	8,10
1940	35 925 415	2 586 537	7,20
1945	38 511 952	2 581 595	6,70
1950	41 093 547	2 546 902	6,20
1955	43 640 449	2 496 743	5,72
1960	46 137 192		

* *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 303.

Как видно из таблицы, будущий рост населения Украинской ССР должен был систематически замедляться. Это обусловливалось тем, что соотношение уровня рождаемости и смертности, принятых в расчете, не обеспечивало уже такого быстрого темпа, каким население росло раньше.

Однако фактическое развитие населения Украины в силу целого ряда обстоятельств пошло не по тому пути,

который был намечен в приведенных теоретических расчетах. Об этом наглядно свидетельствует табл. 3.1.3.

Таблица 3.1.3

Численность населения Украинской ССР по расчету М. В. Птухи и по переписи населения 1939 г. *

Пол	Численность населения УССР, тыс. человек		Отклонение расчета от данных переписи	
	расчет М. В. Птухи	перепись 1939 г.	тыс. человек	%
Мужчины	17338,3	14753,6	+2584,7	+17,5
Женщины	18058,8	16192,6	+1866,2	+11,5
Оба пола	35397,1	30946,2	50,9	+14,4

* *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 305.

В рукописных тезисах доклада А. П. Хоменко, датированных 7 января 1932 г., были приведены результаты перспективных расчетов, сделанных в 1931 г. и позже напечатанных в виде отдельной статьи [1].

Прогнозирование рождаемости у А. П. Хоменко большого интереса, на наш взгляд, не представляет. По его расчетам ожидаемые абсолютные числа будущих рождений вероятнее всего должны были изменяться следующим образом: в 1932 г. — 1039 тыс., в 1933 г. — 1072 тыс., в 1934 г. — 1106 тыс., в 1935 г. — 1140 тыс., в 1936 г. — 1175 тыс., в 1937 г. — 1208 тыс. рождений [2].

А. П. Хоменко считал, что недопустимо предполагать дальнейшее снижение рождаемости, проходившее на Украине очень быстрыми темпами. По его расчету к 1937 г. должно было восстановиться наибольшее количество рождений, имевшее место в Украинской ССР в 1926 г., т. е. 1208 тыс. Интересно, что эта цифра очень близка к действительному числу родившихся в 1937 г. — 1214 тыс., но совпадение это чисто случайное, так как этот подъем был вызван законом 16 июня 1936 г., в частности запретившим аборты. Это количество рождений было достигнуто значительно большей генеративной нагрузкой женщин, чем та, которую предполагал А. П. Хо-

[1] См.: *Хоменко А. П.* Людність УСРР у перспективному обчисленні. — Профілактична медицина, 1932, № 11—12, с. 41—52.

[2] Там же, с. 48.

менко. Она, кстати говоря, не сохранилась на столь высоком уровне в последующие годы.

Очень поучительна методика расчета будущей смертности, предложенная А. П. Хоменко. Это был первый в СССР опыт обоснованного предсказания снижения смертности.

А. П. Хоменко исходил из следующих двух предпосылок:

1) темпы снижения смертности будут неодинаковы для различных поколений, а именно: «...смертность сильнее будет снижаться у малолетних, подростков и молодежи и несколько слабее среди людей полностью рабочего возраста, у которых по крайней мере их детские годы отравлены были вредными воздействиями капитализма, и еще медленнее среди старших групп рабочего возраста и меньше всего у стариков» [1];

2) последовательная ликвидация различий между смертностью мужчин и женщин будет проходить «в направлении достижения тех наинизших уровней смертности, которые уже теперь наблюдаются в тех или других отдельных группах населения» [2].

Непосредственные масштабы снижения смертности устанавливались А. П. Хоменко путем анализа причин смертности отдельных возрастных групп разных совокупностей населенных пунктов по данным статистики причин смерти, основанной на врачебных свидетельствах в городе и селе. При этом особое внимание было обращено на те болезни, по ликвидации и значительному снижению которых органами здравоохранения планировались эффективные мероприятия. В отношении других, преимущественно хронических болезней (например, заболевания сердца, кровеносных сосудов и т. п.) А. П. Хоменко ориентировался на уже достигнутые в отдельных местностях наиболее низкие уровни смертности.

Получив ориентировочные данные о возможностях снижения смертности, А. П. Хоменко исчислил вероятности смерти для гипотетической таблицы на 1937 г., на основании которой построил вероятности смерти для всех промежуточных лет. Это позволило ему рассчитать будущие контингенты живущих (табл. 3.1.4).

[1] *Хоменко А. П.* Людність УССР у перспективному обчисленні. — Профілактична медицина, 1932, с. 44.

[2] Там же.

Таблица 3.1.4

Численность населения Украинской ССР по расчету А. П. Хоменко в 1930—1945 гг. *

Год	Общая численность на начало года, тыс. человек	Прирост за 5 лет	
		тыс. человек	%
1930	31 135	3004	9,65
1935	34 139	3794	11,11
1940	37 933	5058	13,33
1945	42 991		

* *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 315.

Расчеты А. П. Хоменко показали еще более быстрый рост населения по сравнению с данными доклада М. В. Птухи для Международного статистического института. Эта часть прогноза А. П. Хоменко оказалась наименее реальной

В 1931—1932 гг. под руководством М. В. Птухи были сделаны перспективные расчеты «Население Украины во второй пятилетке». Работа была осуществлена по поручению Госплана УССР в связи с составлением плана второй пятилетки.

Будущие контингенты новорожденных были определены методом непосредственного установления чисел рождений. Подобно А. П. Хоменко М. В. Птуха пришел к мысли о неизбежной приостановке дальнейшего снижения числа рождений и наметил, как будет идти увеличение ожидаемых чисел родившихся в Украинской ССР [1]:

	1933	1934	1935	1936	1937
Ожидаемое число родившихся, тыс. человек	900	900	930	960	1000

М. В. Птуха подошел к оценке ожидаемого повышения рождаемости намного осторожнее, чем А. П. Хоменко, а поэтому получил и более медленный темп роста населения.

[1] См.: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 317.

Рассматриваемый перспективный расчет М. В. Птуха построил на предположении о все ускоряющемся снижении смертности. «При установлении вероятных мер снижения смертности в отдельных возрастных группах использованы достижения советской медицины, планы по развитию здравоохранения; для подтверждения возможности исчисленных мер привлечены данные об эволюции смертности в зарубежных странах»[1]. Кроме того, были приняты во внимание «соображения и указания академиков А. А. Богомольца и Н. Д. Стражеско, профессора А. М. Зюкова и других»[2].

В итоге М. В. Птуха пришел к следующим выводам о вероятном снижении смертности к концу второй пятилетки:

«1. В 1937 г. смертность на первом году жизни у мальчиков снизится до 10 %, а у девочек — до 8 %, т. е. из 100 новорожденных умрет 8—10 детей.

2. Во всех возрастных группах смертность от некоторых острозаразных заболеваний (оспа, тиф сыпной и возвратный) выпадает; смертность от желудочных заболеваний VI класса уменьшится на 75 %; смертность от причин XIV класса (самоубийство, убийство, детоубийство, несчастные случаи) уменьшится на 50 %.

3. Смертность детей 1—4, 5—9 лет от кори, скарлатины, коклюша, крупа и инфекционных болезней уменьшится на 75 %.

4. В результате социалистического строительства смертность от всех прочих заболеваний у людей 1—49 лет уменьшится на 25 %, для группы 50—54 лет — на 20 %, 55—59 лет — на 15 %, 60—64 лет — на 10 %, 65—69 лет — на 5 %.

...После сравнения полученных вероятных мер интенсивности смертности в отдельных возрастных группах меры эти были несколько выравнены... Меры смертности для промежуточных годов второй пятилетки интерполированы исходя из гипотезы нарастающих темпов уменьшения смертности»[3].

Действительный рост общей численности населения Украины оказался намного ниже, чем предполагалось перспективными расчетами. Так, М. В. Птуха рассчитал, что на 1 января 1938 г. население Украинской ССР должно составить 34 608,8 тыс. человек, а если исходить из данных переписи 1939 г., то на эту дату население республики составило только 30 221,5 тыс. человек (на 4387,3 тыс. меньше).

[1] *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения, с. 444.
[2] Там же, с. 451.
[3] Там же, с. 451—452.

Представляет также интерес сравнение возрастной структуры населения Украинской ССР по прогнозам и по данным переписи 1939 г. по основным возрастным группам (табл. 3.1.5).

Таблица 3.1.5

Возрастная структура населения УССР по прогнозам А. П. Хоменко и М. В. Птухи и по данным переписи 1939 г. *

Возраст, лет	Прогноз А. П. Хоменко на 1/I 1937 г.		Прогноз М. В. Птухи на 1/I 1939 г.		Перепись на 1/I 1939 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Моложе 15	13 148	36,9	11 803,0	34,1	10 204,7	33,1
15—60	20 209	56,7	20 500,5	59,2	18 950,7	61,2
Старше 60	2 260	6,4	2 305,3	6,7	1 782,9	5,7
Неизвестный	—	—	—	—	7,9	—
Всего	35 617	100	34 608,8	100	30 946,2	100

* *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 320.

Возрастной состав населения Украины, рассчитанный по прогнозам на вторую пятилетку, оказался не совсем соответствующим действительности. Занижена относительная численность лиц трудоспособного возраста (15—60 лет) в общем составе жителей и соответственно преувеличена доля детей (в результате завышения ожидаемых чисел родившихся) и стариков.

Крупная работа по перспективным исчислениям населения принадлежит ленинградским демографам С. А. Новосельскому и В. В. Паевскому. Они исходят из выравненных чисел населения СССР по переписи 1926 г. и таблицы смертности для европейской части СССР. Ввиду отсутствия всесоюзных данных о распределении родившихся по возрасту матери «всесоюзные повозрастные коэффициенты плодовитости были исчислены по имевшимся материалам за 1926—1927 гг. для Украины и бывшей Ленинградской губернии и за 1928 г. для европейской части РСФСР»[1].

[1] *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970, с. 85.

Исчисленные по этим данным коэффициенты были пропорционально изменены таким образом, чтобы «определенное на основании их среднее число родившихся во всем Советском Союзе за примыкающие к переписи (1926 г.) годы, отнесенное к общему количеству населения СССР, давало в результате общий коэффициент рождаемости на 4 % ниже коэффициента рождаемости в европейской части СССР (в 1926—1927 гг. коэффициент этот составлял 43,6 на 1000 населения). Это соответствует тому отношению, которое имелось в довоенные годы между высотой рождаемости в Европейской России и во всей России (100 : 96)»[1].

На основании полученных повозрастных коэффициентов плодовитости были определены будущие числа рождений по СССР. Для распределения родившихся по полу бралось соотношение 106 мальчиков на 100 девочек.

По перспективным расчетам С. А. Новосельского и В. В. Паевского, которые, однако, не ставили цель дать действительный прогноз будущего населения СССР, на начало 1939 г. было исчислено 191,1 млн. жителей, в то время как перепись показала только 170,6 млн. Следовательно, фактические процессы воспроизводства в 1927—1938 гг. протекали значительно менее благоприятно, чем в 1926—1927 гг., и это преувеличило расчетную численность по сравнению с фактической на 20,5 млн. человек, т. е. на 12 %.

Первая возрастная группа этой таблицы (дети моложе 12 лет) состоит из родившихся после переписи 1926 г., и именно она была определена в расчете с особенно большим преувеличением — 31,4 %. Это значит, что важнейшей, можно сказать, решающей причиной столь большого расхождения прогноза с действительностью было явное преувеличение числа будущих рождений. Этот просчет во многом объясняет, почему рассчитанное население оказалось значительно более многочисленным, чем фактическое. Как видно, рождаемость в СССР не удержалась на уровне 1926—1927 гг., а довольно сильно снизилась в промежутке между переписями 1926 и 1939 гг. Характерна также ошибка в группе 12—15-летних. Это те дети, которым в 1926 г. было меньше трех лет. Эта группа от всех остальных отли-

[1] *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики, с. 86.

Таблица 3.1.6

Возрастная структура населения СССР по расчету С. А. Новосельского и В. В. Паевского и по данным переписи населения 1939 г. (оба пола вместе) *

Возрастная группа	Численность населения, тыс. человек		Отклонение численности населения по расчету от численности населения по переписи 1939 г.		Доля данной возрастной группы во всем населении, %	
	расчет	перепись 1939 г.	тыс. человек	%	расчет	перепись
0—12	63 192	48 071	15 121	31,4	33,2	28,2
12—15	12 149	13 387	—1 238	—9,3	6,3	7,8
15—30	48 159	46 101	2 058	4,5	25,2	27,0
30—60	54 744	51 777	2 967	5,7	28,6	30,4
60 и более	12 858	11 185	1 673	15,0	6,7	6,6
Не указана	—	36	—36	—	—	0,0
Всего	191 102	170 557	+20 545	+12,0	100,0	100,0

* *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 301.

чается тем, что перспективный расчет для нее дал преуменьшенные числа живущих, в то время как во всех остальных возрастах ошибка расчета имеет противоположный знак. Ю. А. Корчак-Чепурковским было высказано предположение о большом недоучете этого контингента детей во время переписи[1]. Но, как уже отмечалось выше, академик М. В. Птуха категорически возражал против возможности такого недоучета и был склонен объяснить расхождения громадными пропусками в регистрации умерших детей. Если все же принять объяснение Ю. А. Корчак-Чепурковского и внести исправления в данные переписи по норме, установленной им для Украинской ССР, «то и для этой возрастной группы получился бы излишек в расчете на несколько процентов»[2]. При такой поправке группа 12—15-летних вписалась бы в общую закономерность.

Исчисления населения, сделанные в первую и вторую пятилетки С. Г. Струмилиным, М. В. Птухой, А. П. Хоменко, Ю. А. Корчак-Чепурковским, С. А. Новосельским и В. В. Паевским, отличались высокой технико-

[1] См.: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования, с. 302.

[2] Там же.

методической стороной их выполнения и представляют большой вклад в советскую демографическую науку и методику составления демографических прогнозов.

2. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПЕРСПЕКТИВНЫХ РАСЧЕТОВ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СССР (50—70-е ГОДЫ)

Перспективные расчеты населения, сделанные в 20-х годах, помогли заглянуть в будущее на много лет вперед и в самом начале развития советской экономики показали перспективы трудового баланса, позволили наметить реальную программу ликвидации неграмотности и осуществить всеобщее начальное образование в стране и т. д.

Итоги переписи 1939 г. не могли быть достаточно широко использованы для перспективных расчетов населения, так как вторая мировая война, главную тяжесть которой советский народ вынес на своих плечах, нанесла большой урон населению СССР, серьезно повлияла на его численность, размещение, возрастно-половую структуру.

Однако и во время войны, особенно в послевоенный период, когда перед страной встали задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, производились расчеты будущего населения. Это была трудная и сложная работа, так как последняя перепись населения была в 1939 г., а после нее в состав СССР вошли западные области Украины и Белоруссии, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония и некоторые другие территории. Огромный ущерб нашему народу нанесла война, унесшая жизни более 20 млн. советских людей. В ряде районов страны в годы войны, особенно на территориях, временно находившихся в немецко-фашистской оккупации, регистрация смертей и рождений велась плохо или вовсе отсутствовала.

В связи с этим в основу определения возрастно-половой структуры населения, являющейся исходной базой для перспективных расчетов, были положены сведения о числе избирателей, охватывающие взрослое население страны (в возрасте 18 лет и старше), а также итоги подсчета детей и молодежи (в возрасте до 18 лет) на основе записей в домовых книгах в городах и в книгах похозяйственного учета в сельских местностях, материалы текущего учета о движении населения и др. В эти данные, особенно о численности детей, приходилось вносить поправки на недоучет.

Исходя из этих материалов, в середине 1956 г. ЦСУ СССР опубликовало оценку численности населения СССР на апрель 1956 г. в 200,2 млн. человек. Почти одновременно ЦСУ дало официальную оценку, согласно которой на начало 1959 г. ожидалось примерно 207—208 млн. человек населения. Перепись населения 1959 г., давшая много ценных сведений для составления перспективных расчетов населения, показала, что на 15 января 1959 г. в нашей стране жило 208,8 млн. человек. Таким образом, расхождение фактических и расчетных данных составило меньше процента, что показывает хорошую точность этих расчетов.

Большая работа по прогнозированию населения была проведена после переписи 1959 г. В 60-е годы применение ЭВМ открыло пути к совершенствованию перспективных расчетов и расширению их программы. Появилась возможность производить расчеты с учетом миграции населения не только по СССР и союзным республикам, но и по экономическим районам, областям и крупным городам, причем в нескольких вариантах, учитывающих различные предположения относительно будущих тенденций рождаемости и смертности.

Перспективное исчисление населения СССР является базой для расчета важнейших показателей развития экономики и культуры страны. Демографическое и экономическое прогнозирование как звенья единой системы призваны обеспечить сбалансированность в развитии как элементов производительных сил, так и народного хозяйства и населения в целом. Повышение степени сбалансированности социально-экономического развития — одна из наиболее важных задач совершенствования народнохозяйственного планирования. Из этого вытекает необходимость наиболее точного прогнозирования процессов будущего воспроизводства населения.

Нашей наукой и статистическими органами накоплен богатый опыт по определению численности населения и его возрастно-половой структуры. Впервые этот опыт в обобщенном виде был изложен В. Н. Старовским [1]. Перспективные расчеты населения обычно произ-

[1] См.: *Старовский В. Н.* О методике прогнозных расчетов численности населения. — Вестник АН СССР, 1960, № 2.

водят по этапам: на первом этапе составляется прогноз исходя из фактически сложившегося режима воспроизводства, на втором — вносятся поправки и уточнения в первоначальный прогноз на основе планового проектирования.

В настоящее время в связи с возросшей ролью перспективных расчетов численности и возрастно-полового состава населения, повышением требований к их точности и увеличением объема информации, получаемой из традиционных источников и на основе выборочных обследований, увеличилось и количество методов перспективных расчетов.

Важное значение имело и то, что почти все перспективные расчеты, сделанные ранее (в 50-х годах), оказались преуменьшенными. Эта неудача стимулировала дальнейшее развитие методов исследования демографических процессов и более развернутых схем перспективного исчисления, направленных на дальнейшее его совершенствование по методу компонентов [1]. Этот метод, разработанный в 20—30-е годы, предусматривает раздельное прогнозирование чисел рождений, смертей, браков, а также случаев миграции людей.

Наиболее простым и получившим широкое распространение методом расчета будущих численности и состава населения и является метод, базирующийся на коэффициентах дожития и возрастных коэффициентах плодовитости. Примерами перспективного исчисления, выполненного этим методом, могут служить перспективные расчеты населения в нашей стране, а также большинство аналогичных расчетов, выполненных к настоящему времени за рубежом.

Один из наиболее сложных этапов расчета перспективной численности населения — работа по определению предпосылок изменения повозрастной рождаемости и смертности населения, будущих объемов миграции населения из одних территорий в другие, из сельских местностей в города, а также возрастно-полового состава мигрантов. Рождаемость, смертность и миграция с течением времени изменяются под влиянием различных социально-экономических и демографических факторов, оказывая влияние на изменение численности населения

[1] См.: *Павлов Г. А.* Информация о естественном движении населения и перспективные расчеты. — В кн.: Вопросы демографии. М., 1970, с. 78.

по стране в целом, а также отдельных ее районов. От того, насколько точно определены темпы изменения показателей рождаемости и смертности в будущем, а также объемы миграции населения, зависит и точность перспективных расчетов.

Показатели повозрастной смертности и состав ее по причинам неодинаковы в различных республиках, краях, областях, в городе и на селе, у мужчин и женщин. Обычно предполагается, что динамика повозрастной смертности на прогнозируемый период будет зависеть от первоначального уровня смертности в целом и по отдельным ее причинам. Сравнение показателей по различным территориям и у различных категорий населения позволяет определить возможности снижения повозрастной смертности или даже достижения минимальных ее показателей, а динамика показателей дает возможность выявить наиболее вероятные сроки достижения этого уровня.

Точность перспективных расчетов естественного движения населения может быть существенно повышена при учете изменений смертности по причинам. В нашей стране такими таблицами пользовались Ю. А. Корчак-Чепурковский [1], А. М. Мерков [2]. Однако в их работах не ставился вопрос о реальной возможности устранения отдельных причин смерти и о времени, когда это может наступить. Подобные исследования проводились с гипотетическими величинами, имеющими значение для определенной политики здравоохранения, но не представляющими непосредственного интереса для народнохозяйственного планирования. В этом отношении более интересен метод исчисления перспективной численности населения с учетом изменения возрастной структуры населения вследствие предполагаемого снижения смертности, разработанный М. С. Бедным [3]. В отличие от общепринятой методики перспективных исчислений населения М. С. Бедный предложил производить перед-

[1] См.: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Таблицы рождаемости и подвижности населения в 1922—1926 гг. УССР, Х, ЦСУ УССР, 1929.

[2] См.: *Мерков А. М.* Методика исчисления таблиц дожития и определения средней длительности предстоящей жизни населения. — Советское здравоохранение, 1959, № 6.

[3] См.: *Бедный М. С.* О расчетах будущей численности населения с учетом предполагаемого снижения смертности. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966.

вижку возрастов не по коэффициентам дожития фактических таблиц смертности, а по коэффициентам дожития гипотетических таблиц смертности, построенных по причинам смерти.

Наиболее проблематичным при перспективных исчислениях по методу «компонентов» является определение будущих численностей рожденных детей по отдельным календарным периодам. Это связано с тем, что рождаемость в настоящее время — наиболее существенный и потенциально самый динамичный фактор изменения общей численности и возрастно-половой структуры населения.

Немедленное и существенное воздействие на показатели режима воспроизводства населения оказывают только факторы катастрофического характера: тяжелые войны, пандемии, голод и т. п. Они нарушают нормальный ход воспроизводства населения, и рождаемость реагирует на них еще больше, чем смертность. Общее же развитие экономики, рост благосостояния и культуры и вообще улучшение социально-экономических условий влияют на рождаемость с большим «временным лагом». Тем не менее динамика рождаемости определяется в основном изменениями именно социально-экономических условий. К важным факторам рождаемости относятся и традиции этнического, религиозного характера. При определении предпосылок изменений рождаемости принимаются во внимание и такие объективные факторы, как урбанизация, увеличение длительности общего и специального обучения, общий рост культуры, уровня жизни и т. д.

Большое влияние на изменение показателей рождаемости оказывают и демографические факторы, такие, как соотношение численности мужчин и женщин в общей численности населения, доля женщин, состоящих в браке, и др. Данные переписей населения 1959 , 1970 и 1979 гг., а также текущих оценок показывают постоянное улучшение названных показателей. Так, по переписи 1959 г. доля мужчин в общей численности населения составляла 45 %, а в 1979 г. — 46,6 % [1]. Выравнивание соотношения численности мужчин и женщин будет происходить и в дальнейшем, а к 1979 г. соотношение мужчин и женщин в основном выравнилось в возрасте до

[1] См.: Население СССР, с. 16.

50 лет. И, как следствие этого, улучшились показатели брачности населения. По данным переписи 1979 г. в СССР состояли в браке 122,6 млн. мужчин и женщин, что больше по сравнению с 1970 г. на 14,4 % [1].

Увеличение доли женщин, состоящих в браке, в общей численности женщин при прочих равных условиях приводит к росту повозрастной рождаемости, поскольку число родившихся на 1000 женщин данного возраста, состоящих в браке (брачная рождаемость), выше, чем показатель общей повозрастной рождаемости.

Методика перспективных расчетов численности и размера семей постоянно совершенствуется. Использование показателей, дифференцированных по возрасту вступления в брак, по очередности рождения в зависимости от возраста матери, ее семейного состояния, интервала с момента последнего рождения и т. д., дает возможность определить будущую численность брачных пар с распределением их по числу детей. Как известно, семьи, состоящие из брачной пары и детей, составляют подавляющее большинство семей. Однако ввиду того, что процессы «распада» и «формирования» сложных семей еще очень мало изучены, основным остается метод перспективного исчисления семей (домохозяйств), в основе которого лежат возрастные коэффициенты «главенства» (число глав семей на 1000 лиц данной возрастно-половой группы). Сейчас стремятся, однако, дифференцировать эти показатели не только по возрасту и полу, но и по семейному состоянию.

Прогнозные расчеты численности населения, проводимые в нашей стране, а также его возрастно-половой структуры в большинстве случаев совпадают с переписными данными. Это говорит о достаточно работоспособной модели естественного движения населения по СССР в целом. Однако с развитием народного хозяйства все большее значение приобретают прогнозы динамики населения и его структуры по районам страны. Вопрос осложняется тем, что для прогнозирования численности населения и трудовых ресурсов по районам страны необходимо учитывать помимо естественного движения также и миграцию населения.

Для страны в целом большое значение имеет прогноз миграционного обмена населением между городской и сельской местностью, поскольку лишь в этом случае

[1] См.: Население СССР, с. 17.

можно оценить динамику городского и сельского населения. Крайне важным является определение параметров межрайонного обмена населением для отдельных территорий. Прогнозирование межрайонной миграции включает не только определение ее конечных результатов, но и общих размеров перемещений, а также структуры миграционных потоков. На перспективную численность населения влияет не только сальдо миграции, но и ряд других обстоятельств, в частности несовпадение структур прибывающего и выбывающего населения.

В отличие от естественного механическое движение населения, или миграция, самым непосредственным образом зависит от размещения производства. Миграционные потоки быстро меняют свои размеры и направления, следуя сразу же за изменениями в размещении производства. В условиях социалистического хозяйства миграция населения направляется в основном планом, конечно, не в порядке административного перемещения, а путем стимулирования, организационного набора, распределения молодых специалистов и т. п. Однако большое значение имеет и индивидуальная миграция, учесть которую гораздо сложнее, чем плановую.

Планирование экономики должно учитывать наличие и перспективу трудовых ресурсов. В свою очередь рациональное использование трудовых ресурсов включает и их рациональное размещение. При этом в задачу экономического планирования входят перераспределение рабочей силы и учет влияния миграции на режим воспроизводства населения.

В прогнозировании воспроизводства населения можно выделить два этапа: один, более ранний по времени, ограничивается только естественным движением, другой предусматривает учет миграционных процессов. Так, первые прогнозы, сделанные в конце 50-х г. — начале 60-х годов, не учитывали миграции населения. В середине 60-годов уже преобладал подход, предусматривающий учет миграции в прогнозировании демографического развития отдельных территорий [1].

[1] См.: *Рыбаковский Л. Л.* Вопросы разработки регионального баланса трудовых ресурсов на перспективу. — В кн.: Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока. Хабаровск, 1965; *Белоусова Е. И.* О перспективных расчетах населения Украинской ССР до 1971 г. — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968; *Скоротупова Л. Д.* О совершенствовании перспективных расчетов численности населения в СССР. — Там же.

Наиболее обстоятельные методики таких расчетов предложены Ю. А. Корчак-Чепурковским [1] и Н. А. Твороговой.

Методика, предложенная Ю. А. Корчак-Чепурковским, основывается на комбинированной таблице дожития и возрастно-полового сальдо миграций. Автор рекомендует расчетные численности выбывающих находить в местностях, отдающих население, а затем распределять их по районам, получающим население. Его расчеты миграции основываются на краткосрочной экстраполяции. Несмотря на оригинальность методики, по нашему мнению, она едва ли может дать удовлетворительные результаты, так как сальдо миграции населения нельзя экстраполировать, его можно получить лишь после разработки баланса трудовых ресурсов. Кроме того, сальдо миграции определяется не оттоком населения в районах выхода, а развитием производительных сил в районах вселения.

Наиболее полно методика демографического прогнозирования по районам описана в работе Н. А. Твороговой [2]. При ее участии в ГВЦ Госплана СССР была разработана схема исчисления предположительной численности населения с учетом миграции, а также составлены программы этого расчета для ЭВМ «Урал-2» и «Урал-4». Предложенная модель предусматривает различные предположения о будущих изменениях режима воспроизводства населения, а также следующие формы миграции: внутрирайонная и областная миграция; межрайонная миграция; прирост городского и уменьшение сельского населения в связи с преобразованием сельских населенных пунктов в городские в результате индустриального развития этих пунктов.

Для изучения влияния миграции на результаты расчета перспективной численности населения сравниваются варианты с учетом и без учета миграции населения при условии, что режим воспроизводства населения будет одинаковым. По ориентировочным расчетам (от базы 1970 г.) к концу 2000 г. численность населения

[1] См.: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Перспективные исчисления населения с применением комбинированной таблицы доживаемости и повозрастной интенсивности миграции. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966.

[2] См.: *Творогова Н. А.* Опыт перспективного исчисления населения с учетом миграции. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966.

СССР по расчету с учетом миграции из села в город будет меньше, чем по расчету без учета миграции более чем на 12 млн. человек[1]. По существу это означает, что в расчете с учетом миграции закладывается снижение повозрастной рождаемости для всего населения, так как в результате миграции увеличивается удельный вес городских женщин, повозрастная плодовитость которых ниже, чем сельских.

При составлении прогноза будущей численности населения и трудовых ресурсов необходимо как можно точнее учитывать влияние экономических факторов на развитие народного хозяйства. Это тем более важно, что с развитием народного хозяйства все большее значение приобретают прогнозы динамики населения и его структуры по районам страны.

Существование различий между страной в целом и ее частями — областями, районами, республиками — обусловливает дифференциацию методологии прогнозирования народонаселения на национальном и региональном уровнях. В отличие от прогнозирования населения страны методологические основы регионального демографического прогнозирования разработаны еще недостаточно. Так, в большинстве случаев региональное прогнозирование населения осуществляется по аналогии с прогнозированием населения страны. В то же время общепризнанность методики передвижки возрастов не исключает того, что использование показателей таблиц смертности в перспективных расчетах населения может осуществляться разными методами.

Первый из практически используемых методов состоит в том, что возрастно-половая передвижка населения по отдельным областям, районам и республикам осуществляется с помощью единых для страны (республики) таблиц смертности (доживаемости). Использование единых по стране таблиц смертности широко применяется в расчетах населения по областям, краям, автономным республикам и особенно экономическим районам.

Недостатком этого подхода является то, что он исходит из предположения идентичности режимов воспроизводства населения во всех районах страны. Однако не только повозрастные показатели рождаемости заметно

[1] См.: *Вуколова С.* Некоторые аспекты демографического прогнозирования. — Вестник статистики, 1973, № 12, с. 18.

различаются по районам и особенно республикам, но и существенно отличаются показатели повозрастной смертности населения и средняя продолжительность предстоящей жизни. Исследования, выполненные В. Д. Зайцевым, рассчитавшим стандартизованные показатели смертности для территориальных подразделений РСФСР, показали, что смертность в восточных районах в середине 70-х годов была выше, а продолжительность жизни на 3—4 года ниже, чем в среднем по стране[1].

Широкое применение в практике демографических расчетов, выполняемых ЦСУ СССР, электронно-вычислительной техники позволило вести прогнозы с использованием для областей табличных данных республик или экономических районов. Однако области, входящие в один экономический район, могут различаться по показателям режима воспроизводства весьма значительно.

Второй подход состоит в использовании для возрастных передвижек населения разработанных для каждой области индивидуальных таблиц смертности. Недостаток этого подхода в том, что по некоторым областям размеры колебания малых совокупностей, например умерших, приводят к появлению случайных показателей.

Третий подход заключается в разработке таблиц смертности для групп территорий. Построение региональных таблиц смертности, являющихся одновременно типовыми для входящих в данный район областей, краев, АССР, тесно связано с проблемой демографического районирования, т. е. деления территории, к которой относится прогнозируемый объект, на зоны со сходными демографическими характеристиками. Этот подход, с одной стороны, уменьшает неточности, связанные с применением единых для всех областей, краев и автономных республик таблиц смертности, а с другой стороны, снижает вероятность ошибок за счет укрупнения используемых при разработке типовых таблиц расчетных совокупностей (живущих, родившихся, умерших).

Для разработки вопросов демографического районирования важную роль играет выбор критерия, определяющего уровень демографического развития района, и показателей, на базе которых можно провести группировку областей, определить минимально допустимую

[1] См.: Трудовые ресурсы. Формирование и использование. М., 1975, с. 49.

степень расхождения типовых и фактических показателей. В частности, рекомендуется составлять единые таблицы смертности для областей, входящих в один экономический район, или для территорий, сходных по типу смертности[1]. В то же время использование единого критерия типологии проблемы полностью не решает, так как области, близкие по общим и стандартизованным показателям смертности, могут различаться показателями рождаемости или теми и другими, но исчисленными не по всему населению, а по городской и сельской местности, отдельно для мужчин и женщин.

Перспективным решением проблемы типологии территорий на основе использования не одного, а ряда показателей естественного движения является, по мнению Л. Л. Рыбаковского, применение кластерного анализа[2], представляющего совокупность приемов, предназначенных для разделения некоторого множества объектов на подмножества таким образом, чтобы в каждом из них находились наиболее близкие между собой объекты.

Использование таблиц смертности, разработанных для типологических групп, наиболее целесообразно для небольших территориальных подразделений: административных районов и особенно населенных пунктов, демографические параметры которых даже для одной и той же территории в зависимости от людности и выполняемых функций заметно различаются. С помощью кластерного анализа может быть проведена классификация населенных пунктов по союзным республикам, экономическим районам и стране в целом и для каждой группы разработаны типовые таблицы смертности.

Совершенствование прогнозирования народонаселения, входящих в него контингентов и источников движения включает улучшение методологии, методик, информационной базы и организации работ в этой области. Необходимым является улучшение методики прогнозирования населения отдельных территорий, что подтверждается особенностями социально-экономического и демографического развития в ближайшие годы.

[1] См.: *Вуколова С.* Некоторые аспекты демографического прогнозирования. — Вестник статистики, 1973, № 12, с. 20; *Рылкова И. Н.* Проблемы демографического прогнозирования. — В кн.: Региональное демографическое прогнозирование с учетом расселения. Душанбе, 1978, 154, раздел II.

[2] См.: *Рыбаковский Л. Л.* Методологические вопросы прогнозирования населения. М., 1978, с. 153.

3. О ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕГИОНАМ

Определение долгосрочных перспектив изменения численности и состава населения, его тенденций воспроизводства и развития в целом перестало быть чисто теоретической задачей демографических расчетов и приобрело первостепенную практическую значимость. Это связано в первую очередь с тем, что для нашей страны реализация ряда долгосрочных социально-экономических программ требует уже не одной-двух пятилеток, а гораздо большего срока. Более того, существует ряд глобальных проблем развития общества, стратегия решения которых может быть выработана лишь с позиций долгосрочной перспективы. Это, например, проблемы соотношения роста численности и состава населения, с одной стороны, и состояния окружающей среды, сохранения ряда природных ресурсов — с другой.

К числу этих проблем можно отнести и разработку долгосрочной программы развития населения, мер эффективной демографической политики, намеченной XXVI съездом КПСС. Такая программа по своей сути рассчитана на десятилетия, поскольку целью ее в конечном счете является создание и поддержание таких параметров воспроизводства населения, которые отвечали бы долгосрочным интересам общества. Скорейшее достижение устойчивого оптимального равновесия между демографической и другими подсистемами общества требует проведения постоянной по своей генеральной цели системы мер общества.

Конечно, демографические процессы тесно связаны между собой и изменение одного из них влияет на другой, например, рост рождаемости в определенных условиях и пропорциях ведет к росту младенческой смертности. Хотя пропорции таких изменений могут быть разными. В этом смысле можно говорить о каком-то саморегулировании «внутри» демографической системы. Но как «первоначальный толчок» такого рода изменениям, так и темпы изменения интенсивности самих компонентов демографических процессов определяются внешними по отношению к демографической системе компонентами, в первую очередь социально-экономическими факторами. В этом смысле демографическая система детерминируется «извне», а следовательно, имеется

возможность направленного воздействия на нее с помощью методов демографической политики. Но разработка их должна учитывать генеральные тенденции демографического развития и объективно обусловленные границы колебания показателей воспроизводства.

Речь идет о том, что диапазон колебаний, в первую очередь процессов рождаемости, определен тем этапом развития населения, на котором оно находится. Если, например, переход к малодетной семье закончился у большинства населения, то никакими мерами демографической политики нельзя обеспечить переход к массовой многодетной семье. Отметим также, что, когда речь идет об оценке долгосрочных тенденций, не следует понимать, что надо определить численность населения страны (или региона) к середине XXI в. с точностью до одного человека — это и невозможно, да и ненужно. Нужно выявить лишь тип воспроизводства населения, принципиальные характеристики его, в том числе соотношение процессов рождаемости и смертности, а также миграции и на этой основе рассчитать варианты с достаточно большой степенью приближения будущей численности и состава населения. Разумеется, такого рода оценки необходимо рассматривать лишь как разновероятные гипотезы, а не как точный (в статистическом смысле) прогноз.

Условно можно выделить несколько рубежей демографического прогнозирования, которые во многом совпадают и с плановыми сроками и с целями направленного воздействия на население. Ближайшими из них могут быть границы пятилетки (в данном случае 1981—1985 гг.), в пределах которой уже существует четко намеченная программа мер демографической политики. Более долгосрочным рубежом может стать рубеж долгосрочного планирования, например 1990 г. И наконец, отдаленный рубеж планирования (главным образом с позиций реализации долгосрочных социальных и народнохозяйственных разработок) это 2000—2010 гг., к наступлению которых можно уже ожидать ощутимых результатов комплекса мер эффективной демографической политики.

Наконец, для разработки общих установок и определения системы целей демографической политики важно знать и долгосрочные тенденции воспроизводства населения, т. е. на протяжении жизни двух-трех поколений.

В принципе общие закономерности изменения характера процессов воспроизводства населения при отсутствии кардинальных открытий в будущем в биологии, медицине и генетике можно сформулировать уже сейчас. В области рождаемости это сохранение типовой малодетной семьи (до трех детей), но средний уровень детности семей во многом будет зависеть от мер, предпринимаемых обществом, и, самое главное, от общих тенденций его социально-экономического развития.

Резервы продолжительности жизни (рассчитывая ее по методу условного поколения) в нашей стране достаточно велики даже при современном уровне развития медицины[1].

Видимо, будет расти интенсивность миграции, продолжится дальнейшее развитие функций семьи, будет меняться интенсивность и структура процессов брачности и разводимости.

В перспективе все это должно привести к формированию во всех республиках единого по интенсивности типа воспроизводства населения, что облегчает проведение программы мер демографической политики. Однако границы вариаций такого типа воспроизводства могут быть (в пределах малодетной семьи) весьма велики — от роста населения до его убыли. Одним из достаточно вероятных вариантов изменения численности населения является такой тип воспроизводства, который называют «нулевым приростом» или иногда «стабилизацией» населения.

Надо подчеркнуть, что такой вариант развития населения не следует рассматривать как неизбежный, это один из возможных, но отнюдь не обязательных вариантов развития населения.

Рассматривая эту проблему, прежде всего необходимо уточнить ряд моментов. Надо различать понятие нулевого прироста как возможного варианта воспроизводства населения, т. е. чисто демографического понятия, от его интерпретации некоторыми буржуазными авторами, которые с помощью демографических средств

[1] Например, в 1958 г. продолжительность жизни мужчин в Японии составляла 65 лет, а женщин — 70 лет, а в 1978 г. соответственно — 73 и 78 лет. См.: Народонаселение стран мира. М., 1978, с. 169; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 92.

решают социально-экономические проблемы: изменяя темпы роста населения, пытаются сократить безработицу, повысить темпы экономического роста, что решается отнюдь не чисто демографическими методами. Видимо, следует различать понятие нулевого прироста (или нулевого роста, что, строго говоря, не одно и то же) и стабилизацию темпов роста населения. Под последним можно понимать устойчивые темпы прироста населения или же постоянное (стабильное) отсутствие прироста населения, т. е. стабильную его численность.

В этом смысле можно говорить и о нулевом приросте населения как эпизодическом явлении или о таком длительном состоянии населения, которое будет существовать достаточно долго. Для достижения такого состояния необходимо несколько условий: сближение уровней рождаемости и смертности; пропорциональная и устойчивая возрастная структура; достаточно устойчивые во времени стандарты демографического поведения и график рождений. Поэтому проблема создания такого типа воспроизводства требует большего времени — двух-трех поколений для страны, необходимого прежде всего для выравнивания возрастной структуры. Следовательно, это проблема перспективы, если иметь в виду устойчивость такого состояния. В настоящее время можно выявить лишь тенденции к формированию такого состояния.

Говоря о возможном нулевом приросте в нашей стране, мы имеем в виду крайне низкие темпы прироста или прекращение лишь количественного роста населения при продолжающемся быстром улучшении качества населения. Конечно, говорить о том, что количество населения полностью компенсируется его качеством, трудно, но в какой-то степени это правомерно. Для того чтобы проанализировать динамику демографических процессов, как известно, нужно использовать разнообразные показатели. Это же в полной мере относится и к тенденции формирования нулевого прироста.

В настоящее время проблема формирования нулевого прироста становится все более реальной в связи с существующими тенденциями ряда республик, завершающих последнюю стадию демографического перехода. Реальную возможность такой перспективы показывает сделанный нами прогноз по нижнему варианту

рождаемости и смертности по группам республик до 2000 г.[1]

Для установления момента стабилизации численности населения (или нулевого прироста) необходимо использовать более точный показатель этого процесса, так называемый истинный коэффициент естественного прироста населения (или коэффициент прогрессивности данного режима воспроизводства) [2]. К сожалению, рассчитать данный показатель из-за отсутствия для этого необходимой детальной информации нельзя.

Здесь мы сталкиваемся с одной из самых кардинальных и до конца не решенных проблем демографического анализа — измерение параметров воспроизводства населения в условиях возрастной структуры, существенно отличной от стабильной, на базе которой рассчитываются почти все комплексные характеристики воспроизводства населения, поэтому определить степень приближения фактического состояния воспроизводства населения к стабильному по моментным характеристикам достаточно сложно.

Такое состояние, как уже отмечалось, может полностью сформироваться лишь тогда, когда во всем населении на длительное время прекратится его рост при возрастной структуре, близкой к стабильной, и при отсутствии значительной по размерам внешней миграции. Статистически оно может выражаться в величинах нетто-коэффициентов, близких к единице, для всего населения в неизменных показателях воспроизводства ряда поколений, в которых обеспечивается лишь простое воспроизводство.

В то же время можно говорить и о тенденциях к этому состоянию, о чем может свидетельствовать снижение уровня рождаемости в условиях невыравненной возрастной структуры, что также весьма важно с точки зрения перспективного развития населения. Если в течение десятилетия или более длительного периода суммарный коэффициент рождаемости остается практически неизменным на уровне простого замещения поколений, то это, как правило, предвещает стабилизацию численности населения.

---

[1] Обращает на себя внимание, что для 26 экономически развитых стран мира в последние годы установился крайне низкий (примерно на нулевом уровне) естественный прирост населения.

[2] См.: Курс демографии. М., 1967, с. 242.

В нашей стране гипотеза о возможной стабилизации роста численности населения исследовалась в работах некоторых советских экономистов и демографов, таких, как Э. А. Араб-Оглы [1], А. Г. Вишневский [2]. Еще раньше как о возможном варианте развития населения с нулевым приростом писал академик С. Г. Струмилин [3].

Для основания таких вариантов развития населения (и тем более вариантов, которые обосновываются рядом зарубежных исследователей, когда стабилизацию роста численности населения рассматривают как предшествующую этапу постоянно увеличивающего отрицательного прироста населения из-за крайне низкого уровня рождаемости) необходимы исследования длительно существующих тенденций воспроизводства населения. Особенно важен при этом анализ последствий как демографических, так и социально-экономических формирований указанных типов воспроизводства населения с целью оценки их приемлемости и выработки комплекса мер демографической политики. С этой точки зрения и с позиций возможности стабилизации роста населения представляет определенный интерес проблема оценки тенденций роста населения СССР и союзных республик.

Во всех союзных республиках СССР, кроме республик Средней Азии, за последние 20 лет, как уже отмечалось (гл. 2, § 2), наблюдается тенденция к снижению (или практической стабилизации на низком уровне) величины показателей воспроизводства населения с постепенным уменьшением, хотя и разными темпами, величины потенциала демографического роста.

Все это показывает, что исключить полностью такой вариант, как переход основной массы населения к однодетной и даже бездетной семье, нельзя, поэтому существенно увеличивается актуальность своевременного проведения мер демографической политики. Ведь если в республиках Средней Азии, в Армении, Азербайджане, Молдавии, Казахстане уровень рождаемости спустится до уровня РСФСР, в целом по стране он может стать заметно меньше уровня простого воспроизводства. Надо полагать, что по мере дальнейшего снижения рождаемости дифференциация рождаемости в стране постепенно исчезнет, т. е. исчезнут различия, которые пока еще достаточно существенны между социальными группами, между городским и сельским населением. Но чем шире будет распространяться городской образ жизни, тем больше следует ожидать повсеместного установления городского типа воспроизводства [1].

Снижение уровня рождаемости сейчас характерно для всех основных национальностей в нашей стране, но в разной степени. Так, у латышей и эстонцев установился стабильно низкий уровень рождаемости с небольшими колебаниями, к этому уровню приближаются русские и украинцы. Несколько выше уровень рождаемости у белорусов и литовцев, но различия несущественны. Средний уровень рождаемости характерен сейчас для армян, казахов, молдаван и азербайджанцев. Однако у них заметна стойкая тенденция к снижению рождаемости и стабилизации на уровне двухдетной семьи.

Завершение демографического перехода предполагает перестройку не только процессов рождаемости, но и смертности, хотя и в меньшей мере. Переход к качественно новому типу смертности происходит вследствие практической ликвидации смертности (или его резким ограничением) от экзогенных причин. Количественно этот переход характеризуется величиной показателя средней продолжительности жизни для всего населения около 75 лет для территорий, завершивших демографический переход.

Однако за последние годы в нашей стране почти во всех республиках наметилась тенденция к некоторому росту уровня смертности за счет увеличения смертности в детских и основных трудоспособных возрастах мужчин. Сформировавшаяся тенденция в отношении смертности (временная, поскольку будут приняты меры по ее ликвидации) может только ускорить процесс перехода населения нашей страны к нулевому росту.

Несмотря на существующие низкие показатели воспроизводства, которые в ряде случаев ниже уровня простого воспроизводства, население всех республик продолжает увеличиваться. Это прежде всего относится

---

[1] *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. М., 1978, с. 99.

[2] *Вишневский А. Г.* Демографический взрыв. М., 1980.

[3] *Струмилин С. Г.* В космосе и дома. — Новое время, 1961, № 7.

[1] См.: Сколько будет детей в советской семье? М., 1977; Социологические исследования, 1979, № 3.

к РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР, находящихся на завершающейся стадии демографического перехода. Рост населения в этих республиках продолжается во многом за счет возрастной структуры, изменяющейся вследствие интенсивной миграции молодых возрастов, что увеличивает в этих республиках потенциал демографического роста.

Население Латвии и Эстонии практически уже исчерпало резервы своего роста за счет возрастной структуры. Население здесь в основном формируется за счет существующего режима рождаемости и смертности. В ряде других республик рост населения идет в основном только за счет потенциальных возможностей возрастной структуры, которые в среднем обеспечивают до 20 % прироста населения, иначе говоря, при отсутствии внешней миграции населения и стабильной возрастной структуры население в них могло бы уменьшиться.

И наконец, чрезвычайно высокий прирост населения за счет возрастной структуры (более чем на 50 %) в первую очередь в республиках Средней Азии обеспечивает пока еще высокий темп естественного прироста всего населения СССР, хотя в целом демографический потенциал в нашей стране составляет всего 28 %, а в 1979 г. стал несколько меньше, чем в 1970 г.

Потенциал демографического роста в СССР в 1970 г.

	Потенциал
РСФСР	1,22
Украинская ССР	1,14
Белорусская ССР	1,26
Узбекская ССР	1,75
Казахская ССР	1,58
Грузинская ССР	1,34
Азербайджанская ССР	1,71
Литовская ССР	1,23
Молдавская ССР	1,42
Латвийская ССР	1,04
Киргизская ССР	1,65
Таджикская ССР	1,80
Армянская ССР	1,64
Туркменская ССР	1,77
Эстонская ССР	1,06

Население республик СССР можно классифицировать как по характеру воспроизводства населения республик (см. гл. 2, § 2), так и по типу их возрастных структур. Последняя классификация дополняет приближенную оценку воспроизводства населения, сделанную с помощью показателей воспроизводства, базирующихся на стационарном населении. Фактически возрастная структура населения всегда отличается от структуры гипотетического стабильного населения. Анализ возрастных структур населения республик СССР показывает, что с изменением режима воспроизводства населения происходит смена типа возрастной структуры.

Возрастные структуры населения республик СССР по переписи 1970 г. можно классифицировать по трем типам в зависимости от характера их возрастной структуры (см. табл. 3.3.1). Эта динамика близка к типологии воспроизводства населения.

Таблица 3.3.1

Типы возрастной структуры населения СССР по переписи 1970 г., % *

	0—4	5—9	10—14	15—59	60 лет и старше
Узбекская ССР	16,0	15,8	45,1	46,2	8,7
Таджикская ССР	17,0	16,5	46,6	45,9	7,5
Туркменская ССР	16,1	15,8	44,9	47,9	7,2
Киргизская ССР	14,1	14,7	41,7	49,4	8,9
Азербайджанская ССР	14,5	15,9	44,1	47,9	8,0
Армянская ССР	11,6	14,2	39,2	52,5	8,3
Казахская ССР	11,9	13,4	37,5	54,2	8,3
Молдавская ССР	9,5	11,1	32,2	58,1	9,7
Грузинская ССР	9,2	11,0	30,6	57,5	11,2
Литовская ССР	8,6	9,5	27,0	58,0	15,0
Белорусская ССР	8,3	10,1	29,0	57,9	13,1
РСФСР	7,2	7,2	26,5	61,6	11,9
Украинская ССР	7,3	8,7	24,9	61,2	13,9
Эстонская ССР	7,1	7,5	22,1	61,1	16,8
Латвийская ССР	6,8	7,5	21,6	61,1	17,3

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972.

К первому типу относится население республик Средней Азии и Азербайджана, для которых характерна высокая доля детей, составляющая в среднем 45 % от всего населения, что является следствием крайне высокой рождаемости. У всего населения данной группы доля детей в возрасте 0—4 года практически равна доле детей 5—9 лет, что говорит о достаточно еще высокой смертности детей. Доля детей в таком населении и доля родителей весьма близки.

Ко второй группе населения можно отнести республики Закавказья, Молдавию и Казахстан. В них снижение рождаемости наблюдается со всей очевидностью, поэтому и доля детей здесь меньше доли родителей, а количество стариков заметно увеличивается. Доля де-

тей в этих республиках в возрасте 0—4 лет намного ниже доли детей в возрасте 5—9 лет, что свидетельствует о снижении рождаемости.

И наконец, к третьей группе относится население республик, где оно близко к стационарному типу, согласно классификации Г. Зундберга[1]. В этих возрастных структурах доля детей почти в три раза меньше доли родителей, возрастные группы 0—4 и 5—9 лет практически мало различимы. Исключение составляют РСФСР, Украина и Белоруссия, в которых заканчивается интенсивный демографический переход.

Выделенные типы возрастных структур населения дают достаточное представление о перспективе ее эволюции и, главное, о скорости их перехода от прогрессивного типа к стационарному, так как возрастные структуры I типа относятся к населению, находящемуся на начальных этапах демографического перехода, перед началом интенсивного снижения рождаемости.

С этой точки зрения возрастная структура населения II типа представляет собой население в период демографического перехода в так называемом нестабильном состоянии. К III типу относится население, приближенное к стабильному состоянию, завершающее демографический переход.

Таким образом, учитывая существующую демографическую ситуацию, проблема стабилизации численности населения в нашей стране становится все более реальной. Сложность проблемы заключается только в сроках достижения условий стабилизации, хотя теоретически данные условия выполнены для большинства населения, поскольку около 80 % населения нашей страны характеризуется простым воспроизводством, типичным для стадии стабилизации.

Значительную трудность представляет установление сроков завершения демографического перехода для республик, находящихся на его начальных этапах, — республик Средней Азии и Азербайджана. Однако, судя по опыту демографического развития ряда союзных республик, как и большинства стран мира, процесс перехода на качественно новый тип воспроизводства для них таков неизбежен: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»[1].

[1] В возрастной структуре стационарного типа доля детей составляет 27%, доля родителей — 50% и доля прародителей — 23% (см.: *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968, с. 59—60).

Завершение демографического перехода и приближение всего населения СССР к стационарному состоянию в настоящее время можно рассматривать только как условный прогноз, реальность его обусловлена не только существующими демографическими тенденциями, но и существующими социально-экономическими тенденциями.

В этих условиях возрастает актуальность не просто определения тенденций развития населения СССР, а разработки мер активного вмешательства в эти процессы для создания в перспективе желательного типа воспроизводства населения с учетом генеральных тенденций его развития.

4. ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНОЙ ДОЛГОСРОЧНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Решения XXVI съезда КПСС ставят перед советскими демографами задачу не только разработки, но и реализации комплекса мер эффективной демографической политики, которая предусматривает воздействие на семью, оказание ей всесторонней помощи для оптимального сочетания ею трудовых и воспроизводственных функций. Реализация такой политики должна учесть ряд моментов, существенно затрудняющих разработку мер управления. Эти обстоятельства сводятся в основном к следующему.

При разработке необходимо учитывать взаимосвязь и взаимозависимость всех компонентов демографических явлений, в комплексе составляющих процессы воспроизводства и развития населения.

Необходимо учитывать весь сложный и многообразный комплекс последствий изменения типов и режима воспроизводства населения под влиянием мер демографической политики.

Такого рода меры должны быть элементом всей сложной системы управления социально-экономическими явлениями. Поэтому по возможности необходимо учитывать влияние на характер демографических явле-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 9.

ний изменений социально-экономических процессов, оказывающих определяющее воздействие на демографические явления.

Мероприятия должны носить долгосрочный характер, выходить за пределы длины одного поколения, поэтому в них важно учесть долгосрочные тенденции изменения демографических явлений.

Они должны охватывать, и это одно из условий ее эффективности, различные уровни управления с учетом их возможностей и компетенции — от страны в целом до района, края, автономной республики и области — так называемый «региональный разрез», и от министерства до предприятия (колхоза, учреждения) — «отраслевой разрез».

Наконец, такая программа должна иметь четко определенную систему целей, причем количественно определенную. Остановимся на этом вопросе подробнее, поскольку он до сих пор является предметом споров среди демографов[1].

Прежде всего спор идет о том, что является объектом демографической политики. По мнению одних демографов, например В. С. Стешенко, объектом демографической политики являются «общественные отношения», рассматриваемые в виде внутренней формы демопроцесса (термин В. С. Стешенко), т. е. массового, непрерывно повторяющегося процесса создания индивидов конкретно-исторического качества...»[2].

Другая точка зрения состоит в том, что объектом воздействия демографической политики являются в той или иной форме демографические процессы, т. е. непосредственно процессы смертности, рождаемости, миграции и т. д.[3]

Сопоставляя эти два подхода, отметим, что идею необходимости управления демографическими явлениями, планомерного воздействия на них в той или иной форме разделяют сейчас представители обоих подходов. Это позволяет надеется на успехи в разработке и реализации демографической политики в СССР.

[1] См., например: *Стешенко В. С.* Демоэкономический подход к формированию научных основ управления демопроцессом. — В кн.: Экономика демопроцесса. Киев, 1981, с. 14—16.

[2] Там же, с. 14.

[3] См., например: *Кваша А. Я.* Демографическая политика в СССР.

Второй, хотя и менее явный, общий момент заключается в том, что все специалисты считают, что в основе эффективности мер демографической политики лежит успешное развитие экономики, дальнейшее развитие общественных отношений, причем как материальной основы их в виде отношений производственных и производных от них идеологических отношений.

Но проблема состоит в том, можно ли, совершенствуя только одни общественные отношения, подчеркнем еще раз, как основу направленных изменений во всех сферах социальной жизни, рассчитывать в историческом плане на изменение демографических процессов в нужную сторону. Такого рода изменения могут произойти далеко не сразу, а через весьма значительное время, когда негативные последствия сложившегося типа воспроизводства населения могут проявиться весьма остро Да и параметры такого типа воспроизводства населения могут существенно отличаться от желаемых.

Следует также учесть, что создание нового типа общественных отношений — это общая, глобальная социальная задача и на ее основе могут и должны решаться многие другие социальные проблемы, которые требуют принятия специальных направленных мер. Поэтому совершенствование общественных отношений не отменяет, а, на наш взгляд, предполагает наличие специального комплекса мер демографической политики с четко определенной в количественном и качественном плане целью.

Все эти обстоятельства обусловливают необходимость системного подхода к решению задачи разработки комплексной долгосрочной программы развития населения СССР (КДПРН) как элемента программного подхода к решению сложных социальных задач, на актуальность которого указывал XXVI съезд КПСС. В докладе Н. А. Тихонова говорится: «Следует расширить разработку и реализацию целевых комплексных программ. Такой подход даст возможность объединить усилия ученых, производственников, работников плановых органов и министерств на решение важнейших научно-технических проблем»[1]. Принципы построения подобных программ (но лишь экономических) рассматриваются в методических материалах Госплана СССР.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 111.

Разработка же таких социально-экономических программ во многом дело новое[1].

Сложность и многообразие связей демографических явлений между собой, а также связь их с социально-экономическими явлениями обусловливают необходимость программного подхода к их решению. Разработка такого рода программ должна, видимо, проводиться, учитывая условия нашей страны, в несколько этапов.

На первом, подготовительном этапе следует обосновать необходимость и возможность управления демографическими процессами, наметить уровни управления, условия его успешности, всесторонне и тщательно учесть имеющиеся и перспективные генеральные тенденции развития СССР и регионов, разработать методику анализа взаимосвязи экономических и демографических процессов[2].

На втором, основном этапе должна вестись разработка и должна быть начата реализация союзной и типовых региональных (или союзной республики и области) программ.

В настоящее время выдвигаются предложения, прежде всего юристами, о разработке основ демографического законодательства СССР и союзных республик[3]. Лишь юристы могут решить, по какому признаку можно сформировать ту или иную область законодательства как самостоятельную сферу. Видимо, если и разрабатывать такое законодательство как самостоятельную сферу права, то целесообразность этого требует еще раз обдумать, на основе каких принципов его можно выделить из других областей права — гражданского или семейного.

Но есть, видимо, несколько общих положений, которые должны всегда соблюдаться, и во многом они уже закреплены в различных законодательных актах, на которых основывается проведение демографической политики. Это, во-первых, принцип свободы принятия решения человеком (или семьей) в отношении тех или

[1] Некоторые соображения по этому вопросу содержатся в работе А. Я. Кващи «Демографическая политика в СССР» и ряде работ Д. И. Валентея.

[2] Эти аспекты помимо данного исследования во многом также освещены в монографии: Управление развитием народонаселения. М., 1977.

[3] См.: *Литвинова Г. И.* Право и демографические процессы в СССР. М., 1981, с. 28—32.

иных демографических событий, например лишь мать и отец могут принимать решение, иметь или не иметь ребенка. Общество в этой сфере может лишь через различные источники информации советовать семье, ибо, как показал опыт, всякое «силовое давление» в этой области не только противоречит гуманистическим принципам, но и оказывается малоэффективным. Конечно, есть виды движения населения, например миграция и разводы, где меры общества носят ограничивающий характер, но результативность такого рода мер отнюдь не всегда в конечном счете оказывается высокой.

Другой важный принцип состоит в том, что «демографические интересы» должны учитываться при принятии различных, прежде всего экономических, решений. Именно недооценка этого факта при строительстве отдельных промышленных комплексов приводила к созданию возрастно-половых диспропорций в различных городах, к появлению «мужских» и «женских» городов. Недоучет специфики возрастного состава населения в городах с молодым населением ведет к перегрузке детских учреждений, а значит, нередко и к оттоку населения из этих районов. Все это делает обязательным участие демографов при принятии многих народнохозяйственных и социальных решений.

Общесоюзная программа должна быть главной в иерархии системы союзной и типовых региональных программ, поскольку генеральной целью управления действий должно быть формирование в перспективе единого по интенсивности режима воспроизводства населения.

Программа по стране в целом, по нашему мнению, должна состоять из нескольких основных блоков.

1. Теоретические основы комплексной долгосрочной программы развития народонаселения (КДПРН).

2. Генеральные тенденции развития населения и оценка их последствий.

3. Система целей программы, причем прежде всего по желательным параметрам типа воспроизводства в целом и на этой основе по отдельным видам движения населения.

4. Комплекс управляющих мер программы и оценка комплекса последствий их внедрения.

5. Организационные вопросы реализации программы, включая проблемы ресурсного обеспечения.

6. Вопросы связи КДПРН с другими социально-экономическими программами.

Региональные комплексные долгосрочные программы развития народонаселения являются иерархически соподчиненными элементами по отношению к союзной программе. Они должны на первом этапе своего существования учитывать имеющиеся существенные различия в режиме воспроизводства населения различных частей страны, т. е. необходимо разработать несколько типов такого рода программ.

Поскольку целью таких программ является создание единого по интенсивности в перспективе типа воспроизводства населения, то в этом смысле цели программ должны быть, по нашему мнению, едины по стране. Но использование мер управления, особенно внеэкономических, должно учитывать специфику развития регионов страны. В этом смысле меры управления должны быть дифференцированы по стране.

Можно полагать, что региональные программы должны состоять из нескольких основных блоков, которые в схематическом виде можно представить в следующей последовательности:

тенденции и последствия развития населения региона;

система целей региональной программы;

возможные меры управляющего воздействия на демографические процессы, относящиеся к компетенции республики или области, и оценка их последствий;

организационные вопросы реализации программы.

Следует еще раз подчеркнуть, что региональные программы дополняют общесоюзную с позиций учета особенностей тенденций и целей развития региона.

На третьем этапе реализации таких программ, после того как опыт покажет их положительные и отрицательные стороны, следует проводить корректировку (в смысле усиления влияния) мер и целей этих программ с учетом меняющихся социально-исторических и экономических условий. Так, пока в нашей стране существуют различия в уровне доходов трудящихся, необходимы и меры прямой помощи малообеспеченным семьям. В то же время система льгот для многодетных семей должна быть всегда, но по мере роста материального благосостояния акцент может быть перенесен с прямых материальных выплат на более широкое использование системы общественных фондов.

Проведение в жизнь мер демографической политики является делом сложным и в организационном и в научном плане, особенно в условиях СССР, где демографическая обстановка отнюдь неоднозначна по регионам. Опыт социалистических стран Европы показывает, что большое значение в этом отношении может иметь создание единого государственного органа, который бы руководил реализацией демографической политики в стране и ее частях и координировал в этих целях научные исследования.

Понятно, что все изложенное выше является в достаточной мере гипотетической схемой и нуждается в дальнейших уточнениях. Большое значение для этого будет иметь анализ опыта использования мер государственной помощи семье, принятых во исполнение решений XXVI съезда нашей партии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. **Из истории социально-экономического и демографического развития СССР** 21
1. Социально-экономическое развитие и формирование нового типа воспроизводства населения в дореволюционной России 21
2. Развитие народонаселения в 20—30-х годах 31
3. Развитие народонаселения до начала 60-х годов . . . 45
4. Тенденции изменения фонда внерабочего времени женщин в 20—60-е годы и рождаемость 57

Глава 2. **Современные тенденции демографического развития (1960—1980 гг.): региональный аспект** 75
1. Уровни социально-экономического развития республик 77
2. Современная демографическая ситуация в СССР . . . 87
3. Анализ структур родившихся и моделирование динамики уровня детности в региональном разрезе 104
4. Образование, занятость и профессиональный уровень женщин 119
5. Тенденции изменения здоровья населения и их социально-экономическая обусловленность 140
6. Взаимосвязь экономических и демографических процессов в региональном аспекте (опыт математического моделирования) 169

Глава 3. **О долгосрочных тенденциях воспроизводства населения на перспективу** 183
1. Первые перспективные исчисления населения в СССР (20—30-е годы) 185
2. О совершенствовании перспективных расчетов численности населения в СССР (50—70-е годы) 204
3. О долгосрочных тенденциях воспроизводства населения по регионам 215
4. Проблемы разработки комплексной долгосрочной программы развития населения СССР 225

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СССР

Рецензенты *Ю. А. Бжилянский, В. О. Рукавишников*

Зав. редакцией *В. П. Томин.* Редактор *И. М. Кирсанова*
Мл. редакторы *Г. М. Брызгунова, Е. М. Рудый.*
Техн. редактор *К. К. Букалова*
Корректоры: *Т. М. Колпакова, А. Т. Сидорова*
Худож. редактор *О. Н. Поленова.* Переплет художника *Б. М. Рябышева*

ИБ № 1166

Сдано в набор 20.01.82. Подписано в печать 29.07.82. А12817. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. П. л. 7,25. Усл. п. л. 12,18. Уч.-изд. л. 13,29. Тираж 4 500 экз. Заказ 73. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Финансы и статистика», Москва, ул. Чернышевского, 7

Типография им. Котлякова издательства «Финансы и статистика» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191023. Ленинград, Д-23, Садовая, 21.